

АНДРЭ НОРТОН

ТРОЙКА МЕЧЕЙ
БЕРЕГИСЬ ЯСТРЕБА

Волшебной Линии

КОШАЧЬИ ВРАТА

Колдовской мир

Андрэ Нортон

Тройка мечей. Сборник

«Азбука-Аттикус»

1977

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Нортон А.

Тройка мечей. Сборник / А. Нортон — «Азбука-Аттикус»,
1977 — (Колдовской мир)

ISBN 978-5-389-20362-4

Перу американской писательницы Андрэ Нортон, «великой леди фантастики» XX столетия, принадлежит более 130 книг. Критики, увы, не спешили поддержать ее, а сама она была слишком скромным человеком, чтобы пробивать себе дорогу к пьедесталу. Тем не менее талант ее сиял так ярко, что не остался незамеченным. В нашей стране имя писательницы стало известно после выхода романа «Саргассы в космосе», блистательно переведенного Аркадием и Борисом Стругацкими. А в 1963 году в США вышла книга под названием «Колдовской мир» — так был создан один из известнейших фэнтези-миров в истории жанра. Вселенная Нортон удивительна — магия здесь всеильна (и даже признана официально), а законы непреложны, и нарушившего их рано или поздно настигает справедливое возмездие. В Колдовской мир можно попасть через магические Ворота — и это дает любому человеку замечательный шанс начать новую жизнь на новой земле. В настоящий том входят три романа: «Тройка мечей», «Берегись ястреба» и «Кошачьи врата» — все в новом переводе. Лорд Трегарт, сын знаменитого Саймона Трегарта, отставного полковника, некогда проникшего в Колдовской мир, является в Эсткарп с призывом вернуться в родные земли Эскора, чтобы избавить их от вторжения Темных Сил. В числе тех, кто отправился в путь вместе с лордом, — хилый и робкий паренек Йонан. Но именно ему в руки попадает могущественный меч, который сам выбирает себе хозяина... Один и тот же загадочный сон много лет преследует Тирту и заставляет ее пуститься на поиски Ястребиного Утеса — разрушенной крепости, некогда принадлежавшей ее роду... В безлюдном уголке Северо-Шотландского нагорья Келси спасает дикую кошку от охотника, в пылу борьбы пролетает через каменную арку и... оказывается в Эскоре — стране Колдовского мира. Келси предстоит встретиться с Саймоном Трегартом, Йонаном, Владычицей Зеленой Долины и вместе с ними защищать Эскор от Зла.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-20362-4

© Нортон А., 1977
© Азбука-Аттикус, 1977

Содержание

Тройка мечей	7
Часть I	7
1	7
2	11
3	14
4	18
5	22
6	26
7	29
Часть II	34
1	34
2	37
3	42
4	45
5	49
6	53
7	56
Часть III	62
1	62
2	65
3	69
4	73
5	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Андрэ Нортон Колдовской мир Тройка мечей

Andre Norton
Trey of Swords

* * *

Публикуется с разрешения наследников автора и Ethan Ellenberg Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Trey of Swords

Copyright © 1977 by Andre Norton

Ware Hawk

Copyright © 1983 by Andre Norton

The gate of the Cat

Copyright © 1987 by Andre Norton

All rights reserved

© О. М. Степашкина, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021 Издательство АЗБУКА®

Тройка мечей

Часть I Ледяной меч

1

Моя мать была из Древней расы – из тех, кого изгнали из Карстена, когда герцог Ивиан, выскочка-наемник, ничего не понимающий в запретном и водящий компанию с мерзкими кольдерами, отправил на мыс Изгоев всех, чья кровь была древнее, чем у него.

Из наследства, более древнего, чем само имя Карстена, моя бежавшая от смерти мать привезла в Эсткарп лишь себя да свиту из трех вассалов своего отца. Их она отправила на помощь Стражам Границ, которые под командованием лорда из Иного мира Саймона Трегарта сдерживали Зло, обрушившееся на наш край. Сама она нашла пристанище у своей дальней родственницы, леди Крисвиты. А потом вышла замуж, но не за мужчину из своего народа, а за сулькарца, и в результате отдалилась от своих.

Но ее мужа убили во время одного из налетов на южные гавани. И поскольку моя мать не пользовалась любовью его народа, она вернулась к своим родичам, унося в чреве дитя, зачатое во время ее короткого брака. А еще в ней иссякло стремление к жизни, и потому после моего преждевременного появления на свет она угасла, словно свеча, задутая нетерпеливым дыханием.

Меня забрала леди Крисвита и оставила у себя, хотя она и сама вышла замуж за лорда, бежавшего с юга, Хорвана. Его семья сгинула, когда была объявлена вне закона, но он был обучен военному делу и нашел себе место среди Стражей Границ. У него были две дочери и сын Имхар, старше меня на два года, – крепкий, здоровый мальчик, с готовностью вступивший в ненадежный мир тревог и войн, в котором мы были рождены.

Со мной дело обстояло иначе. С самого рождения я был заморышем и нуждался в постоянной заботе; меня одолевало столько болячек, что я служил источником огорчения и раздражения для всех, кроме моей леди, и я осознавал это недовольство с того момента, как стал достаточно взрослым, чтобы понимать, что творится вокруг. Хотя я изо всех сил старался угнаться за Имхаром, в нашем отрочестве у меня не было на это ни единого шанса. Имхар словно родился с мечом в руке; меч казался продолжением его руки, и обращался он с ним так искусно и красиво, что просто загляденье.

Он был бесстрашным наездником и начал выезжать в дозоры еще тогда, когда едва мог сосчитать годы своих отроческих тренировок. И лорд Хорван совершенно обоснованно гордился своим наследником, юношей, обладающим всеми свойствами, нужными для того, чтобы пробиться в эти опасные времена.

Я обучался владеть мечом и дротикометом – боевой топор был слишком тяжел для моих рук. Среди темноволосых и смуглых людей Древней расы я был чужаком не только из-за малой физической силы, но еще и из-за своей светлой кожи и светлых волос; я унаследовал их от сулькарцев – но, увы, при этом мне не досталось ни высокого роста, ни крепкого сложения этих людей.

Хоть я и старался изо всех сил угнаться за Имхаром, сердце мое желало иного. Я стремился не к морю, как народ моего отца, что было бы достаточно естественно, – нет, я жаждал знаний, забытых знаний, что были некогда частью нашего прошлого.

Да, верно, мужчины не могли обладать Силой, во всяком случае, так утверждали Мудрые – колдуньи, правившие Эсткарпом. Но были древние легенды – я слышал их обрывки время от времени и хранил в памяти, как сокровище, – говорившие, что так было не всегда. Что некогда мужчины также шли по этому пути, и не без успеха.

Я довольно неплохо умел читать и выискивал все, что только мог, об этих незапамятных временах. Но я никогда ни с кем об этом не говорил, потому что меня могли бы счесть полумным или даже решить, что я буду опасен для семьи, если колдуньи узнают о моей ереси.

В тот год, когда я получил собственный меч и начал выезжать в дозоры со Стражами Границ, Карстен послал против нас величайшую из опасностей. Кольдеры исчезли, лорд Саймон и его леди решили отправиться за море и закрыть Ворота, сквозь которые в наш мир пришел этот ужас. Ивиан, лорд юга, тоже угрожал кольдерам, и это привело его к смерти. В результате Карстен оказался на некоторое время охвачен хаосом, ибо лорды сражались друг с другом за верховенство.

Наконец верх одержал Раган из Клина и, чтобы объединить свой народ, объявил священный поход против колдуний. В затруднительных обстоятельствах такие умники вечно стремятся отыскать врага за пределами собственных границ, против которого можно выступить всем вместе, чтобы отвлечь людей от ран и потерь у себя дома.

Тогда объявлен был великий сбор, но не для наших мечей, а для владеющих Силой. Колдуньи объединились на одну ночь и один день, собрав все Силы, которые сумели призвать. И они направили их к югу, и сама земля повиновалась их повелениям. Горы сдвинулись со своих мест, землю скрутило и разорвало. Но и колдуньи дорого заплатили за свое деяние. Множество их погибло, став каналом для Силы, испепелившей их жизни.

Чтобы избежать хаоса, подобного тому, что охватил Карстен после убийства Ивиана, Корис из Горма взял на себя управление этим краем, и власть перешла от Совета к нему.

Лорд Саймон и леди Джелита давно затерялись где-то в северных морях, а другого военного главы, достаточно выдающегося, чтоб завоевать уважение и верность жителей Эсткарпа, не нашлось.

Но затем, передаваясь от замка к замку и от поместья к поместью, до нас дошла странная история – будто дети Дома Трегарта бежали из тех краев от гнева колдуний и теперь они были вне закона, и всем запрещено было помогать им, а кто ослушался бы, тот и сам стал бы законной добычей для любого желающего.

Люди шептались, будто сыновья лорда Саймона унаследовали всем известную Силу, которой тот владел и пользовался. И что они, вопреки всем законам и обычаям, помогли своей сестре сбежать из Обители Мудрейших, где она обучалась. В них было что-то очень странное, небывалое, ибо родились они одновременно и потому были очень близки между собой.

Я веду речь об этой троице, потому что они изменили мою жизнь, как и жизнь всех, кто обитал во владениях лорда Хорвана. И я стремился разузнать все, что только мог, о молодых лордах, которые, как и их отец, отличались от нашего народа.

Карстена теперь можно было не бояться. Лорд Хорван принялся строить планы на будущее. Когда он объезжал свои владения, собирая войско, он нашел место, которое показалось ему весьма подходящим для поместья. И никто не стал бы оспаривать его право занять это место, потому что находилось оно далеко на востоке, в той части страны, что была давно уже покинута и наполовину позабыта.

Итак, мы отправились туда, чтобы начать все сначала в мире, который казался нам странным и в котором мы все еще сомневались, потому что мужчины не расставались с оружием и часовые непрестанно вели дозор. Нас там было пятьдесят, в основном мужчины, но все же при леди Крисвите состояло пять женщин, а кроме того – ее дочери, ее сестра, их мужья и ребенок ныне покойной младшей сестры, на два года моложе меня.

Теперь я должен рассказать о Крите – но это нелегко. С того самого момента, как я впервые заглянул в ее стоявшую у очага колыбельку, меня что-то связывало с ней, вопреки всему. Меж нами не было родства, да и быть не могло. В соответствии с древними традициями нашего народа она должна была, когда настанет срок, выйти замуж за Имхара и тем самым объединить владения лордов, к чему стремился Хорван.

Она была истинной дочерью Древней расы – темноволосой, смуглой и стройной. И мне она казалась немного отстраненной, как будто порой говорила или слышала нечто чуждое окружающим.

Из-за своей хилости в детстве я больше общался с Критой, чем с Имхаром, и она начала обращаться ко мне со всякими мелочами – просила помочь ухаживать за птичкой со сломанным крылом и тому подобное, ибо с самого раннего ее детства было очевидно, что у нее талант к целительству.

Что ее таланты этим не ограничиваются, я узнал, лишь почти достигнув возраста, когда уже отправляются в рейды со Стражами Границ (я наконец-то окреп до такой степени, что мог назвать себя воином, хоть и не особо хорошим). Я неожиданно наткнулся на нее у ручья, протекавшего неподалеку от укрепленной усадьбы, которую леди Крисвита тогда называла домом.

Крита сидела неподвижно в высокой траве, скрывавшей ее почти с головой. Глаза ее были закрыты, как будто она спала, но она плавно водила руками туда-сюда. Я озадаченно посмотрел на нее, а потом заметил – и задохнулся от тошнотворного ужаса, – что в траве свернулась змея длиной с мою руку. Приподняв голову, змея раскачивалась, следуя за руками Криты. Мне следовало бы извлечь оружие из ножен и убить тварь, но я не мог пошевелиться.

Наконец Крита хлопнула в ладоши и открыла глаза. Змея опустила голову и исчезла в траве, словно она лишь померещилась мне.

– Не бойся, Йонан.

Крита не обернулась, чтобы взглянуть на меня, но она знала, что я здесь. И когда она заговорила, сковывавшие меня узы исчезли вслед за змеей. Я в два шага очутился рядом с Критой, ощущая, как гнев во мне вот-вот сравняется со страхом.

– Что ты делаешь? – строго спросил я.

Она подняла голову и посмотрела на меня.

– Присядь. – Она кивнула на землю рядом с собой. – Или мне следует беседовать с горой, которой я не могу заглянуть в глаза, не рискуя растянуть свою несчастную шею?

Я осторожно осмотрел траву – мне очень хотелось поворошить ее мечом, чтоб не сесть на недавнюю собеседницу Криты, ибо исход был бы печален для нас обоих. Потом я все-таки сел.

– Это часть целительства – я так думаю. – Но в голосе ее чувствовалось некое смущение. – Они не боятся меня – ни крылатые создания, ни покрытые мехом, а сегодня я убедилась, что могу достучаться и до чешуйчатых. Я думаю, мы слишком часто закрываем свой разум или излишне полагаемся на подобные вещи, – она чуть подалась вперед и коснулась пальцем ножен моего меча, – и потому почти не слышим того, что нас окружает, не чувствуем блага этого мира.

Я глубоко вздохнул, и гнев покинул меня. Какое-то внутреннее чувство говорило мне, что Крита знает, что делает, не хуже, чем я знаю, что делать с оружием.

– Йонан, помнишь те старые истории, которые ты мне когда-то рассказывал?

Я делился собранными обрывками легенд и старинных песен с одной лишь Критой.

– В том мире Силой обладали и мужчины...

– Силы ныне в Эсткарпе, – напомнил ей я.

А потом меня захлестнул новый страх. Колдуньи всегда жаждали пополнить свои ряды. Пока что они не интересовались беженцами из Карстена, но если вдруг у какой-то девочки обнаружатся необычные способности... Крита... Нельзя было допустить, чтобы Крита исчезла за серыми стенами, отдав все, делающее жизнь прекрасной, взамен Силы.

– Я не колдунья, – тихо сказала Крита. – И, Йонан, я поделилась этим лишь с тобой одним. Потому что ты понимаешь, что свобода важнее Силы. Силу можно возлюбить чрезмерно.

Я нашарил ее руку, крепко сжал и посмотрел ей в глаза:

– Поклянись, что не станешь делать этого снова! Только не с чешуйчатыми тварями!

Она улыбнулась:

– Я не стану клясться ни в чем, Йонан. Клятвы – это не мое. Самое большее, что я могу тебе пообещать, – не рисковать.

Этим мне и пришлось удовольствоваться, хотя в душе я редко бывал удовлетворен, особенно когда думал о том, что ей еще может взбрести в голову. Но больше мы об этом не говорили. Вскорости я присоединился к Стражам Границ, и мы с Критой стали очень редко видеться.

Но когда мы ушли на восток и основали новое поместье, все изменилось. Крита достигла брачного возраста. Вскоре Имхар мог заявить свои права на нее. И мысль об этом наполняла меня печалью. Я начал сторониться ее, потому что уже осознал собственные чувства, которые надлежало обуздать и держать под замком.

Этот чужак явился, когда усадьба еще не была достроена.

Он пришел с холмов, в сопровождении одного из наших дозорных, и поприветствовал лорда Хорвана, как подобает гостю. Однако все мы почувствовали в нем нечто странное.

Он был молод и определенно принадлежал к Древней расе. Но глаза его были не серыми, а темно-голубыми. И держался он горделиво, словно человек, имеющий право приветствовать именитых воинов как равных.

Он сказал, что на нем лежит гис. Но позднее чужак открыл нам, что на самом деле он изгой, один из сыновей Трегарта, и что он явился в эту долину из давно погибшего края на востоке, Эскора, откуда, как он утверждал, изначально произошел наш народ, – чтобы позвать людей обратно.

Лорд Хорван счел его опасным, и Годгар, его маршал, был согласен с ним. Потому решено было передать его страже Совета, чтобы нас самих не объявили вне закона.

Но когда он уехал в сопровождении Годгара, нас охватили смутение и беспокойство. Я видел сны, и другие тоже, и они говорили об этих снах во всеуслышание. Мы больше не шли рубить деревья для стройки, а беспокойно расхаживали из стороны в сторону и смотрели на вздымающиеся на востоке горы. Нас переполняло какое-то смутное стремление.

Затем вернулся Годгар со своими людьми и рассказал историю, в которую трудно было поверить, однако мы знали, что в этом населенном призраками краю происходило много странного. И так, множество птиц и зверей прервали свой путь на запад, и под защитой этих крылатых и мохнатых Килян Трегарт двинулся обратно к горам. И эта компания позволила Годгару и его людям вернуться к нам в целостности и сохранности.

Тогда-то леди Крисвита встала и обратилась ко всем нам:

– Нам суждено было поверить в это послание. Разве может кто-то под этим кровом сказать, что в нем не возникло стремление отправиться в путь? Я поговорила наедине с Киляном Трегартом и поняла правду. Думаю, мы призваны присоединиться к его пути и противиться этому не можем.

Когда леди Крисвита облекла это в слова, мое беспокойство улеглось; зато меня охватило желание последовать за Трегартом, как будто меня ожидало великолепное, восхитительное приключение. И, оглядевшись по сторонам, я понял, что остальные разделяют мои чувства.

Вот так мы собрали вещи, которые могли понадобиться в пути, и, не зная, во что ввязались, выехали из поместья, в котором хотели обрести дом, и направились в глушь, в которой могла таиться опасность хуже той, что когда-либо исходила из Карстена или Кольдера.

2

Так мы пришли в Эскор, страну, давным-давно разрушенную магией тех адептов, которые решили, что людские законы, как и законы природы, писаны не для них. На протяжении жизни многих поколений эта земля пребывала в состоянии хрупкого мира, с трудом балансируя между Силами Света и Тьмы. Те адепты исчезли. Одни погибли во время буйных свар со своими же товарищами, оставив после себя выжженную, омраченную землю. Другие же создали Ворота в Иные времена и миры и, охваченные любопытством – или жаждой власти, – отправились туда.

После себя исчезнувшие Великие оставили последствия своих занятий запретным. Они создали путем мутаций существ, отличных от людей. Некоторые из них были довольно похожи на людей, и с ними могла возникнуть своего рода близость. Другие же принадлежали Тьме и разоряли этот край, как им пожелается.

Прежде чем Древняя раса обрела такую власть, в этом краю жили и другие народы, не люди, но подобные им. Они были связаны с землей сильнее, чем любой человек, и не стремились противоборствовать с ней или изменять ее, как это в обычае у моего народа. Они предпочитали жить в мире с ней, подстраиваясь под времена года, и земля питала и поддерживала их.

Это был народ Зеленой Долины. Когда рок, разбуженный адептами, обрушился на их край, они ушли на восток, в глушь, забрав с собой некоторых из выведенных адептами существ, а другие сами потянулись за ними следом. Там они и жили, держась в стороне ото всех остальных.

Но часть уцелевших людей Древней расы не стремилась к запретному знанию. Они ушли на запад, преследуемые порождениями Тени, и добрались до Эсткарпа и Карстена. Там, как это сделали колдуньи, чтобы победить Рагана, те из них, кто обладал Силой, произвели мощное землетрясение, отгородив свою древнюю родину стеной. Так сильны были проклятия, которые они тогда наложили на людей, что мы больше не думали о востоке – он выпал из нашей памяти. Так было до тех пор, пока лорды Дома Трегарта и их сестра – полукровки, неподвластные заклятию, – не осмелились вернуться туда.

Путешествие наше было нелегким. Сама земля возвела множество препятствий на нашем пути. А кроме того, – хотя нас встретили те, кого Килан попросил отнестись к нам по-доброму, – нас преследовали порождения Тьмы, так что до Зеленой Долины мы добирались с такими же трудностями, как и те, кто поколением раньше бежал из Карстена.

Но Зеленая Долина была безопасной гаванью, на входе в нее были высечены особые руны и знаки. И никто, хоть мало-мальски связанный с Тенью, не мог миновать их и выжить.

Дома народа Зеленой Долины были странными, но все же приятными для глаз. Они были не сделаны людьми из дерева и камня, а скорее выращены. Деревья и кусты переплетались, образуя стены, не уступающие прочностью стенам пограничных крепостей. А крыши были покрыты ярко-зелеными перьями – их сбрасывали во время линьки птицы, повинующиеся леди Дагоне.

О ней рассказывали самые древние наши легенды – о лесной женщине, способной уговорить растения цвести и плодоносить в точности так, как она пожелает. И все же она, как и весь ее народ, была чужда нам. Ее внешность изменялась в долю секунды. Вот только что у нее были огненно-рыжие, как солнце, волосы уроженки Сулькара – а в следующий миг их сменяли черные локоны и молочно-белая кожа представительницы Древней расы.

Ее сопратителем был Этутур, и его внешность изменялась точно так же. Неизменными оставались лишь небольшие рожки цвета слоновой кости, торчащие из волос надо лбом. Но все же изменения его лица и волос не были столь поразительными, как у Дагоны.

Согласно приказу лорда Хорвана, мы разбили палаточный лагерь. Хотя за горами-стенами этой твердыни близилась зима с ее холодами, здесь погода оставалась мягкой, словно в конце лета.

Казалось, тут оживают легенды: вокруг летали, расхаживали, играли странные существа, которых мы долго считали лишь плодом воображения, созданиями сказителей. Тут обитали фланнаны – существа очень маленькие, но достаточно похожие на людей, чтобы казаться нашей дальней родней. Они были крылатыми и иногда танцевали в воздухе, радуясь жизни. Еще там были рентаны, большие, как лошади, с короткими пушистыми хвостами-кисточками и с изогнутым красным блестящим рогом во лбу.

Они принесли нас с гор, но всадникам они не служили; это были разумные и гордые существа, не слуги, а союзники Долины.

Еще там жили люди-Ящеры, и о них я узнал довольно много, потому что первый мой здешний друг был из их числа. Произошло это из-за моих душевных мук.

Крита попала в рай – ну или ей так казалось. Из худенькой тихой девочки, почти ребенка, она превратилась в незнакомую мне девушку. Она постоянно сопровождала Дагону, стремясь научиться всему, чему только леди соглашалась ее учить.

Имхар постоянно пропадал на советах воинов, и не всегда в роли слушателя, как подбало бы в его юные годы. Он глотал знания о войне, как домашний кот свежее молоко, ибо мы пришли в Долину, где царил мир, но она была лишь островком покоя. Вокруг нас кипел и бурлил Эсткарп. Сам Этутур поехал с лордом Кемоком Трегартом в качестве его герольда навестить кроганов, обитателей вод. А другие герольды направились собирать под наши знамена все силы, какие только удастся.

В кузне ковалось оружие, испытывались кольчуги и шли прочие хлопоты, которые так долго были нашим уделом в Эсткарпе. Разница была лишь в том, что сейчас нашими противниками были не люди, а злобные, абсолютно чуждые нам существа.

Я готов был драться, когда настанет час, но меня переполняло ощущение одиночества. Во всем нашем отряде лишь у меня не было ни брата по оружию, ни товарища по веселью. А Криту я видел редко.

Истинная история Йонана началась в день той бури, как будто до той поры я был лишь наполовину сделанной, грубо отесанной, плохо пригодной для употребления вещью.

Я шел тогда с отрядом мечников лорда Хорвана. Один из народа Зеленой Долины служил нам проводником. Мы взбирались по защищавшим Долину каменистым склонам, чтобы выглянуть наружу и посмотреть, что лежит за ними, и решить на будущее, где лучше будет встретить нападение. Когда мы начали подъем, был ясный день, но потом стали собираться тучи, и Ягат, наш командир, поглядывал на них с беспокойством, приговаривая, что надо бы вернуться, пока нас отсюда не сдуло.

Тучи – а может, они были порождением Тени, а не природы? – накатывали так быстро, что мы заторопились. Но случилось так, что я шел последним, и, когда ветер обрушился на нас с воем, заглушившим все остальные звуки, я поскользнулся. Не успев восстановить равновесие, я заскользил вперед, ломая ногти и обдирая пальцы о камни в попытках удержаться.

Тьма и ветер скрыли меня от остальных, а еще выемка в камне, в которой я застрял при падении. Кольчуга не спасла меня от болезненных ушибов. Сверху лила вода, как будто кто-то на утесе выплескивал ведро за ведром на мое тесное укрытие.

Я оттолкнулся изо всех сил и забрался поглубже в это временное узилище, нависший сверху камень отчасти прикрыл меня от ветра и ливня. Я подумал, что позже смог бы вскарабкаться наверх, но пока что не посмел из-за потока воды, стекающего по склону справа от меня.

Небольшой видимый мне кусочек неба озаряли мощные вспышки молний, напоминая о самом эффективном оружии Зеленого народа, их силовых хлыстах. Потом поблизости раз-

дался жуткий оглушающий грохот и донесся странный запах; мне подумалось, что и вправду где-то неподалеку ударила молния.

Поток воды нес с собой небольшие камни, и вода недостаточно быстро вытекала из моей расщелины, хотя у нее и был выход в Долину. Так что вода сперва заплескалась на уровне моих коленей, потом достигла бедер. Я принялся извиваться в попытке забраться повыше, но ничего не получилось.

А стук дождя и раскаты грома все никак не прекращались.

Развернувшись и попытавшись отыскать укрытие получше, я осознал, что мою правую лодыжку то и дело пронзает боль, так, что у меня пару раз даже голова закружилась. В конце концов я понял, что придется здесь сидеть, пока не закончится буря, и перестал дергаться.

Во время одной из этих ярких вспышек я впервые увидел, как в стене справа от меня что-то сверкнуло. Сперва это меня не заинтересовало – лишь вызвало мимолетную мысль: что там может блестеть? А потом я поерзал, пристраивая плечо поудобнее, и ощупал стену.

Мои ободранные пальцы вздрогнули от прикосновения к шершавому камню, а потом коснулись чего-то гладкого и не просто гладкого, а еще и странно прохладного и приятного на ощупь. Я изучил в темноте свою находку. Это было нечто вроде жезла, торчавшего из скалы примерно на длину моего большого пальца, немного толще пальца. Я попытался вытащить этот предмет, и он, казалось, немного подавался, но в этой тесноте я не мог дернуть как следует.

Однако же что-то в моей невидимой находке заставляло меня прикасаться к ней, ощупывать ее. Я сомневался, что это был просто каменный выступ. Он был слишком гладкий и скорее походил на отполированный металл или обработанный кристалл. И все же он торчал из скалы, и я не смог нащупать никакой щели вокруг него, а потому усомнился, что этот предмет создан человеческими руками.

Буря продолжала яриться. Я смотрел из своей тесной западни на мир за пределами Долины, но темнота не давала ничего рассмотреть. Лишь кое-где земля светилась, – судя по тому, что мне доводилось слышать, это были места, где все еще тлели остатки Силы. Нам показывали подобное во время нашего пути через горы. Голубое свечение указывало на безопасное место, где можно было укрыться. А вот тускло-белое, или зеленое, или, хуже всего, красное с черноватым отливом говорили о ловушке.

Как ни долго бушевала буря, но все же она стихла. Вода утекла из расщелины. И молнии больше не хлестали по склонам гор. Я выбрался из-под каменного выступа, служившего мне укрытием, и попытался выпрямиться. Занемевшее тело и поврежденная лодыжка сделали это движение болезненным. Я чувствовал шершавую поверхность, по которой можно было бы взобраться вверх, но сомневался, что смогу опираться на ногу.

Потом я застыл. Я услышал звук – не шум дождя, не гром, – скорее, казалось, что кто-то спускается по склону. А вдруг это какое-то создание Тьмы пробралось сюда под ливнем и теперь выжидает момент, чтобы напасть на меня?

Потом появился огонек. В его свете я увидел вытянутую, зубастую морду одного из Ящеров. Потом показались его передние лапы с тонкими пальцами. Свет медленно спустился ко мне; я увидел, что он исходит от камня, оплетенного тонкой проволокой и привязанного веревочкой.

Ящеры, как и представители прочих нечеловеческих рас, общались мысленно. Но я не обладал способностью к контакту разумов, которую так старательно развивала в себе Крита. Я протянул руку и поймал оплетенный камень. В его свете я рассмотрел лодыжку. Ботинок плотно обхватывал голенище, а нога над ним опухла. Неудачно я ее подвернул. Ясно было, что наступать на нее я не смогу.

Я попытался жестами объяснить эту проблему своему спасителю. Он посмотрел на меня яркими, как самоцветы, глазами, а потом в мгновение ока исчез. Я понадеялся, что он пошел за помощью. Но я начал еще и бояться этого. Люди Хорвана и так любили пошутить, что я ни

на что не гожусь. И вот я в первом же выходе в патруль умудрился выставить себя в наихудшем свете.

Когда человек-Ящер ушел, любопытство заставило меня вернуться под выступ и посмотреть, что же такое торчит из стены. Когда я подошел туда со своим тусклым светильником, неизвестный предмет ослепительно засверкал.

Это и правда был жезл, сделанный из какого-то кристалла, словно притягивающего к себе свет. И от него исходило голубоватое сияние. Да, он торчал прямо из камня, но, несомненно, это было творение чьих-то рук. Я даже представить себе не мог, как же оно оказалось заключено в камень.

Я ухватил его свободной рукой и дернул изо всех сил. Жезл практически не подался. Чтобы извлечь его, надо было расколоть скалу, из которой он торчал. Но я должен был его достать! Просто обязан! Как наложенный на всех нас гис привел нас в Эсткарп, так и теперь я осознал, что некая Сила, недоступная моему пониманию, привела меня к этой вещи. Что моя находка была важна. Что я готов в этом поклясться.

А потом я быстро обернулся – сверху снова послышался шорох, и тот человек-Ящер с легкостью спустился по стене. Для него эта скала была все равно что лестница. На плече у него висел моток веревки. Спустившись, он жестами велел мне обвязаться этой веревкой.

Так во время бури я нашел в этой давно омраченной земле и свою судьбу, и друга – потому что Тсали был настоящим другом, которому не страшно было доверить собственную жизнь и даже то, что важнее жизни.

3

Так я на некоторое время остался в Долине. Но леди Дагона поделилась своими знаниями с Критой, и та принесла мне тазик пузырящейся красной глины. Когда ботинок был срезан с ноги, Крита обмазала мою лодыжку этой глиной. Под воздействием ее тепла боль утихла, и я уснул.

Мои сны никогда не становились реальностью, как те, что были истинными посланиями Силы, – время от времени они приходили к избранным нашего народа, как предостережение. Но на этот раз я шагал по земле, которая была столь же реальна, как и во время бодрствования. А в руке я нес меч, и он лежал в моей ладони так привычно, словно был продолжением руки, и во сне я даже представить не мог себе жизни без этого меча.

Однако же меня переполняли печаль и страх – не за себя, но за других. Я шел и беззвучно плакал о потере, которой не помнил, но все же она была велика и гнула меня к земле сильнее, чем любой дорожный мешок. Я видел, что надетая на мне кольчуга изорвана и покрыта пятнами ржавчины. Левую руку я прижимал к боку, и пальцы мои были в крови. Меня терзала боль, и я сражался с нею. Мое тело должно было помочь мне что-то сделать, прежде чем я упаду замертво.

Меня ждала неизбежная смерть, я знал это наверняка. Все, что осталось у меня за спиной, сгнуло под напором Тени, кроме того, что я нес с собой. Во сне я знал, что этот меч не должен достаться тем, кто шел сейчас по моему следу.

Но меня трясло, бремя боли гнуло меня к земле. Все расплывалось перед глазами. Время утекало, как и жизнь, вместе с каплями крови, сочившимися из моего бока. Но воля моя не подчинялась ни времени, ни слабющему телу.

Земля под моими подкашивающимися ногами понемногу становилась круче, и, несмотря на всю мою решимость, шаги мои замедлились. И все же я продолжал идти. Потом передо мной возник туман. Мои губы произнесли непонятные мне самому слова. Но при этом я знал, что некогда они были мне известны и что они были моим оружием, почти таким же могущественным, как меч.

Возможно, именно Сила слов позволила мне превзойти пределы человеческой выносливости. Дыхание мое было хриплым и рваным. Я не мог больше совладать с пожиравшей меня болью. Но воля моя оставалась непреклонна.

Наконец я остановился, пошатываясь, на краю обрыва. Снизу поднимался туман, и я понимал какой-то частью мутившегося сознания, что его породил находившийся внизу расплавленный камень, кипящий и бурлящий, словно вода. Туда я и швырнул свой меч. На это я истратил все силы, что еще позволяли мне держаться на ногах и добраться сюда с поля брани, где восторжествовала Тень.

А потом я рухнул на землю, понимая, что теперь могу встретиться со смертью, и притом охотно. И проснулся. Я был весь в поту и крепко прижимал руку к боку. Я посмотрел туда в полной уверенности, что сейчас увижу текущую из-под изодранной кольчуги кровь. Но там была лишь кожа, гладкая и целехонькая. И я понял, что это был сон.

В нем я не был Йонаном, о нет. Но и вспомнить имя человека, которым я был тогда, у меня не получалось. Однако же я вынес из этого сна о смерти одну мысль: то, что я нашел в горах торчащим из камня, было именно этим мечом. Когда-то он был мне по руке и станет мне по руке снова.

Однако же что-то заставляло меня держать это в тайне, хоть я и сам не понимал, чем это вызвано. Я стерпел насмешки Имхара над моей неуклюжестью. Но когда Крита пришла, чтобы проверить, как там моя нога, я спросил ее о человеке-Ящере, который меня нашел.

Это она сказала мне, что его зовут Тсали и что он из дозорных, охраняющих горы. Я позавидовал ее Дару, позволяющему общаться с иными народами, и попросил передать ему мои благодарности. И искренне удивился, когда в тот же день он неслышно вошел в комнатку, где я лежал, и присел рядом, глядя на меня своими глазами-самоцветами.

Он был примерно мне по плечо – изрядный рост для его народа. А потом он присел на задние лапы, опираясь для равновесия на гибкий хвост, снял с запястья шнурок с вплетенными в него белыми и красными бусинами и пробежался по ним тонкими пальцами, словно собирая что-то этими прикосновениями. Я уже видел, как нечто подобное проделывают его соплеменники и слышал упоминания о том, что так, похоже, Ящеры ведут записи.

Я посмотрел на его увенчанную гребнем голову, и мне отчаянно захотелось поговорить с ним, хоть я и знал, что слова, пусть даже и на древнем наречии, ничего ему не скажут. Только представители Зеленого народа могли говорить напрямую, разум к разуму, с теми, кто делил с ними Свет и боролся против Тени.

Внезапно Тсали натянул свои бусины обратно на запястье и достал из сумки на поясе – единственном предмете одежды на его теле, покрытом радужной чешуей, – тонкий, гладкий камень размером с половину моей ладони. На камне этом были вырезаны руны; первая их строчка была заполнена золотыми чешуйками и легко читалась, вторая – чем-то красным, а третья – зловеще черным.

Я видел прежде подобные вещи. Они предназначались для прорицаний, их использовали Мудрые, которым не доставало Силы, чтобы стать полноправными колдуньями. Однако же, когда Тсали поднес этот камень к моим глазам, я понял, что эти руны немного отличаются.

Продолжая держать каменную пластину в одной руке, человек-Ящер второй взял меня за запястье, прежде чем я успел понять, что он собирается сделать. Он поднял мою руку, поднес к камню и провел моими пальцами по его гладкой поверхности. Я ощущал все изгибы и повороты высеченных знаков. Странно, но оказалось, что камень вовсе не холодный, как я думал, – скорее, даже теплый, как будто некоторое время полежал у очага.

Под моим прикосновением руны сделались ярче и отчетливее. Сперва золотые, потом красные, а за ними и черные. Но от последних знаков в этом ряду мои пальцы задрожали, потому что при всей малости моих знаний о Силе я отлично понял, что это знаки недобрых предзнаменований и отчаяния.

Тсали смотрел, как руны поочередно вспыхивают и гаснут, и его чешуйчатое тело напряглось. Похоже было, что он, в отличие от меня, способен прочесть знаки, искрящиеся под моими прикосновениями. Когда я наконец коснулся последней руны, он забрал пластину и тут же спрятал ее. Но не ушел.

Вместо этого он подался вперед, глядя на меня так пристально, словно ждал от меня ответа. Медленно, очень медленно что-то шевельнулось у меня в сознании. Сперва я так испугался, что отшатнулся от него; мое изумление было столь сильно, что я не мог поверить, что это не игра моего воображения, а нечто большее.

Это не было отчетливой мысленной речью – для нее мне слишком не хватало умения. Скорее, я ощутил некое подобие вопроса. И относился он к чему-то из далекого прошлого.

Но в моем прошлом не было ничего такого, что могло бы заставить Тсали копаться в моем сознании. Я был, наверное, самым незначительным членом Дома Хорвана и даже не чистокровным потомком Древней расы. Или... Чем я был?

На один головокружительный миг меня словно швырнуло обратно в тот сон, где я брел к смерти, чтобы что-то сохранить – или уничтожить, – что-то более великое, чем я сам, но принадлежащее мне. И я обнаружил, что даже после пробуждения помню в мельчайших деталях этот подъем на край кратера и потерю меча, который был неотъемлемой частью меня самого.

Но это был всего лишь сон. Это случилось давным-давно. Я – не тот незнакомец, смертельно раненный в неведомой битве. Я Йонан, полукровка, слабак...

Я – и то и другое!

Я сам не могу объяснить, откуда это стало мне известно. Я слышал, некоторые иноземцы верят, что, хотя адепт может прожить во много раз больше, чем обычный человек, люди, уступающие ему силой, могут вернуться, родиться снова, если не выполнили какую-то задачу, снова обрести возможность выбирать и действовать. И надеяться, что на этот раз все обернется к лучшему.

Может, этот чужак внутри меня как раз из таких людей? Истинен этот сон или лишь игра воображения? Но кто может дать ответ? Мой предсмертный путь был сейчас для меня таким же реальным, как будто все это вправду случилось со мной – вчера или прошлой ночью, когда я думал, что брежу во сне.

Теперь я знал, что должен сам себе ответить на этот вопрос. И доказать это можно было лишь одним способом: я должен вернуться на тот утес, отыскать загадочный предмет, заключенный в камне, и извлечь его. Если я увижу его, если снова сожму его в ладони, тогда... тогда, возможно, осознание того, что он был моим, был предназначен для меня, вернется снова.

Тсали зашипел. Каким бы тихим ни было его шипение, оно нарушило мою сосредоточенность. Ящер все еще смотрел на меня, но уже не так напряженно. Теперь он кивнул; увенчанная гребнем голова степенно опустилась и поднялась. И я понял, что, хотя и не могу читать мысли, кроме самых смутных отголосков, мое сознание более открыто для него.

Я заговорил, хоть и не знал, способны ли его нечеловеческие уши улавливать мои слова и извлекать из них какой-то смысл.

– Я должен вернуться...

Кажется, он меня понял. Во всяком случае, церемонно кивнул. И в этом кивке таилось обещание – он словно подразумевал, что я должен сделать то, что пожелал.

Теперь мне не терпелось вылечить лодыжку, и я донимал Криту просьбами снять с моей ноги тяжелую глиняную корку. Наконец она ее сломала и освободила меня. Я не чувствовал боли, и на ноге не осталось ни опухоли, ни отметины. И когда я встал, то почувствовал себя совершенно нормально.

Но выкроить время для исполнения моего желания было нелегко. Я не мог просто взять и уйти, бросив тренировки, превращающие наше маленькое войско в отряд обороны. Как ни странно, я был твердо уверен, что не должен ни с кем делиться своей тайной – кроме Тсали. Так

что прошло целых три дня, полных досады и нетерпения, прежде чем мне удалось ускользнуть до рассвета, чтобы снова подняться на тот утес. Но прежде, чем я протянул руку к первой опоре для подъема, неведь откуда возник воин-Ящер и проскочил мимо меня наверх с ловкостью, недоступной человеку.

Я был рад, что Тсали присоединился ко мне. На этот раз я, поднявшись наверх, не мог отыскать никаких ориентиров. Я не знал, откуда начинать поиски той расщелины, в которую я столь неожиданно провалился. Но по поведению Тсали – он посмотрел на меня сверху и двинулся вправо – было ясно, что он сумеет меня довести.

Днем, без штормовых туч вокруг, окружающие Долину суровые вершины были отлично видны. В этих горах было множество расщелин, и все они походили друг на друга. Однако же Тсали подошел к одной из них, остановился и махнул рукой, подзывая меня.

Я опустил на колени и стал всматриваться в щель в скале. Отсюда ничего не было видно. Должно быть, моя находка располагалась подальше, в полутени под каменным выступом. На поясе у меня висел небольшой молоток – я тайком утащил его из кузни вместе с острым зубилом. Хотя оба инструмента были металлическими, я не знал, одолеют ли они этот камень.

Я осторожно спустился в расщелину. Тсали лег на край и внимательно следил за мной. Я наверняка пропустил бы искомое, потому что жезл почти не отличался по цвету от окружающего камня. Но мне помогло то, что он торчал из стены.

Хотя на ощупь этот жезл казался кристаллом, он был непрозрачным и серым, как любой здешний выступ. Как же так получилось, что он тогда засверкал на свету? Я потрогал его. Да, он шевельнулся, но лишь самую малость. Присмотревшись, я разглядел, что между ним и камнем была едва заметная щелка.

Опасаясь сломать кристалл, я принялся как можно осторожнее работать молотком и зубилом. От скалы отлетали лишь крохотные кусочки, и то ценой больших усилий.

Но я обуздал нетерпение и продолжал трудиться как никогда осторожно. Так было нужно. Работа полностью поглотила меня. Я не замечал палящего солнца, превратившего расщелину в раскаленный котел, такой, что я сперва стащил с себя кольчугу, потом кожаный подлатник и продолжил работать, не осознавая, что моя кожа краснеет от жгучих лучей.

Руки мои начали дрожать, и я привалился к стене расщелины, вдруг испугавшись, что сейчас каким-нибудь неточным ударом разобью свою находку. Сверху раздалось шипение. Я поднял голову, и Тсали протянул мне фляжку – в Долине их делали из местных прочных тыкв.

Вынув пробку, я с благодарностью напился. У меня болели плечи, но когда я посмотрел на камень, над которым трудился, мой дух воспрянул, как и мое горло от этого питья. Предмет, который я с таким трудом высекал из скалы, действительно был рукоятью меча. Я освободил его уже до самого перекрестья. Но, чтобы высвободить лезвие, потребуется множество часов – если мне вообще это удастся. Как металл мог уцелеть в расплавленном камне, куда его швырнул мой двойник во сне?

Я протянул руку и сжал эту рукоять. И меня снова затопило ощущение из сна. Это было мое! Никогда прежде я не испытывал такого острого ощущения собственности, словно некий предмет был сделан лишь для меня одного и его следовало ревностно оберегать ото всех остальных.

Я схватился за рукоять сильнее и, не осознавая толком, что делаю, рванул ее на себя. После мига сопротивления она подалась с треском – так резко, что я потерял равновесие и отлетел к противоположной стене.

Но в руках у меня была одна лишь рукоять! За ней не было клинка, крепкого и острого!

Мое разочарование было таким сильным, что на пару секунд я заревел, как ребенок. Оно было моим – но оно исчезло, сгнуло во времени и кипящем камне, как я и боялся!

И все же я не мог выбросить эту вещь. Мои пальцы вцепились в нее, будто обладали собственной волей – либо ими командовала некая часть меня, о которой я не знал и которую не понимал.

Я вынес свою находку на солнце. Может, кто-нибудь из кузнецов Долины сможет сделать клинок для нее? Насколько я мог видеть, сама по себе рукоять ничего особенного из себя не представляла. Кристалл в навершии рукояти был серым, однако на солнце я уловил в нем слабый отблеск внутреннего света. Он был покрыт резьбой, напоминающей небрежно нацарапанные руны, – возможно, чтобы рукоять не скользила в ладони. Однако теперь они были такими истертыми, что превратились в изъезвленные нечитаемые строки. Крестовина была из того же материала, напоминающего хрусталь. Однако же я был уверен, что это не хрусталь и не кварц из числа мне знакомых.

Я вздохнул. Надев кожаную рубаху-подлатник, я спрятал свою находку за пазуху. Бесплезная вещь, и все же... что-то в ней было.

Действительно ли где-то в глубинах моей памяти шевельнулся обрывок воспоминаний? Я не мог его ухватить. Я знал лишь, что когда-то эта вещь была мне жизненно необходима и что она не случайно снова попала ко мне в руки.

4

В последующие дни я часто испытывал искушение отнести рукоять к кузнецу и посмотреть, можно ли к ней приделать какой-нибудь из его клинков. Но каждый раз, когда меня посещала эта мысль, я обнаруживал, что не могу этого сделать. Нет, ей подошел бы лишь один-единственный клинок. И время его отняло. Так что моей находке предстояло так и остаться бесполезной.

Но я обнаружил, что когда я сплю, то почему-то сжимаю рукоять в руке (всегда в темноте и втайне). Может, я хотел использовать ее как ключ к прошлому? Возможно. Но другая часть меня этого не желала. И все же я постоянно держал свою находку при себе.

Возможно, она несла с собой удачу для воина. А может, мое постепенное взросление, пребывание под небом Зеленой Долины и ее целительное воздействие понемногу меняли меня. Я стал более искусным фехтовальщиком – однажды даже во время тренировки обезоружил Имхара. И это не было случайностью, потому что обычно он заставлял меня чувствовать себя неуклюжим неумехой.

Иногда мне казалось, что, будь моя тайная находка целой, я мог бы выйти против любого из членов нашего отряда и не уступить даже испытанным в боях ветеранам.

Мы, люди Дома Хорвана, были не единственными, кого притянуло через горы в Эскор. Со временем за нами последовали и другие. Тогда мы вместе с Зеленым народом отправились дальше (ибо леди Дагона всегда знала о тех, кто переходит горы, – ей приносили вести птицы).

Эта земля пробудилась, и Зло шествовало по ней, не считая немногих мест, охраняемых остатками Силы. Поэтому мы, выбираясь за пределы Долины, всегда были начеку. Во время одной из таких вылазок, хоть мы и расположились в Месте Света, ночью на нас напали фасы.

Эти существа жили под землей и редко выбирались на поверхность, и только ночью либо в пасмурный день. Хотя сперва их не относили к последователям Тени, в нынешнее время они откликнулись на зов Темных и тем самым стали нашими врагами. Во время ночного нападения их удалось победить лишь благодаря потоку воды, который направили на них лорд Кемок и Годгар из нашего отряда. Однако лорд Кемок был серьезно ранен и на обратном пути его унесло той же разлившейся водой, что немного раньше нас спасла.

Это была серьезная потеря. Ибо лорд Кемок, хоть и был мужчиной, изучал древние хроники в Лормте. И это на его призыв ответил один из Великих Древних, хотя считалось, что все они давно уже покинули Эскор. Его сестра, колдунья Каттея, отправилась в Место Таинств,

стремясь узнать, жив он или мертв, ибо она верила, что он еще не отправился в Последний путь.

Так Крита стала ближайшей помощницей леди Дагоны, хоть она и не была обучена колдовству, как леди Катгея. И я стал еще реже видеть ее. Сейчас было не время для свадеб – и эта мысль согревала меня. Ведь Имхар не сможет заявить свои права на нее, когда вокруг бушует война.

Дважды нам пришлось отбивать нападения Темных. Чудовища кружили вокруг ограждающих Долину гор, стремясь преодолеть их и предать всех смерти. Эти серые – ни люди, ни волки, но существа, взявшие худшее от тех и других, – пришли, чтобы напасть на нас, а с ними зачастую шли и другие, еще более чуждые твари. В небе над нами кружили и сражались огромные ворги, ответившие на призыв нашего воинства. Но иногда с ними вступали в схватку такие существа, каких и в кошмарном сне не увидишь.

Я обнаружил, что всякий раз, как меня назначают в патруль, идущий в горы, с нами отправляется Тсали. И так получилось, что бессловесное товарищество с этим человеком-Ящером стало важной частью моей жизни. Когда мы оставались одни (пусть это и случалось нечасто), он жестами и смутными образами, которые мне удавалось воспринять из его сознания, давал мне знать, что хочет взглянуть на ту рукоять. Тогда я ее доставал – мне казалось, будто это часть меня, – и Тсали внимательно ее рассматривал.

Возможно, он знал об истории этой вещи больше, чем я, хоть та и была до недавнего времени погребена в камне. Как же мне хотелось поговорить с ним мысленно и расспросить его! У людей существовали легенды, – так, может, и у народа Ящеров тоже сохранились какие-то истории из прошлого? Может, даже история о том умирающем человеке, который не был Ионаном...

Я изо всех сил пытался мысленно дотянуться до сознания Тсали, но, похоже, в этом таланте мне было отказано. Однако во всем остальном я менялся – это было несомненно. Даже предположить не могу, что было бы, если бы в мою жизнь не вошла чужая судьба.

Причиной конца этого этапа моей жизни и начала следующего послужила Крита. Потому что однажды утром она исчезла со своей кровати в доме леди Дагоны. И Владычица Зеленой Долины пришла в наш палаточный лагерь с застывшим лицом. Она протянула руку. На ладони у нее лежала грубо слепленная глиняная фигурка. В голову фигурки были вделаны пряди волос, а вокруг тела грубым подобием одежды был обернут обрывок любимого шарфа Криты.

При виде этой вещи леди Крисвита побледнела. Она протянула дрожащую руку, чтобы прикоснуться к фигурке – и не посмела. А потом она вспыхнула – никогда еще я не видел ее в таком гневе.

– Нам говорили, что этот край безопасен! – вскричала она.

– Так и было, – парировала леди Дагона. – Эту мерзость слепили не здесь. Я не знаю, как она попала на кровать твоей родственницы. Она ушла, когда лишь начинало светать, сказав моим людям, что идет искать ильбейн – его надо собрать, пока еще не высохла роса, тогда его целительная сила вдвое выше. Она выглядела как обычно, непохоже было, что ее к чему-то принуждают, но, очевидно, на этот раз ее вела чужая воля.

Леди Крисвита огляделась по сторонам, словно могла увидеть следы Криты. Она сжала губы – мне уже доводилось видеть ее такой; она обуздала свой страх.

– Вы можете проследить ее путь?

– Мы уже сделали это, – отозвалась леди Дагона. – Но он обрывается там. – Она указала на горы, окружающие Долину.

– Но почему... почему Крита? И откуда взялись эти?.. – негодуя спросила моя приемная мать. – Она... ее необходимо найти!

– Почему Крита? Потому, что в ней расцветает Сила, хоть еще и не обученная. И она в том возрасте, когда эту Силу могут использовать... другие. Не знаю, как это случилось, но от этого дела воняет фасадами. Они обладают определенными способностями и, похоже, теперь развили их до неведомых нам высот. Что же касается поисков – я пыталась заглянуть в магический кристалл, но взгляд мой уперся в стену.

Я подумал о фесе, которого видел во время боя, – в тот раз, когда они напали на нас и их смыло хлынувшей водой. Они были порождениями земли, ростом ниже людей; их темные тела покрывала жесткая, похожая на корни поросль – как будто они действительно не родились, а выросли. Для наших глаз они были омерзительны – словно легендарные демоны. А теперь они уволокли Криту!..

В этот миг я забыл, что присягал моему лорду, что я солдат, обязанный повиноваться приказам. Я, не задумываясь, выхватил у леди Дагоны эту грубо слепленную фигурку.

– Йонан! – Леди Крисвита уставилась на меня так, словно я внезапно превратился в одного из этих обитателей земных глубин. – Что ты собираешься?..

Но я больше не был тем Йонаном, которого она воспитала, задохликом, обязанным жизнью ее заботе. В тот миг, когда я сжал фигурку в руке, в глубине моей души шевельнулось нечто, что прежде я ощущал лишь во сне. Некто иной попытался вырваться на волю, и этот человек был куда более целеустремленным, чем Йонан. В этот миг я перестал быть бесперспективным юнцом. Две мои половины слились воедино и тем самым сделали меня сильнее. Я даже не ответил леди Кристине, ибо меня терзала потребность, которой я не мог противостоять.

Я повернулся к Владычице Зеленой Долины и заговорил с ней, словно равный:

– Где именно в горах они потеряли след?

Дагона взглянула на меня, и глаза ее расширились. На миг она заколебалась. И этой заминкой воспользовалась леди Крисвита.

– Йонан, ты не можешь...

Я резко развернулся, позабыв о всякой учтивости:

– Могу и сделаю. Я верну Криту либо умру.

Изумление леди Крисвиты пересилило даже ее гнев и страх.

– Но ты...

Я взмахнул рукой, призывая к молчанию, и снова посмотрел на леди Дагону.

– Где? – резко повторил я.

Она всмотрелась в мое лицо – мне показалось, что это тянется бесконечно, – потом ответила:

– Ни один человек не может пройти сквозь норы фасов и уцелеть. Это их владения, там сама земля на их стороне.

– И что? Я в это не верю, госпожа.

Моя левая рука легла на грудь, обтянутую кольчугой, и я почувствовал – и знал, что сейчас это не сон, – как рукоять древнего меча запульсировала.

Леди Дагона прикусила губу. Она подняла правую руку и начертила в воздухе какой-то символ. Он засветился и тут же погас, но теперь Дагона кивнула.

– Ты будешь рисковать в одиночку, воин. Мы не смеем спускаться в норы фасов, для этого нужна защита посильнее той, какой мы обладаем сейчас. Возможно, они проделали это не только для того, чтобы заполучить зарождающийся Дар, который они надеются исказить, но еще и для того, чтобы уменьшить число наших воинов, необходимых для обороны.

– Уход одного человека не слишком ослабит вашу оборону, госпожа. Я сделаю это – с вашего позволения или без него.

– Это твой выбор, – сурово ответила она. – Но вот что я тебе скажу: если фасадами ныне повелевает некто, обладающий Темной Силой, человек мало что может противопоставить ему. Ты не представляешь, с чем можешь столкнуться.

– Верно. Но кто, ложась спать, знает, что принесет ему завтрашний день? – отозвался я. Мне показалось, будто эти слова сорвались с моих губ по воле той призрачной сущности, которую пробудило во мне прикосновение рукояти.

Но тут раздалось шипение, заставившее нас обоих вздрогнуть. По левую руку от меня возник Тсали. Его яркие глаза на миг встретились с моими, а потом он перевел взгляд на леди Дагону. Я знал, что между ними сейчас происходит недоступный мне разговор. В руке я сжимал ту уродливую штукюину из глины, волос и обрывка ткани. Я достаточно знал о Силе, чтобы понимать, что фигурку ни в коем случае нельзя уничтожать, ибо это может навредить той, кого я должен защитить. И кроме того, она была связана с Критой. В точности как рукоять меча, согревшаяся на моей груди, была связана с другой, более великой личностью, которую я пока еще лишь смутно ощущал.

– Тсали желает пойти с тобой.

Теперь настала моя очередь удивляться. Хотя народ Ящеров – даже те, кто обитал в Зеленой Долине, – были созданиями земли, они все же не походили на фасов, ненавидевших солнце, им нелегко было уцелеть в глубоких фасских норах.

– Он может стать для тебя глазами, каких не имеет ни один человек, – добавила Дагона. – Таково его желание.

Возможно, мне следовало отказаться тащить другого в неведомое под властью Тени. Но тогда ту часть, что была Йонаном, все еще терзающим неуверенностью в собственных силах, при этом известии затопило облегчение. Среди всех жителей Долины один лишь Тсали знал мою тайну. Не важно, что его кожа покрыта чешуей, а моя гладкая, что мы не можем разговаривать друг с другом. Но – насколько он сумел послать мне образ, а я его воспринять – задуманное мною необходимо было сделать.

Я положил в рюкзак паек и две фляги с водой, наполненные под завязку и крепко заткнутые пробками. Из оружия у меня был меч. Дротикомет я брать не стал – к нему осталось слишком мало боеприпасов, и они были нужны для обороны Долины. Леди Дагона принесла мне поясную сумочку с приготовленными ею целебными мазями для ран. Но именно с леди Крисвитой – поскольку лорд Хорван все еще был в дозоре – я должен был объясниться, прежде чем шагнуть в неведомое.

– Она уже помолвлена, Йонан, – поспешно произнесла моя приемная мать, как будто ей было неловко от собственных слов и она хотела покончить с этим поскорее.

– Я знаю.

– Если бы Имхар был здесь...

– Он сделал бы это сам. Но его тут нет, а я есть.

И тут леди сделала то, чего не делала с тех времен, когда я был болезненным мальшом. Она взяла мое лицо в ладони. Прикрепленная к моему шлему бармица свисала достаточно свободно, и я почувствовал тепло ее рук на моих щеках.

– Йонан, Йонан... – Она повторила мое имя, как будто иначе не могла. – То, что ты пытаешься сделать... Да пребудет с тобой Великое Пламя! Да хранит оно тебя! Прости меня за мою слепоту. Крита – моей крови, хоть дух в ней и не мой. Она подобна девам иных времен, в ней проявилось то, что мы считали сгинувшим повсюду, кроме Эсткарпа. В ней всегда будет нечто такое, чем не сможет обладать и что даже не сможет понять никто иной. Но она моя родственница...

– И помолвлена с Имхаром, – мрачно отозвался я. – Госпожа моя, хоть я и не чистокровный, но честь моя при мне. Я верну Криту либо умру. Но потом я не стану предьявлять на нее никаких прав. Клянусь.

Глаза леди Крисвиты заблестели от слез, хоть она никогда не была слезливой. И в ответ она произнесла лишь мое имя:

– Йонан!

Но в это единственное слово она вложила все свои чувства ко мне.

5

Я сунул фигурку за пояс и привязал ее, трижды обмотав веревкой. Такие вещи, даже если они использовались со злыми целями, связаны с жертвой, против которой ее использовали. Возможно, эта грубая поделка из глины, тряпки и волос станет моим проводником.

Примерно в середине дня мы поднялись в горы, повторяя путь тех, кто разыскивал Криту раньше. Тсали, как обычно, шел первым – его когтистые руки и ноги подходили для передвижения по скалам куда лучше, чем мои. Но я его нагнал, когда он притормозил у глубокой расщелины, в которую даже нынешнее яркое солнце проникало недалеко.

Я лег на край расщелины, силясь разглядеть, что там внизу. Но в полумраке виднелась лишь часть шероховатых стен.

Чем ниже я наклонялся, тем сильнее становился запах, отвратительный и трудно переносимый после прохладного чистого воздуха Долины. Он отдавал полусгнившим деревом, которое время и вода превратили в склизкую губку, и еще какой-то гадостью.

Я проверил свой рюкзак и оружие, а потом перевалил через край, выискивая опоры для рук и ног. На стене хватало выступов, на которые можно было опереться. Чем ниже я спускался, тем сильнее становилось зловоние. Тсали следовал за мной, но куда медленнее, чем обычно. На шее у него висела на веревке сеточка с камнями. Когда мы забрались поглубже в эту зловещую темную расщелину, камни засветились, испуская неяркий свет.

Спуск был долгим – намного дольше, чем я думал и рассчитывал. И как бы я ни старался двигаться осторожнее, но, как мне казалось, издавал слишком много шума – мои ботинки скребли о камень, когда я переносил всю тяжесть тела на ноги. Время от времени я застывал, прижавшись к стене, и слушал. Но ничего было не слышать, кроме моего собственного дыхания, – Тсали не издавал ни звука.

Но все же в воздухе витало смутное ощущение опасности, понимание того, что мы действительно вторглись на вражескую территорию. Потому я изо всех сил напрягал свои чувства, вспоминая все, что успел узнать о ведении разведки.

Наконец я добрался до ровной поверхности и осторожно обследовал пространство вокруг, думая, что нашел всего лишь уступ. Но Тсали легко спрыгнул на ту же площадку слева от меня и поднял повыше свою сеточку со светящимися камнями. В их тусклом свете мы увидели, что действительно находимся на дне гигантской расщелины. Вправо и влево уходили узкие проходы, но Тсали указал влево.

Поскольку он наверняка знал об этих норах куда больше моего, туда мы и двинулись. Однако же это нельзя было назвать легким путем: мы перебирались через шатавшиеся камни и протискивались мимо каменных выступов, почти перекрывающих проход. Потом расщелина превратилась в пещеру. Я запрокинул голову, посмотрел наверх и уже не увидел полоски неба.

Тсали, орудуя когтями, вытащил что-то из шершавого камня и протянул мне щепотку каких-то волокон. От них исходила отвратительная вонь. Я осторожно потрогал его находку. Волокна эти были грубее любых волос, к которым мне доводилось прикасаться, и скорее напоминали тонкие корни. Я сообразил, что это след одного из проходивших здесь фасов – протискиваясь, он оставил на камнях частичку своего волосяного покрова.

Тсали зашипел и отшвырнул свою находку, его жест явно говорил о презрении. Я прежде не знал, как он относится к фасам, но этот жест все прекрасно объяснял. И снова мне отчаянно захотелось уметь говорить с ним.

Своды пещеры внезапно сделались ниже. Вода проступала каплями на стенах, струйками стекала вниз, собиралась в лужи между камнями, мешала идти. К счастью, вскоре это пре-

кратилось, и мы крадучись двинулись дальше; под ногами теперь были ровные камни, хотя и скользкие от сырости.

Свет от камней Тсали был весьма скудным. Мы едва могли видеть дальше, чем на фут или около того, хотя он держал мешочек с камнями на расстоянии вытянутой руки. Затем нам пришлось опуститься на колени и двигаться на карачках, иначе было не протиснуться. Рюкзак я снял и толкал перед собой и все равно время от времени задевал плечами свод туннеля.

Если не считать вони и той пряди волос, мы не встретили больше никаких свидетельств того, что здесь обитали наши враги. Возможно, этот проход был недавно открыт или прорублен в поисках подземного входа в Долину. Но эти попытки были обречены на неудачу – Зеленый народ давным-давно окружил свою цитадель знаками Силы, преодолеть которые не мог ни один слуга Тени.

Я не знаю, как долго мы ползли, но в конце концов узкий туннель привел нас в пещеру; наш тусклый источник света не позволял оценить ее размеры. Ряды сталагмитов высились вокруг, словно свирепые клыки, а сверху им навстречу тянулись столь же острые сталактиты. Тсали присел на корточки и стал вертеть головой из стороны в сторону.

Даже мой нос, сильно уступающий по чувствительности нюху Ящера, уловил висящий в воздухе тяжелый запах. Тсали накрыл сеточку с камнями ладонями, спрятав даже наш тусклый свет. Я понял: так он дал мне знать, что нужно быть чрезвычайно осторожным.

Я прислушался – так напряженно, что казалось, будто я перенаправил силу всех своих органов чувств в одно. И услышал какие-то звуки. Я распознал размеренное падение капель – возможно, это был какой-то крохотный стекающий с уступа ручеек.

Но откуда-то издалека доносился более приглушенный, становящийся то громче, то тише звук; он не был песней, в нем нельзя было разобрать слов, но я был уверен, что издавала его не пещера, а те, кто ею пользовался.

Слева от меня блеснул еле заметный свет. Это Тсали убрал одну руку со своей плетеной сеточки. Я почувствовал, как его когтистые пальцы сомкнулись на моем запястье. Он легонько, но выразительно дернул меня за руку. Он хотел, чтобы мы двинулись дальше в непроглядную темноту неизведанного.

Я слышал, будто народ Ящеров способен видеть в спектре, недоступном людям, там, где для нас будет царить полнейшая тьма. Похоже, сейчас мне придется позволить своему спутнику доказать правоту этого утверждения.

Я закинул рюкзак на спину и поднялся, Тсали встал рядом. Осторожно, шаг за шагом мы стали продвигаться вперед. Шли мы не по прямой – Тсали двигался зигзагами; видимо, он обходил скальные образования, которые стали бы гигантским лабиринтом-ловушкой для тех, кто, подобно мне, был слеп в темноте. Чем дальше мы продвигались, тем отчетливее становился этот второй звук – то стихающее, то усиливающееся монотонное скандирование. Но если те, на кого мы охотились, и находились в пределах видимости, они не пользовались светом, который мог бы их выдать.

Тсали снова резко свернул влево. Теперь я разглядел слабое, зеленоватое, но все же светящееся пятно в непроглядной темноте пещеры. На его фоне каменные выросты выглядели словно деформированные прутья решетки, временами стоящие достаточно плотно, чтобы снова скрыть это свечение.

Скандирование продолжалось, становясь все громче, но язык был мне неведом. От этого звука у меня по коже побежали мурашки – предупреждение, которое мои сородичи ощущали при встрече с Тенью. Теперь, когда у нас появился ориентир в виде этого отдаленного света, Тсали крался, отпустив мою руку. А я, в свою очередь, старался идти как можно тише.

Когда мы подобрались ко второй пещере, поменьше, и заглянули в нее, омерзительное свечение сделалось сильнее. В его свете я увидел столпившихся фасов – эти уродины не могли

быть никем иным. Я насчитал их не менее дюжины. А над их безобразными фигурами возвышалась Крита.

Фасы стояли вокруг нее полукругом, но их низко посаженные головы были обращены в другую сторону. Они смотрели на высокую колонну; она блестела в свете, исходящем от каких-то бугорчатых стеблей; половина фасов держала их в руках, как верующие в каком-нибудь храме могли бы держать свечи.

Сторона колонны, обращенная к Крите, была гладкой и блестящей. Теперь я разглядел, что глаза девушки закрыты, но лицо безмятежно: она не походила на человека, которого враги что-то заставляют делать, – скорее, на того, кто бродит во сне.

Я увидел нечто расплывчатое внутри колонны, как будто в ней был заключен пленник или сокровище. У фасов вроде бы не было при себе оружия. Я медленно и осторожно извлек меч из ножен, потом снял и положил рюкзак. Шансы были весьма высоки, но там стояла Крита, которую они каким-то образом вынудили выполнять их приказы. В том, что она сейчас вовлечена в некое чародейство для нужд Тени, я не сомневался. Я прикинул расстояние, отделяющее меня от этой зловонной компании. Может, внезапное нападение решит проблему? Фасы, похоже, в этой своей дыре чувствовали себя в полнейшей безопасности – мы не обнаружили ни одного часового. Но достаточно ли долго продлится замешательство, когда выяснится, что это чувство безопасности их обмануло?

Вот это было уже сомнительно. Но в данный момент я не мог придумать ничего другого.

Крита подняла руки. Она не прикоснулась к поверхности колонны, перед которой стояла, но принялась делать размашистые движения – сперва вверх-вниз, потом вправо-влево. Сидящие вокруг нее на корточках фасы продолжали свое скандирование на неведомом языке. Я приготовился к рывку, который, как я надеялся, позволит оказаться рядом с девушкой. Если я сумею разрушить заклинание, которое на нее наложили...

Тсали зашипел. Что-то скользнуло по моему плечу. Я стремительно развернулся. Сзади, из темноты, к нам ползли длинные веревки, напоминающие уродливые корни. Прежде чем я сумел осознать грозящую нам опасность, одна из них обвила мои лодыжки, дернула – и я рухнул наземь. Я вскинул меч, намереваясь разрубить пути.

Удар был точен, но клинок отскочил от веревки, не оставив на ней и следа. Пока я пытался ударить еще раз, другая веревка-корень схватила меня за запястья, как я ни сопротивлялся.

Вот так за время нескольких вдохов я оказался обезоружен и беспомощен. Но Тсали все еще оставался на ногах. Похоже было, что веревкам не нравятся сияющие камни, которые давали нам свет. Они делали обманные выпады, стремясь нанести удар, но Тсали стремительно размахивал сеточкой с камнями, удерживая врагов на расстоянии. Наконец он прыгнул далеко влево и исчез, оставив меня в плену.

Скандирование позади меня не прервалось ни на миг. К моему изумлению, ни один фас не выступил из темноты, чтобы разобраться со мной. Лишь веревки все туже стягивали мое тело, пока я не стал совершенно неподвижен. Теперь я видел оба их конца, как будто это было не чье-то оружие, а некие живые существа, действующие сами по себе. Однако же то, что я видел и ощущал, походило на длинные нерушимо прочные корни.

От них тоже исходило зловоние, и оно теперь окружало меня удушающим облаком. Я задышался и кашлял, мои глаза слезились, словно от едкого дыма. Так, значит, у фасов все-таки были часовые – такие, о каких я никогда не слышал. Я надеялся, что Тсали удалось сбежать. Теперь я мог ждать помощи лишь от него. Или мне предстоит умереть, задохнувшись от этого зловония? У меня закружилась голова, и я провалился в беспамятство.

Это не было настоящим сном. Но откуда-то – очень издалека – кого-то звали по имени. Это было не то имя, что я знал, и все же оно принадлежало мне. И зов становился все настойчивее.

Я пошевелился. Зов не стихал. Я открыл глаза. Вокруг воняло гнилью, но уже не настолько сильно, чтобы я терял сознание. Справа от меня возник неяркий свет. Я попытался повернуться к нему. Что-то во мне сопротивлялось, потом сдалось. Очередная волна зловония ударила мне в лицо не хуже кулака, я ахнул и едва снова не отключился.

Свет был надо мной. Я повернул голову еще чуть дальше. Оказалось, что я лежу у подножия колонны изо... льда! От нее исходил жгучий холод. Но передняя часть колонны была гладкой, словно стекло. А внутри – внутри стояло чье-то тело!

Насколько я мог судить, ростом и формой оно походило на человеческое. Но лицо было скрыто тремя ромбовидными кусками сверкающего металла, соединенными цепями из того же материала. Два из них прикрывали глаза, третий – рот; открытыми оставался лишь нос и небольшая часть щек.

Голова загадочной фигуры была увенчана шлемом искусной работы; его гребень – дракон с глазами-самоцветами – взирал на меня сверху вниз. Неизвестный был облачен в кольчугу, а в руках сжимал рукоять огромной секиры.

Я немного приподнялся, каждое мое движение сопровождалось новыми клубами зловония. Взглянув на собственное тело, я обнаружил, что черные гнилые веревки спадают. Видимо, срок жизни фасских корней-часовых был невелик. Однако же они подтащили меня к гробнице – я был уверен, что эта колонна, перед которой они скандировали, именно гробница и ничто иное. Тогда как скоро они вернутся? Или они решили, что я умер, и оставили меня валяться тут в качестве подношения?

Но я нуждался в действиях, а не в догадках. Я оттолкнулся от обжигающего холодом столба и кое-как поднялся на ноги. Возможно, мне удастся отломать какой-нибудь из каменных выростов в соседней пещере и использовать его в качестве оружия. Я жадно взглянул на вплавленную в лед секиру. Она была бесполезна для того, кто ее держал, и, возможно, даже если бы я ее и заполучил, слишком тяжела для меня, но она была единственным оружием в поле видимости.

Теперь я увидел, что в этой пещере изо льда была сделана не только эта колонна. За колонной, справа от меня, с потолка свисали длинные сосульки толщиной с мое запястье. Некоторые из них были достаточно остры, чтобы... чтобы послужить оружием? Я чуть не расхохотался от этой мысли, достойной безумца. Они же разлетятся вдребезги при первом же ударе!..

«Толар!»

Я повернул голову. Кто произнес это имя? Казалось, будто оклик из темноты заставил меня пробудиться к жизни. Я... Я Йонан! Но все же что-то во мне откликнулось на чужое имя.

Плохо понимая, что я делаю, я ослабил шнуровку кольчуги, сунул руку за пазуху и достал рукоять меча. Здесь, в темноте, она светилась! Серовато-белый тусклый кристалл ожил – там, внутри, засверкал огонь.

Если бы только у меня был клинок!

Клинок!..

Мой взгляд – уж не знаю почему, но меня словно что-то принуждало – метнулся к этим длинным сосулькам. И я двинулся к ним, хоть и понимал, что это бессмысленно. Но все же я выбрал одну поострее, длиной с клинок меча. А потом собрался с силами и отломал ее.

Лед откололся ровно, словно его отрезали. Продолжая выполнять непонятные мне самому повеления, я приставил сосульку к рукояти. Сверкнувшая вспышка на миг ослепила меня.

Может, я спал, а может, сошел с ума, но теперь у меня в руках был не просто предмет из металла или льда, но меч, идеальный, превосходно сбалансированный. Он был вызван из глубин времен, чтобы вновь служить Свету.

6

Теперь я вернулся к пленнику в глыбе льда. Конечно, он был мертв. Но все же, разглядывая его, я ощущал беспокойство, как будто, уйдя и оставив его в заточении, я бы кинул боевого товарища.

Я подошел поближе к колонне, отбросив пинком съжившиеся останки разлагающихся корней-веревки. Вокруг воцарилась глубокая тишина. Лишь в моем сознании еле слышно, будто издали, снова прозвучало все то же имя: «Толар!»

Воссозданный меч в моей руке продолжал светиться, хоть и не так ослепительно ярко, как в тот миг, когда я прижал лед к металлу, но куда ярче камней Тсали, и я подумал, что этот свет может выдать меня. И все же я не мог бросить меч в этом мрачном и таинственном месте.

Крита. Тсали. Где они? Как мне отыскать их в этом лабиринте? Без мысленного прикосновения к ним я заблужусь, как всякое бездарное существо, если только не найду каких-нибудь подсказок.

Издаваемый фасами запах все еще витал в воздухе, но я не видел никаких следов. Под ногами у меня был лишь камень, а на нем следов не остается.

Неподвижная фигура в колонне продолжала притягивать мой взгляд, как будто некое глубинное принуждение привязывало меня к ней, не позволяя идти освобождать Криту. Вопреки собственной воле я подошел к ледяной колонне. От нее исходил холод, как от моего странно возникшего оружия – свет. Но лежащая в руке рукоять была теплой и дарила успокоение.

Кем был этот пленник? Как он очутился во владениях фасов? Насколько я мог разглядеть, он определенно не состоял в родстве с приземистыми, плохо сложенными подземными обитателями. Может, это их божество? Или какой-то пленник древних времен, которого поставили сюда, чтобы время от времени приходилось злорадствовать и насмехаться над ним? Зачем они притащили сюда Криту для этого странного представления?

У меня не было ответов на эти вопросы. Но я, почти не осознавая, что делаю, протянул руку и коснулся острием меча поверхности этой ледяной темницы. Меня вела уже не моя воля. Иная Сила завладела тем, что было Йонаном.

Я поднял меч и обрушил его на колонну. Одна неподатливая поверхность столкнулась с другой, мышцы плеча и руки дернуло от удара. Но я не мог остановиться – я нанес второй удар, а за ним третий. Насколько я мог видеть, ни на мече, ни на колонне не оставалось ни следа. Но я не мог уйти. Меня словно сковало какое-то заклятие и требовало бить эту ледяную колонну, хоть это ничего и не давало, а мое тело болело в ответ на каждый удар по несокрушимой тверди.

Или все-таки ее можно было разбить?

Я не знал точно. Неужели от моего очередного удара по поверхности разбежалась сеточка трещин? Это было верхом глупости – прилагать столько усилий, чтобы извлечь давно мертвое тело. Мой разум отлично это осознавал, но то, что двигало моей рукой, не принимало подобной логики.

Девять раз я ударил по ледяной колонне. Потом рука моя бессильно упала, настолько уставшая от этой бессмысленной работы, что я не мог собраться с силами для очередного удара. Но...

Трещины, которые, как мне казалось, я вообразил, действительно были! Прямо у меня на глазах они сделались шире и глубже, потянулись дальше – и вот кусок льда размером с мою вспотевшую руку отлетел от колонны и с дребезжанием ударился о каменный пол. За ним посыпались другие!

Я больше не мог разглядеть заключенного внутри человека – трещин стало так много, что они заслонили все, что скрывалось под поверхностью. Все новые и новые осколки льда отваливались от колонны. С ними хлынул поток воздуха, такой холодный, словно на меня дох-

нул Ледяной Дракон. Я отшатнулся; у меня еще сохранилось достаточно соображения и самоконтроля, чтобы уйти из-под удара.

Теперь обломки льда отслаивались один за другим, зазубренные куски так и сыпались. Препграда между мною и телом в колонне исчезла. В пульсирующем свете меча я разглядел незнакомца.

– Толар... как долго... как долго...

Я бы вскрикнул, но мой язык, губы, горло просто не могли выдать ни звука. Эти слова не были произнесены вслух – они ворвались в мой разум как громкий крик, в котором звучала нотка триумфа.

– Толар... помоги...

Это уже не было приветствием – скорее мольбой. И я знал, откуда она исходит, – от того самого тела, которое было заточено во льду. Я двигался рывками, как будто мною снова управляли чужой разум и чужая воля, восставшие из каких-то неведомых глубин во мне и оттеснившие личность Йонана в какое-то гнездо, где его желания ни на что не могли повлиять.

Я неуклюже наклонился, положил свой ледяной меч на камни, шагнул вперед и взял тело в колонне за плечи. Потока холода я больше не чувствовал (возможно, он рассеялся после открытия гробницы).

Его кольчуга была ледяной, а плоть под нею казалась каменной. Но я дергал и тянул, пока человек в маске не повалился вперед, едва не задавив меня своей тяжестью. Он был совершенно неподвижен, будто полностью заморожен, как лед, в который был заточен.

Я снова дергал и тянул его, пока не перевернул на спину, лицом кверху; он так и продолжал сжимать в руках секиру. Потом я опустился на колени рядом с ним и задумался, что же делать дальше. Мне казалось, что обычный человек не смог бы пережить такой холод. Но в давние времена в Эскоре было много адептов и мужчин, владеющих Силой. И возможно, они могли защищаться от смерти способами, которые мы утратили за время нашего изгнания.

Его надо было бы согреть, но у меня не было здесь огня, и я не понимал, как мне поднять его на поверхность, и даже не знал, хочу ли я это делать! Ведь Зеленый народ часто предупреждал нас, что большинство тех, кто остался за пределами их Долины, склонились на сторону Тени, а не Света. Возможно, это был какой-то Темный лорд, столкнувшийся с кем-то из себе подобных и очутившийся здесь, потому что хуже владел Силой. Если это так, нам подобный человек не нужен, и то, что я сделал под влиянием странного побуждения, было на руку Злу.

Я протянул светящийся меч поближе к телу незнакомца, чтобы было лучше видно, и осмотрел лежащего. Насколько я мог разобрать, облик у него был человеческий. Впрочем, это мало что значило, ведь раньше существовали адепты-люди, а были еще и злые существа, способные наводить морок, чтобы скрыть свой истинный вид.

Я никогда не видел таких шлемов и кольчуг, как у него. Да и оружие было мне незнакомо – секира с двумя острыми лезвиями. Впрочем, странные накладки, закрывающие лицо, не давали мне толком понять, кто же передо мной.

Теперь побуждение, заставившее меня освободить неизвестного, исчезло. В мозгу моем больше не звучал крик: «Толар!» Я снова был самим собой, Йонаном. И принимать решение следовало мне.

Больше всего мне хотелось бросить его и идти разыскивать Криту. И все же...

Воины связаны определенными законами чести, хотим мы того или нет. Если этот пленник жив, если он сторонник Света, я не могу снова оставить его на волю фасов. Но кто он: друг или злейший враг?

Я положил меч – на этот раз не на каменный пол, а на его грудь, так, что металл нового клинка коснулся секиры, потом ощупал цепи, удерживавшие его маску. Мне подумалось, что следует взглянуть на его подлинное лицо, прежде чем принимать решение.

Цепочки казались хлипкими, пока я не взялся за них, пытаюсь оторвать от ледяной плоти, на которой они лежали. Я дернул те, которые пересекали виски в тени увенчанного драконом шлема. Внезапно они подались, и мне удалось сорвать их с холодного лица. Второй рывок ослабил цепочки, которые удерживали подбородок, и я отшвырнул их прочь.

Передо мной предстало человеческое лицо, не искаженное, насколько я мог судить, Злом. Но Зло могло таиться и внутри. Возраст неизвестного невозможно было определить на вид, как и у всех людей Древней расы от достижения зрелости и до того, как их долгая жизнь подходила к концу – если, конечно, не прерывалась несчастным случаем или гибелью в бою.

А потом...

Его глаза открылись!

Их взгляд устремился на меня, потянувшегося к рукояти меча. Незнакомец еле заметно недоуменно нахмурился:

– Толар?

И снова это имя. Только теперь оно сорвалось с едва шевелящихся синих губ.

– Я Йонан! – отрезал я.

Хватит с меня этих фокусов! Я – это я, а не тот умирающий человек из сна – тело, откликающееся духу, которого я не знал.

Неизвестный нахмурился сильнее. А потом я почувствовал – и не удержался от вскрика – резкую боль от вторжения в мой разум. Он безжалостно читал меня, а я корчился, не в силах отвести взгляд. Он был...

– Урук, – назвалса он. Потом замолчал, глядявываясь в мои глаза, словно ждал какого-то отклика моей памяти.

Я схватился за меч и отскочил от него. В тот момент мне казалось, что я действительно вернул к жизни одного из врагов. И все же я не мог убить его, пока он так беспомощен.

– Я не служу Тени. – Его голос был хриплым и шероховатым, как металл, заржавевший от длительного бездействия. – Я – Урук, воин Секиры. Неужто прошло так много времени, что даже имя мое ныне позабыто?

– Да, – сухо отозвался я. – Я нашел тебя здесь. – Я указал левой рукой на колонну, а правой так и держал меч наготове. – А вокруг вопили фасы.

– Фасы! – Он попытался привстать, поднять голову, но его усилия походили на дерганье жука, перевернутого на спину. – А что со знаменами Эрка, с войском Клингхельда, с битвой... Да, битва!

При этих именах я лишь покачал головой.

– Ты очень долго пробыл здесь, человек, именующий себя Уруком. Я не знаю ни Эрка, ни Клингхельда. Но мы – те, кто сохранил свободу здесь, в Эскоре, – сражаемся с Темными. Наши союзники – народ Зеленой Долины и другие, но многие в этой стране охотно вцепились бы нам в глотку, если бы сумели дотянуться.

Тут послышался шум – кто-то двигался рядом, – и я резко развернулся, держа меч наготове. Похоже, моя настороженность придала мечу силы, потому что клинок засветился ярче. Это оказался Тсали. Он выпрыгнул на открытое место, прижимая сеточку с камнями к чешуйчатой груди.

Он посмотрел на меня, потом на Урука. И подошел к Уруку. Рот его приоткрылся – я увидел, как трепещет узкий язык, – но он не зашипел.

Тем временем Урук сумел приподняться на локтях, хоть это и потребовало от него заметных усилий. Теперь он обратил на Ящера такой же пытливый взгляд, как перед этим на меня. Я был уверен, что они общаются мысленно, и снова ощутил досаду – ну почему я лишен этого Таланта! Я придвинулся поближе к ним, и осколки льда захрустели у меня под ногами.

Урук разорвал зрительный контакт.

– Я понял – отчасти. Прошло очень много времени, и мира, который я знал, больше нет. Но... – Он по-прежнему озадаченно хмурился. – Толар... Я дотянулся до Толара. Только он может владеть ледяным мечом. Однако же я вижу этот меч у тебя в руках. И ты говоришь, что ты – не Толар? – Это прозвучало скорее как вопрос, чем как утверждение.

– Я – не Толар, – решительно заявил я. – Эту рукоять меча я по чистой случайности нашел торчащей из скалы. Здесь фасы отобрали мое оружие. Потом какое-то колдовство заставило меня отломить одну из здешних сосулук. А когда я приставил ее к рукояти, она превратилась в меч. Я не обладаю никаким из Талантов и не понимаю, почему все это произошло.

– Этот клинок не пришел бы в твои руки, если бы у тебя не было Силы воссоздать его, – медленно проговорил Урук, – если бы к тебе не перешла часть Силы Толара. Это Ледяное Жало. Меч служит лишь одному хозяину и выбирает его сам. Кроме того, о нем говорят, будто он несет в себе некую частицу памяти того, кто владел им последним. Или, быть может, в измышлениях Белых Братьев есть зародыш истины: человек, не исполнивший свой долг в этом мире, возродится, чтобы исполнить его. Если этот меч оказался в твоих руках, значит именно тебе суждено владеть им в этой жизни, кем бы ты ни был.

Тсали положил сеточку со светящимися камнями и открыл мешочек, висевший у него на поясе. Оттуда он извлек какой-то круглый предмет. Взяв его двумя когтями, он начал водить им вдоль тела Урука – от драконьего шлема на его голове до сапог у него на ногах. Из этого нового камня вырвался розоватый туман; он осел на тело человека и впитался в белую выможенную плоть.

Урук сел.

– Ты говорил о фасах, – обратился он ко мне. Хрипота исчезла из его голоса. – Я бы, пожалуй, встретился с ними снова. И мне кажется, что у тебя тоже есть причины охотиться на них...

Крита!

Я еще крепче стиснул рукоять меча, который этот человек из прошлого назвал Ледяным Жалом.

– Есть, – произнес я негромко, но достаточно многозначительно, чтобы вложить в это единственное слово и обещание, и угрозу.

7

Поначалу наш новый спутник двигался рывками, как будто от долгой неподвижности у него заклинило суставы. Но постепенно его движения сделались более плавными. И я заметил, что он вертит головой по сторонам и его глаза настороженно вглядываются из-под драконьего шлема в темноту, которая так давила на нас. Лишь обнаженный клинок Ледяного Жала и камни Тсали сражались с ней.

И снова мне пришлось довериться человеку-Ящеру как проводнику: он кивал нам и петлял между клыками сталагмитов, и казалось, точно знал, куда идет. Я надеялся, что он, увернувшись тогда от грозящих ему корней-пут, проследил за Критой и ее сопровождающими, когда они ушли, бросив меня в ледяной пещере.

Урук молчал, и я тоже. Я думал, что здесь любой звук может насторожить тех, кого мы ищем, привлечь их внимание. Но я видел, как Урук принялся помахивать секирой, сперва правой рукой, потом левой, как будто одинаково хорошо мог сражаться обеими руками.

Большой Топор Вольта, который перешел к Корису из Горма – или, точнее, Корис сумел, не пострадав, взять его из рук мертвого Вольта, само же тело Вольта рассыпалось в прах, едва лишь Топор очутился в руках Кориса, – был единственный известный мне боевой топор. Подобное оружие было не в ходу ни у сулькарцев, ни у Древней расы – во всяком случае, в сохранившиеся в памяти времена. Но, глядя, с какой уверенностью этот Урук обращается со

своей секирой, я не сомневался, что именно это – его излюбленное оружие, а не меч и не дротикомет.

Меня переполняли вопросы. Кто такой этот Урук? Как он очутился в ледяной темнице? Какую роль он сыграл в последние дни хаоса, охватившего Эскор после того, как адепты затеяли свои безответственные и дикие игры с Силой? Он мог и сам быть адептом, но отчего-то я был уверен, что это не так, хотя не сомневался, что некой Силой он обладает.

Мы перешли из одной огромной пещеры в другую по ходам, проделанным фасами. Здесь сильно ими воняло. Я заметил, как наш спутник взял секиру на изготовку и стал еще внимательнее осматриваться по сторонам.

Тсали снова поманил нас и повел за собой в проход. К счастью, это был не тот узкий ход, где нам пришлось ползти. Но все же он был таким узким, что по нему можно было идти лишь гуськом. Ящер пошел первым, потом Урук кивнул мне, как мог бы командир на поле боя кивнуть подчиненному ему офицеру. Указав на мой клинок, который так и продолжал светиться, он дал понять, что из-за его света я должен идти впереди.

Проход несколько раз резко повернул. Я уже даже предположить не мог, где мы находимся относительно поверхности. Потом нам пришлось перейти по каменному наросту, который перекинули как мостик через темную расщелину. Мне показалось, что снизу доносится журчание воды.

Вдруг Тсали остановился. Рука Урука легла на мое плечо безмолвным предостережением. Но каким бы слабым ни был мой слух по сравнению со слухом человека-Ящера, я слышал какой-то шум, как и разглядел нечто серое – как будто проход выводил в какое-то более просторное и более освещенное пространство, хоть тамошний свет и был очень тусклым.

Тсали снова взмахнул рукой. Теперь нам следовало продвигаться вперед с величайшей осторожностью. Сам же он опустился на четыре конечности – Ящеры редко перемещались так в присутствии людей – и нырнул в проем. Я взял Ледяное Жало в зубы и пополз на четвереньках к свету.

Через несколько мгновений мы добрались до выхода из туннеля. Если я правильно понял, некогда это была пещера совершенно невообразимых размеров. Но когда-то давно в ее своде, выгибающемся над нашими головами, возник пролом, широкая трещина на недосягаемой высоте. И именно через эту трещину, ничтожно малую по сравнению с самим сводом, и проникал свет то ли очень пасмурного дня, то ли начинающихся сумерек. Так что он очень мало освещал то, что лежало внизу.

Это был четко распланированный город – хоть, возможно, и не очень большой. Узкие улочки шли между неказистыми постройками, стены которых были сложены из необработанных камней. Высокий человек, встав на цыпочки, мог бы дотянуться до верха такой стены. У этих сооружений не было ни крыш, ни окон, лишь по одной двери на уровне земли.

И там были фасы – в своих домах-коробках, на узких улицах. Там шла, похоже, какая-то бурная деятельность, сосредоточенная вокруг круглого здания, расположенного почти в центре этого скопления хижин без крыш. Я слышал, как рядом кто-то резко втянул воздух и чуть повернул голову. Урук, лежащий почти ничком, но сжимающий в руках рукоять своей секиры, смотрел на бурлящую внизу жизнь поселения фасов, и на лице его отражалось не любопытство и не спокойствие, а холодная, непреклонная решимость.

– Они наверняка держат девушку в башне вождя, – еле слышно прошептал он. – А вот сможем ли мы пробраться туда...

Башня вождя – это, видимо, круглое сооружение в центре. Правда, во внешнем мире я не назвал бы это башней – ведь оно было немногим выше моего роста. Впрочем, в данный момент меня больше интересовали жилища, расположенные поблизости от того места, где лежали мы.

Да, эти стены были возведены из камней. Но если напрячь зрение, было видно, что хоть эти камни и не скреплены никаким связующим раствором, выглядят стены вполне прочными. Я вспомнил, как в далеком детстве наблюдал за работой мастера-каменщика – как он клал подобную стену без раствора, выбирая с почти сверхъестественной точностью камни, идеально подходящие друг к другу.

Эти «улицы», беспорядочно рассекающие поселение, предлагали множество возможностей устроить засаду. Драться с фасами на их территории, где у них могло найтись много сюрпризов наподобие тех корней-веревки, было бы полной глупостью.

Вместо этого я принялся прикидывать прямой путь между удобными точками до того места, где, очевидно, держали Криту. Взобраться на первую стену (которая была достаточно грубой, чтобы было за что зацепиться), а потом перепрыгивать с одной стены на другую было вполне реально, главное – действовать осторожно. Лишь в одном месте прыжок потребовал бы предельных усилий – на открытом пространстве вокруг «башни».

Фасы меньше людей. Самые высокие их воины едва достали бы мне до плеча. Но их было достаточно много, чтобы навалиться кучей и сбить противника с ног – если только он не пройдет через этот потайной город по верхушкам стен. А в отчаянной ситуации на человека иногда снисходит такая уверенность в своих силах, на какую он прежде и надеяться не мог.

Я быстро объяснил, что, по моему мнению, можно сделать. Обращался я к Уруку, поскольку был уверен, что его мысленный контакт с Тсали куда надежнее моих неуклюжих жестов. Человек-Ящер зашипел, но проворно надел сеточку со светящимися камнями на шею.

Мне отчаянно не хотелось отпускать Ледяное Жало, но, чтобы попытаться выполнить мой замысел, требовались свободные руки. Так что меч пришлось убрать в ножны. Сразу стало темнее, но рукоять продолжала сиять внутренним светом, переливаясь яркими цветами.

Урук закрепил секиру на спине, так, чтобы ее можно было выхватить через плечо (он дважды проверил, правильно ли она закреплена и легко ли ее достать). Покончив с подготовкой, мы поползли вниз по склону, время от времени прижимаясь к земле, и в конце концов очутились за первой из отмеченных мною хижин-коробок.

Я слышал гортанную речь фасов, но где-то в отдалении. И хотя во время той бури в горах Долины мне пришлось нелегко, теперь я верил, что так было суждено. Я выбросил из головы все мысли о возможной неудаче.

Взобраться на стену и вправду было легко, и через несколько мгновений я уже был наверху. К счастью, стена оказалась достаточно широкой, чтобы можно было прочно поставить ногу. Тсали взлетел следом, обогнал меня и с изяществом и легкостью, присущими его народу, перепрыгнул на следующую стену. В доме под нами никого не было, но это еще не значило, что нам точно так же повезет со второй или третьей хижинкой. Достаточно было, чтобы хотя бы один фас посмотрел вверх и заметил нас, и тогда...

Я решительно изгнал из разума мысли о неудаче и последовал за Тсали. Моему прыжку было далеко до изящества и легкости Ящера, но приземлился я успешно и поспешил за ним. Я не оглядывался, чтобы проверить, идет ли за нами Урук, но пару раз слышал позади его хриплое дыхание.

Мы одолели три четверти пути к нашей цели – «башне», – когда нас все-таки заметил один из обитателей дома, который мы столь бесцеремонно использовали в качестве трамплина. Пронзительный крик заставил меня вздрогнуть. Но я и не верил, что мы сумеем незаметно пересечь весь город. И я считал, что у нас по-прежнему есть шанс, если только враги не вооружены этими отвратительными корнями.

Тсали уже прыгнул на следующую стену, я снова последовал за ним. Но, должно быть, я все-таки разнервничался, хоть сам этого и не осознал, потому что потерял равновесие и чудом не свалился в комнату подо мной.

На улицах поднялся крик, но мне нужно было отрешиться от воплей фасов и сосредоточиться лишь на прорыве к тому месту, где могла находиться Крита. Я добрался до последнего дома. Передо мной теперь лежало пространство, которое я вряд ли смог бы преодолеть, не спускаясь на землю. Я увидел, как Тсали взмыл в воздух и приземлился на стену башни, но мне такой прыжок был не по силам.

Пока я колебался, меня нагнал Урук.

– Слишком далеко, – озвучил он мои мысли.

Внизу изо всех кривых улочек текли потоки фасов, скапливаясь у входа в башню. Не оставалось ничего иного, кроме как прорываться внутрь с боем. Я извлек из ножен Ледяное Жало. И клинок вспыхнул ослепительно ярко, как будто меч осознал, что мы в опасности, и пожелал подбодрить нас.

Фасы взвыли. Я не стал останавливаться, чтобы взглянуть, какое оружие грозит мне теперь. Вместо этого я прыгнул прямо в толпу. Как минимум одно тело рухнуло под моей тяжестью, но сам я удержался на ногах. Потом я взмахнул над головой сверкающим мечом. Он загудел, но свет его не погас.

Фасы с криками отхлынули прочь, заслоняя глаза руками. Потом ко мне спрыгнул Урук с секирой наготове. Его появление стало для подземных жителей еще более тяжким потрясением. Но все же они сражались. Некоторые погибли от меча или от секиры, но похоже, что сильнее всего их дух подорвал сам вид нашего оружия – а может, нас самих. Я слышал, как Урук что-то скандирует, работая секирой, но не мог разобрать слов. В этот миг меня, словно вспышка, посетило очередное видение из сна-жизни. Мы определенно уже сражались вместе прежде. И Ледяное Жало, порождение воды, сумело вырваться из земных глубин.

Мы пробились к входу в башню. Когда мы подошли к двери, изнутри вынырнул Тсали. Он пытался, не отрывая взгляда от Криты. Ящер вел ее, словно лошадь, повинующуюся исключительно под воздействием поводов.

Лицо девушки ничего не выражало, а глаза были по-прежнему закрыты, как будто она спала. Урук шагнул к ней. Прежде чем я успел шевельнуться или возразить хоть словом, он обхватил ее стройную фигурку и закинул себе на плечо так, чтобы сохранить возможность биться правой рукой; девушка повисла на его плече, словно мертвая.

Теперь Тсали присоединился к сражению. Он выхватил из поясной сумки пригоршню какого-то порошка и швырнул его в лица окруживших нас фасов. Они закричали, роняя дубинки и копыя, и схватились за глаза, как будто ослепли.

Мы не могли снова пробежать по стенам, а основная масса фасов стояла между нами и проходом, по которому мы попали в эту пещеру. Теперь командование взял на себя Урук.

– Сюда, – уверенно распорядился он, словно точно знал, что делать.

Поскольку я не мог предложить ничего лучшего, пришлось последовать за ним. Мы быстро отступили, но не по улочке, а внутрь самой башни – мне это казалось полнейшим безрассудством. Но Урук – он так и держал Криту и секиру, пока мы с Тсали остановились, изготовившись оборонять вход, – выглядел как человек, точно знающий, что он делает.

– По крайней мере, хотя бы это не изменилось, – сказал он. – Толар, держи дверь. Не думаю, что они все-таки обнаружили нижний путь.

Он положил Криту на каменный пол и с силой толкнул плечом низкий стол, стоявший в центре помещения. Стол не шелохнулся. Тогда Урук вскинул секиру и ударил по нему с такой силой, что я почти ощутил ее. От этого удара стол раскололся и развалился на куски. Урук нетерпеливо расшвырял их ногами.

Тут я услышал шипение Тсали и развернулся с мечом на изготовку к столпившимся фасам. Они принесли с собой камни и, прикрывая ими глаза, словно щитами, неумолимо продвигались вперед.

– Идем!

Тсали задержался, чтобы швырнуть в воздух последнюю пригоршню своего сильнодействующего средства. Возникшее в воздухе облачко поплыло в сторону фасов и осыпалось на них. Благодаря ему мы получили небольшую передышку. На месте стола обнаружился темный прямоугольник. Урук, так и продолжая нести Криту на плече, опустился туда по поясу.

– Скорее!

Мы с Тсали ринулись к этому отверстию и протиснулись через него, подозреваю, что мои ноги очутились где-то совсем рядом с пальцами Урука. Спуск был недолгим. Наши камни и меч давали достаточно света, чтобы разглядеть, что мы стоим перед очередным коридором, уходящим в темноту.

– Возьми ее.

Я еле успел подхватить Криту и прижать к себе. Урук поднялся по лестнице и захлопнул люк. Я услышал удары его секиры и увидел, что он загнал на место засов, который, на мой взгляд, невозможно было сломать.

– Ну что. – Я услышал, как он рассмеялся в темноте. – Похоже, человек на самом деле никогда не забывает того, что ему нужно. Теперь, Толар, который Йонан, – он спустился обратно, – перед нами лежат пути, которые были старыми еще до того, как явились фасы и испоганили эти горы. И я думаю, тут нам ничего не грозит. Ну что, идем?

Хотя Крита по-прежнему пребывала в этом своем подобии трансa, Тсали мог отчасти контролировать ее. Так что, когда мы двинулись в путь по этим древним коридорам, где само время было позабыто, она шла сама. И чем дальше мы шли, тем больше она возвращалась к жизни. Когда же мы наконец добрались до последнего длинного коридора и Урук приложил ладони к стене, Крита почти очнулась и узнала меня и Тсали, а вот Урук, кажется, вызывал у нее беспокойство.

Камень, преграждавший нам путь, со скрежетом отъехал в сторону, выпуская нас на поверхность. Я огляделся, выискивая знакомые ориентиры. И увидел один прямо перед собой. Мы среди гор, обступивших Зеленую Долину. Теперь, когда мы вернулись, леди Дагона наверняка сумеет полностью исцелить Криту.

Урук подбросил свою секиру и поймал за рукоять.

– До чего же хорошо снова быть живым! – сказал он.

Мои пальцы погладили рукоять Ледяного Жала.

– Да, быть живым хорошо, – согласился я. Я все еще не знал, что за союзника я случайно раздобыл, но уже не сомневался, что это друг. И точно так же не сомневался, что могу теперь сражаться не хуже, чем любой из моей родни. А с таким мечом чего только не сделаешь! Еще никогда в жизни я не чувствовал себя так уверенно.

Часть II

Меч Проигранных Битв

1

В свете утра казалось, будто никакая Тень не может угрожать этой земле. Лежащая внизу чаша Зеленой Долины в лучах солнца сверкала, словно огромный самоцвет. Для нас четверых – ну или по крайней мере для троих – она несла в себе обещание гостеприимства и безопасности, насколько это было возможно в беспокойной, раздираемой бедствиями стране.

Я потянулся к Крите, позабыв на миг, что не имею права ждать от нее ничего, кроме товарищеских чувств, или, самое большее, братской приязни – ведь она была помолвлена с Имхаром, сыном моего приемного отца, лорда Хорвана. Я же был всего лишь Йонаном, почти что самым незначительным из вассалов лорда, несмотря на то что в моем детстве его леди раскрыла для меня сердце и объятия.

Но руки Криты безвольно повисли. Она не смотрела на меня. Она стояла, прикусив нижнюю губу, и медленно моргала, как человек, приходящий в себя после странного сна. Она была околдована фасадами, похитившими ее для каких-то своих целей, потому что она обладала неким Даром Силы. Я понял это в тот самый миг, как увидел Криту среди обитателей подземелий, когда отправился освободить ее. Я бы и сейчас мог, если бы пожелал, отыскать в своей поясной сумке ту грубую фигурку из глины, волос и ткани, которую тайком подложили Крите в постель, чтобы заставить ее служить каким-то их целям.

Тсали, прикасаясь к ее разуму, контролировал Криту, когда мы выбирались из владений фасов. Но теперь, на последнем отрезке нашего пути Крита, похоже, полностью пришла в себя, хотя так и не заговорила с нами.

Наконец я осмелился нарушить молчание:

– Крита.

Девушка очень медленно повернула голову и позволила посмотреть ей в глаза. Но от этого взгляда мне стало страшно – в нем не было глубины. Она по-прежнему смотрела куда-то внутрь себя, не наружу, и это был ее собственный выбор.

– Крита! – повторил я уже настойчивее, надеясь, что могу так достучаться до ее слуха, раз уж не могу дотянуться до ее разума.

Что-то шевельнулось в глубине ее глаз. Она нахмурилась, недоуменно, словно ребенок. Потом покачала головой, словно стремясь изгнать сам звук своего имени, произнесенного мною. А потом еле слышно прошептала:

– Толар...

– Нет!

Я вскинул правую руку. Это имя, явившееся из прошлого, из смертного сна, преследовало меня. Так я ощутил, как кто-то чужой шевельнулся в моем сознании, захватил власть над моим телом, когда я вернул к жизни загадочный меч, висящий ныне на моем поясе, хочу я этого или нет. Станный меч, созданный заново неведомой Силой из рукояти, которая на протяжении веков была впаяна в камень, и обломка льда, который я отломал от свода пещеры. Однако же он лежал в моей руке так, словно был создан для меня одного.

– Я Йонан! – почти закричал я.

Крита заскулила и сжалась. Тсали характерным своим стремительным рывком вклинился между нами и зашипел на меня. Четвертый наш спутник заговорил первым.

С того момента, как мы вступили в Долину, он шел последним, словно не хотел следовать по нашему пути, но поскольку других он не знал, его тянуло к нам.

Урук – но кто он такой, этот Урук? Он был пленником фасов, его на протяжении бесчисленных – в понимании смертных – эпох держали заточенным в ледяной колонне в одной из их огромных пещер. Мой странный меч, который он назвал Ледяным Жалом, освободил его, когда чужак, сражавшийся со мной за мое сознание, заставил меня обрушить удар меча на эту колонну. А еще он называл меня Толаром.

Сейчас он стоял, изучающе глядя на меня из-под шлема, увенчанного драконом с глазами-самоцветами; свою огромную секиру он поставил на землю, но по-прежнему держал рукоять обеими руками. Я в ответ с вызовом взглянул на него, мне снова сделалось не по себе. Да, этот человек наверняка был древним врагом фасов. Но в нынешние беспокойные времена враг моего врага – еще не обязательно мой друг или союзник. А я, если говорить начистоту, слишком мало знал об Уруке.

– Она слишком долго пробыла под Тенью, – сказал он. – Возможно, теперь она видит яснее, чем большинство...

– Я Йонан, – мрачно сказал я и выдернул Ледяное Жало из ножен. Мне следовало бы выбросить его. Но я не смог.

– Ты держишь в руках Ледяное Жало, – сказал Урук. – Возродившись, меч принес с собой свои гисы. И они перешли к тебе, кем бы ты ни был и как бы себя ни называл. Это Великое оружие, одно из Четырех Великих оружий, и оно само выбирает себе хозяина.

Я попытался второй рукой разжать пальцы, сжимающие хрустальную рукоять. Она уже не была мутной, как тогда, когда я впервые нашел ее, а искрилась светом, вспыхнувшим в тот момент, когда клинок снова закрепился на рукояти. Но я знал, что мои усилия бесполезны. Я не хозяин, а скорее слуга этой вещи. И пока я не овладею мастерством, которого мне недостает, я не смогу...

Урук кивнул мне, и я понял, что он способен читать мои мысли, как любой обладатель Силы.

– Время – это змея, чьи кольца переплетаются бесконечно. Иногда человек может по какой-то случайности или в силу гиса соскользнуть с одного кольца, собственного, на другое. И если такое случается, ему остается лишь принять это, ибо возврата нет.

– Толар из Ха-Гарка... – Крита тоже кивнула, словно отыскала наконец ответ на какую-то загадку.

Ха-Гарк? Так назывались древние развалины неподалеку от Долины, место, настолько изъеденное временем (а может, и настолько иссеченное Тенью), что никто из ныне живущих не мог, проходя среди развалин, сказать, где здесь был дом, а где – дорога.

Говорили, будто сами горы плясали, когда рухнул этот город, и что плясали они под пение свирели, идущее из Тьмы. Даже легенды, рассказывающие об этом, дошли до нас лишь в виде обрывков.

– Я Йонан! – Я со стуком вогнал Ледяное Жало обратно в ножны. – Ха-Гарк давным-давно мертв, а жители его давно позабыты и людьми, и чудовищами!

– Так, значит, Ха-Гарк пал, – задумчиво проговорил Урук. Он перестал пристально вглядываться в меня. Теперь он смотрел на раскинувшуюся внизу Долину. – А это твоя твердыня, Толар, ставший Йонаном?

– Это твердыня народа Зеленой Долины, их союзников и нас – тех, кто пришел из-за гор.

– Это они идут вон там? – Он снял одну руку с секиры и легким движением показал вниз. И я увидел, что действительно по каменистому склону к нам поднимается небольшой отряд.

Крита вдруг вздохнула и опустила на землю, как будто ноги перестали ее держать. А Тсали стрелой помчался навстречу отряду. Мне следовало бы пойти за ним, чтобы Крите поскорее помогли, но обнаружил, что не могу сделать ни шагу.

Мне стало страшно. Долину охраняла не только доблесть ее обитателей, но еще и древнейшие и могущественнейшие знаки Силы. И тот, на ком лежала печать Тени, не мог миновать их, если только не был адептом Тьмы.

Но я же не из Тени! Если только... Я посмотрел на Урука и стиснул зубы. Я освободил этого человека не по своей воле, но я это сделал. Если он принадлежал Тьме, то это деяние запятнало и меня.

– Ты!..

Он не дал мне завершить эту угрозу – или обвинение. Вместо ответа он прошел мимо меня, шагнул за край уступа, тут же вернулся обратно, склонился над Критой, бережно поднял ее и прижал к себе, а я так и не смог пошевелинуться.

Меня охватили страх и ярость. Теперь было ясно, что опасность Долине несет не Урук, а что-то во мне – или в мече! Однако же я извлек его рукоять из камня гор, ограждающих эту долину, принес его в самое сердце нашей твердыни, и тогда это не встретило ни малейшего сопротивления. Правда, потом мне приснился жуткий сон о том, как этому мечу пришел конец, а вместе с ним и мне – или тому, кто некогда был мной.

Тогда я дрожащими пальцами расстегнул перевязь с мечом. Я мог еще раз попытаться преодолеть преграду – так она будет иметь дело только с самим Йонаном. Возможно, если не прикасаться к мечу, у меня получится.

Похоже, я рассуждал правильно, потому что как только перевязь с мечом упали на землю, я с легкостью, как и Урук, миновал край утеса. Но сзади донеслось:

– Никто не может отказаться от предназначенной ему судьбы!

– Это мы еще посмотрим!

Я прорычал это, словно снежный барс. Меня охватила такая ярость, какую мне редко доводилось ощущать. Мне хотелось пнуть этот меч, отправить его в полет с обрыва, куда подальше. Каменный склон был испещрен расщелинами – вот пусть бы он и стигнул в какой-нибудь из них, как некогда его рукоять.

Но прежде чем я успел хотя бы шевельнуться, идущий снизу отряд добрался до нас. Леди Дагона двигалась быстро, почти так же проворно, как Тсали, и подоспела к нам первой. За ней шел лорд Килян, потом Имхар, за ним еще трое – двое из Зеленого народа и еще один человек.

Крита отстранилась от Урука с тихим радостным возгласом – будь он обращен ко мне, я приписал бы его боли от раны. Она влетела в распахнутые объятия леди Дагоны, и ее юное тело затряслось от рыданий.

Леди Дагона что-то нежно прошептала ей, и рыдания стихли. А лорд Килян и следом за ним Имхар подошли к нам с Уруком. Первым они оглядели моего спутника, но быстро перевели взгляды на меня.

Урук улыбался, но улыбка лишь приподняла уголки его губ и не коснулась настороженных глаз. Я видел, что лорд Килян тоже настороже. А вот Имхар насупился. Однако он не стал первым нарушать молчание, – кажется, не мог сообразить, что тут будет уместно сказать.

Первым заговорил Урук и обратился не к ним, а непосредственно к леди Дагоне.

Он вскинул секиру на уровень груди, словно бы в салюте.

– Приветствую тебя, Владычица Зеленой Долины, что некогда звалась Мерхартом!

Леди, не выпуская Криту из объятий, подняла голову и посмотрела на него так, словно могла проникнуть в самые потаенные его мысли.

– Много лет прошло с тех пор, как это название перестало звучать.

– Так я и подумал, моя госпожа. Но немало лет прошло и с тех пор, как я способен был ступать по этой земле. Не знаю, действительно ли ты – та самая, кто носил это имя, или ты произошла от нее, но в любом случае ты должна знать меня.

Леди степенно кивнула:

– Урук Секиры. Но прошли воистину бесчисленные годы.

Урук пожал плечами:

– Для меня они были лишь сном. Я был пленником Тарги – его лучшей игрушкой. Так он думал. Я даже успел побывать богом – у фасов, – если только можно представить себе фасов, желающих поклоняться божеству. Но я готов предположить, что даже за эти бесчисленные годы, о которых ты говоришь, наша война не прекратилась.

– Это так. Некоторое время мы жили на пустошах, выжидая, пока Тень истощится, раздираемая собственными склоками. Большинство Великих ушли. Но то, что осталось после некоторых из них, теперь разрушает землю, как грибы-паразиты – некогда здоровое дерево. И меч войны снова был поднят, чтобы собрать нас для борьбы.

Урук рассмеялся:

– Тогда, похоже, меня вовремя разбудили. Урук Секиры никогда не бежал от битвы.

Тут в разговор вмешался лорд Килан – как мне казалось, он все еще смотрел на Урука скорее подозрительно, чем благожелательно.

– Дагона, этот человек действительно на нашей стороне?

– Он – легенда, – ответила она. – А легенды...

– Не всегда соответствуют истине, – закончил вместо нее Урук. – Да, мой господин, я не принадлежу Тени. Когда-то я правил городом. Я вел войско этой провинции в битву. Теперь же я – всего лишь еще одна пара рук и голова, помнящая кое-что из древнего военного искусства, только и всего. – Он поднял секиру чуть выше. – Это – Великое оружие, одно из Четырех. А здесь, – теперь он чуть качнул секирою в сторону и кивком указал на меня, – стоит тот, кто может удержать другое такое оружие – в его руках возродилось Ледяное Жало!

Я услышал судорожный вздох леди Дагоны. Она посмотрела на меня, на брошенные мною меч и перевязь и снова на меня. Взгляд ее из изумленного быстро сделался оценивающим.

– Меч Проигранных Битв... – проговорила она.

– Да. И этот молодой лорд только что открыл первый из его секретов: он не может пройти через твои защитные руны.

– Я не желаю им владеть! – крикнул я и уже почти отшвырнул меч, как и собирался, но тут леди Дагона покачала головой.

– Ты можешь оставить его здесь, – сказала она, – но он не оставит тебя. Великое оружие само выбирает себе хозяина и со временем становится единым с ним. Но на этом мече лежит недоброе заклятие. Он предназначался для служения Свету, но во время создания в него закрался изъясн. Он приносит Зло тому, кто владеет им, и делу, которому служит. Однако же, насколько нам известно, он не принадлежит Тени и ненавидит все порождения Тьмы.

– Да, – согласился Урук, – он будет приносить несчастья – до тех пор, пока не вернется к истоку. Но кто сказал, что это время еще не настало?

Я покачал головой и решительно зашагал прочь от меча.

– Пускай лежит где лежит. Нам не нужны несчастья. А я – не повелитель времени, чтобы связываться с Силой или с прошлым. Пускай валяется, пока не проржавеет насквозь и не рассыплется прахом.

И я сунул правую руку себе под мышку и зажал ее там, потому что собственное тело взбунтовалось против меня и мои пальцы, вопреки моей воле, потянулись, чтобы снова подобрать этот злосчастный клинок.

2

Отсветы от высоких языков огня выхватывали из темноты то одно, то другое лицо. Здесь собрались все, кто обладал хоть каким-то влиянием в Долине. Леди Дагона и лорд Этутур от народа Зеленой Долины, лорд Килан и лорд Хорван от тех, кто пришел из-за гор, вожди рентапов и крылатых верлонгов и вождь народа Ящеров. С ними пришли их лучшие воины и

расселись за спинами вождей в темноте, куда не доставал свет огня. В первом ряду восседал и Урук, секиру он держал на коленях и не отрывал от нее рук.

Леди Дагона держала в руках ту фигурку из глины, волос и ткани, которая увела Криту из-под нашей защиты в руки фасов. И все взгляды были прикованы к этой фигурке.

– Похоже, – нарушил воцарившееся молчание Этутур, – что наша защита не так надежна, как мы верили. Иначе эта вещь никогда бы не попала сюда.

Я сцепил руки перед собою. Правая ладонь зудела, пальцы скрючились, как будто что-то удерживали. Меня терзала жажда, и на сражение с ней уходили все мои силы, потому что я держал клятву. Ледяное Жало осталось лежать в горах, там, где я его бросил. И я не буду об этом сожалеть. Не буду!

– Это, – леди Дагона взвесила уродливый талисман на ладони, – было сотворено не за пределами наших границ, а внутри них.

Услышав это, присутствующие принялись встревоженно посматривать друг на друга. Она что, действительно сказала, что среди них есть предатель? Но как такое возможно? У кого достаточно Темной Силы, чтобы перейти столь часто подновляемые преграды и одолеть нашу защиту?

– Эта глина, – продолжала тем временем леди, – с берега ручья, волосы – с головы Криты, и вот это тоже принадлежит ей. – Она провела пальцем по ткани, в которую была замотана фигурка.

– Кто...

Рука лорда Килана легла на рукоять его меча. Его лицо, сколь бы молодым оно ни выглядело, было хмурым и решительным, как будто он предвидел какую-то битву, в которой он может потерпеть поражение.

– Крита.

Ответ был столь тихим, что мне потребовалось два-три вдоха, чтобы осознать его. А потом я запротестовал бы, но меня опередил лорд Хорван.

– Но, госпожа, зачем ей было бы изготавливать ловушку, чтобы потом самой угодить в нее?! Это какая-то глупость, бессмыслица!

– Она ее не изготавливала, мой господин, не изготавливала сознательно. Но эта дева из вашего Дома одарена куда больше, чем мы это понимали. Без обучения Сила способна как помочь, так и навредить. Девушка охотно использовала то, что сокрыто в ней, как человек, мучимый жаждой, пьет из озера с прозрачной водой, и не видела в этом ничего плохого, ведь она желала лишь добра. Она родилась целительницей, и очень многообещающей. Но никакой Дар не дается один, и когда Сила отворяет двери, а защиты за ней нет, через эти двери может прокрасться то, чего мы страшимся более всего.

– Установленная нами защита сделала Долину неуязвимой для физического вторжения. Но какой-то изощренный ум измыслил способ дотянуться до незащищенного слоя сознания, и способ этот невозможно засечь – можно только обучать обладающих Даром использовать щиты.

– Такая ищущая мысль не доставит проблем тем, кто прикрыт щитами. Но она может влиять – и без их ведома или понимания – на тех, у кого нет таких щитов. Но не бойтесь, это Зло выдало себя и не сможет больше сделать из Криты свое оружие. Урук! – Леди обратилась к нему напрямую: – Кто сейчас повелевает фасадами?

Урук ответил не сразу. А когда все же отозвался, то заговорил задумчиво, словно сам столкнулся с какой-то загадкой.

– Моя госпожа, вы сами сказали, что в этом вашем новом мире я – всего лишь легенда. Я жил в другое время и в другом Эскоре. Моим врагом там был Тарги. Фасы отчасти признавали его власть – в достаточной мере, чтобы позволить ему устроить мою темницу в их пещерах. Но Тарги... – Урук медленно покачал головой. – С того момента, как меня освободили, я не

учуял никаких его злодейств. Будь он жив... – Он хлопнул ладонью по своей секире. – Я бы это знал! Вражда слишком крепко нас связала, чтобы я мог этого не понять.

– Тарги был убит в Эмнине. – Слова сорвались с моих губ, но принадлежали не мне. Все присутствующие пораженно уставились на меня. – Это была Проигранная Битва. – И не Йонан сейчас продолжал говорить. – Проигранная для Знамен Эфта, для Содружества Ха-Гарка. Однако же и Тень была отброшена. В тот день никакая из сторон не могла бы объявить о своей победе.

Моя правая рука взлетела к губам и прикрыла рот. Это внезапное пробуждение другого потрясло меня. И я невольно заметил, что сидевшие поблизости отодвинулись, как будто я оказался мерзким недругом. Но я же все-таки выбросил Ледяное Жало! Я Йонан!

Я увидел, что Этутур рассматривает меня, нахмурившись. Его губы шевельнулись, как будто он собрался что-то сказать, но леди Дагона жестом остановила его. Потом она подняла руку и начертила в воздухе некие символы. Они вспыхнули зеленым огнем, а потом зеленый сменился голубым. И мне почудилось, будто я стремительно вращаюсь в горящем между нами огне, будто все, что было мною, повисло в воздухе, нагое и беззащитное перед этими знаками ее колдовской Силы.

– Кто ты?

Я увидел, как ее губы произнесли эти слова, но мне казалось, будто они еле слышно донеслись откуда-то издалека. Между нами словно раскинулась бездонная пропасть. Я боролся. Йонан. Я Йонан! Но я услышал, как мой собственный голос произносит – точно так же вдалеке и еле слышно:

– Толар. Я – Толар Ледяного Жала.

– И что же привело тебя сюда, Толар? – задала она второй вопрос.

– Прошлое следует уничтожить, а злое заклятие – разрушить.

– Такова твоя воля, Толар?

– Моя воля ничего не решает. Таков возложенный на меня гис – исправить последствия моего поражения и спрясть время заново.

Я – или сущность, что была частью меня, – больше не висела перед Владычицей Зеленой Долины. Я снова очутился в собственном теле. Но я больше не сидел среди людей Хорвана. Вместо этого я вышел на открытое пространство, так, что языки огня почти что лизали мои сапоги. Я с горечью осознал, что человек, которого я так яростно пытался уничтожить, теперь полностью завладел мною. Я больше не был здесь своим. Я превратился в странную и пугающую загадку, мало связанную с известным мне миром.

– Я должен вернуться.

Мои губы словно окоченели. Несмотря на жар огня, я промерз до костей, как в тот момент, когда что-то заставило меня разбить ледяную колонну фасов и освободить Урука. И во мне крепло убеждение, что я иду навстречу смерти, но никак иначе мне не одолеть того, что мною завладело.

Урук встал.

– Это и моя битва тоже. Хитроумие Тарги не позволило мне вступить в бой в былое время, но Тарги более нет. Моя госпожа! – Он снова отсалютовал Дагоне секирой. – Мы идем во Тьму. Пожелайте нам удачи, ибо путь наш будет странен и на нем нас ждут опасности, с которыми мало кому из людей доводилось сталкиваться.

– Мальчик... – Я осознал, что лорд Хорван стоит рядом со мной и держит меня за правую руку. И в этой руке нарастает боль – боль, которая меня не покинет, пока я снова не возьму Ледяное Жало и не пройду сквозь испытания, которых желает этот таинственный меч и чужак во мне. – Йонан... Что ты собираешься делать?

В его голосе звучало участие, и эта забота придала мужества тому, что еще оставалось от юноши, которого он знал. Но от Йонана во мне осталось так мало, что, возможно, эти слова все-таки произнес чужак:

– Мой господин, – отозвался я со всей возможной учтивостью, но теперь Хорван казался мне столь же далеким, как и звучавшие прежде голоса, – я пойду туда, куда должен идти, и сделаю то, что должно быть сделано. Ибо я – то, что сделало из меня Ледяное Жало, и ему я буду служить, пока все не закончится. Возможно, на этот раз, – во мне шевельнулась робкая надежда, – конец будет гораздо лучше.

Но воспоминания омрачили эту надежду – я снова ощутил острую боль израненного тела, терзавшую меня, пока я тащился туда, где можно было избавиться от меча, чтобы Зло не завладело им и не превратило в еще более грозную опасность.

Рука Хорвана соскользнула с моей. А собравшиеся расступились, открывая тропу в темноту, прочь от ободряющего пламени костра. И я зашагал по этой неуклонно темнеющей тропе, и плечом к плечу со мной шел Урук. А что-то внутри меня получило удар и начало умирать. Когда оно умрет окончательно, я стану человеком без надежды, движимым одним лишь гисом – моим заклятием.

Невзирая на темноту, мои руки и ноги словно сами собою находили точки опоры, чтобы вскарабкаться на утес. И я продвигался вверх так быстро и легко, как никогда прежде. Я смутно ощущал, что справа движется Урук, но его общество не давало ощущения поддержки – слишком уж он был связан с тем существом, которое держало меня в плену, которое убивало Йонана, убивало столь же верно, как если бы вскрыло ему грудь и вырвало сердце.

Когда мы добрались до вершины, я увидел свет, и меня повлекло к нему. Рукоять брошенного мною меча пылала, словно факел. Я наклонился, подобрал перевязь и снова надел ее. Потом я коснулся рукояти. Она оказалась теплой, а не холодной, как обычный хрусталь.

Впервые с того момента, как мы ушли от костра, Урук подал голос. Он умудрился произнести это слово не как вопрос – он словно бы подтверждал решение.

– Ха-Гарк.

– Ха-Гарк, – эхом повторил я.

Однако же этот чужак – тот, кого они называли Толаром, – пока что не полностью контролировал мой разум – лишь мою волю и мое тело. Я не обладал его воспоминаниями, не считая мимолетных, изъеденных временем картин. Но когда Урук пробормотал это название, я сразу же осознал, что нам действительно нужно туда.

Но мы не могли добраться до этих почти позабытых руин без испытаний. И когда мы спускались по противоположному склону горной цепи, ограждающей Долину, у меня словно мурашки бегали меж лопаток. Я поймал себя на том, что то и дело принимаю и прислушиваюсь. Ночь за пределами Долины была полна Зла, и исходящая от него угроза пробудила все мои инстинкты. Я не мог разбрасываться жизнью – я должен был жить ради некоей неясной, зывающей ко мне цели.

Казалось, будто мой слух сделался острее, будто у меня проявились некие новые чувства, которые недвусмысленно предупреждали о поджидающей внизу опасности. И в моем сознании вспыхнули не принадлежащие мне слова: «Там порождения Тени».

Но я не обладал никаким Талантом. Как я мог уловить это предостережение? Нет, не так. Талантами не обладал Йонан. Но что я знаю о Талантах и силах Толара?

Порыв ветра донес к нам зловоние. Не фасы, нет – серые. Существа, предавшиеся Злу, не люди и не животные, но сочетание наихудших черт тех и других. Я остановился и прислушался.

Тихий скрежет по камню – не прямо внизу, немного справа. Я взгляделся в кромешный мрак и различил мертвенно-бледное свечение – это вспыхнули злобой обращенные на меня глаза.

«Иди влево, – снова пришло отчетливое мысленное сообщение. – Там уступ. Я уже стою на нем».

Серые не издавали ни звука. Я посмотрел, за что бы ухватиться. Опор оказалось достаточно, чтобы пройти без труда. Через считанные мгновения мои ноги нащупали твердую поверхность, и я смог, отпустив опору, повернуться к врагам.

«Обычно они не молчат во время охоты, – все так же беззвучно продолжил мой спутник. – Их там всего пятеро».

Он сказал это так, будто пятеро серых были сущим пустяком для вооруженных мужчин. И я ощутил мимолетное удивление.

Я снова увидел внизу глаза, выдававшие врага. Огоньки неспешно передвигались вдоль подножия утеса, примерно на высоте человеческого роста или чуть выше, и в конце концов оказались под нами. Я извлек из ножен Ледяное Жало.

Это было словно вспышка факела, хоть и не слишком яркого. А еще оказавшийся у меня в руках меч издал некий звук, столь странный, что если бы мои пальцы сами собою не вцепились в него, я бы его выронил.

Сказители, рассказывающие и пересказывающие наши легенды, хранящие то, что иначе давно было бы потеряно для людей, говорили о временах «поющих мечей», удивительных клинков, которые издавали пронзительную песнь, когда были готовы к битве. Но Ледяное Жало – оно зарычало! Иначе и не скажешь.

И снизу ему откликнулось другое рычание. Темная туша метнулась вверх, к нам. Не серый, кто-то другой – у него не было светящихся глаз-плошек.

Урук рванулся вперед, и в свете моего клинка я увидел, как секира опустилась на эту темную массу, и услышал жуткий вой. Тварь, кем бы она ни была, рухнула вниз. Теперь к нам прыгнули серые, как будто из-за раны, нанесенной боевому товарищу, они разозлились до потери соображения – ведь наша позиция наверху давала нам преимущество, которое ни одно разумное существо не стало бы игнорировать.

Когда я снес уродливую голову, чувствуя, как поддается плоть и ломаются кости, Ледяное Жало снова зарычало. Твари продолжали прыгать, пытаясь достать нас. Они словно обезумели от ярости – или что-то принуждало их атаковать нас, невзирая на то что с этой позиции мы могли без проблем расправиться с ними.

Так мы убивали их в темноте одного за другим. Снизу неслись крики и скулеж. Но мы двое воинских кличей не издавали. Равно как и Ледяное Жало «говорило» не по моей воле или наущению, но как если бы само по себе настолько ненавидело тварей внизу, что сдерживать эту ненависть не могло.

Наконец я ощутил мысль Урука: «Довольно. Они мертвы».

Я оперся на обнаженный меч, выискивая, не мелькнет ли где предательский блеск светящихся глаз, не раздастся ли какой-нибудь звук. Но ночь была черна и тиха. Я чувствовал себя таким уставшим, словно Ледяное Жало опустошило мою душу.

– Надо двигаться, – сказал Урук, да и меня что-то гнало вперед, невзирая на усталость. – У этих тварей есть хозяева, и они скоро узнают об их смерти.

Мы еще немного прошли по уступу, но потом он стал настолько узким, что пришлось спускаться. Когда же наконец наши ноги коснулись земли, Урук резко отвернулся от места нашей схватки.

– Ха-Гарк... – сказал он. – Мы пока что не повелители времени.

Я понятия не имел, о чем он говорит, но вытер Ледяное Жало пучком жесткой травы и пошел следом за своим спутником. Обнаженный клинок я так и держал наготове.

3

Хотя ночь была безлунной, а слишком далекие звезды практически ничего не освещали, мы шагали сквозь ночь так же, как и уходили от костра в Долине, плечом к плечу – как будто шли по освещенной факелом тропе. Я двигался уверенно, как если бы видел окружающее не глазами, а разумом. А другая часть меня была постоянно настороже, на тот случай, если вдруг кто-то крадется по нашему следу.

Я вернулся из нашего рискованного похода в подземелья фасов уже уставшим и почти не успел отдохнуть к тому моменту, как нас позвали на Совет. Однако же сейчас я совершенно не ощущал усталости, лишь жгучее желание исполнить должное. Но в чем оно заключается – я так и не знал.

Урук не нарушал воцарившегося между нами молчания ни словом, ни мыслью. Леди Дагона назвала его легендой, но она сразу же приняла его, а это значило, что он не принадлежит Тени. А он знал Толара – однако же я боялся пытаться восстановить неведомые узы, связывавшие нас прежде. Йонан все еще теплился во мне, и его страха хватало для этого последнего отчаянного сопротивления.

Если Зло и кралось за нами этой ночью, оно держалось в отдалении. Возможно, та бойня, что мы устроили у подножия утеса, заставила врагов держаться настороже. А может, они лишь рады были заманить нас с нашей глупостью подальше от Долины, где мы окажемся легкой добычей. По пути я вяло размышлял, что же из этих предположений ближе к истине, но бдительности не терял.

В первом тусклом отсвете пробуждающегося утра перед нами предстал дикий, вздыбленный край. Что-то хаотично перемешало эту местность. Урук пошел медленнее. Я видел, как он крутит головой по сторонам, словно выискивая какой-то недостающий ориентир.

Теперь нам нужно было пробраться через беспорядочное нагромождение темных каменных блоков, густо поросших кустарником и низкорослыми деревьями. Однако же, стоило мне внимательно взглянуть из-под полуприкрытых век, я видел некие очертания – как если бы здания из дымки и тумана поднимались над своими развалинами и дороги открывались нам.

Урук притормозил. Взглянув на него, я увидел, что его лицо с мрачно поджатыми губами словно окаменело. Он обшаривал лежащие перед нами руины таким яростным и напористым взглядом, словно намеревался одной лишь силой воли вырвать у них какую-то тайну.

– Ха-Гарк...

На этот раз он не воспользовался соприкосновением разумов, а заговорил вслух, словно никак не мог поверить собственным глазам. Потом Урук взмахнул секирой, и в этом взмахе было столько ярости, что ближайший куст лишился верхушки. Быть может, Урук пытался этим бесполезным ударом перечеркнуть прошлое.

На несколько долгих мгновений Урук словно оцепенел, вдавив секирой срубленные пожухшие листья и ветки в землю. Потом он покачал головой и снова принялся напряженно осматриваться, а я почувствовал, что он ищет некий ориентир, и ориентир этот необходим для того, что он задумал. Но моя битва с тем, другим, внутри меня, началась снова, и я внезапно почувствовал, что силы иссякли, что меня не волнует, что может быть впереди.

Урук двинулся вперед, но нерешительно, без прежней уверенности и целеустремленности. Возможно, он никак не мог отыскать в этих развалинах некий необходимый ему ориентир. Мы принялись петлять среди каменных блоков и пробиваться сквозь заросли, но теперь я шел вторым.

Долина, в которой находился Ха-Гарк, была поначалу узкой. В прибывающем свете я заметил, что когда-то она была от края до края перекрыта какой-то стеной или укреплением.

Но камни, из которых некогда была сложена эта стена, были так разбросаны по сторонам, что казалось, будто сама земля стряхнула с себя это бремя, – так оно, наверное, и было.

Дальше долина расширялась, и постройки, стоявшие в стороне от стен, были повыше и не настолько разрушенные. Камни были изъедены непогодой. Однако же временами даже в полумраке лишь занявшегося рассвета я видел остатки резьбы. Иногда я на пару вдохов закрывал глаза, ибо тоже видел, как туман делается плотнее и выше и возрождает призрачные тени былого.

Спотыкаясь, мы шли по улице, все еще мощеной, но уже заплывшей землей, в которую пустила корни трава и отдельные мелкие кусты. Улица вела напрямик к центру уничтоженного города-крепости. Хоть мне никогда не рассказывали об этом, я знал, что до своей гибели Ха-Гарк действительно был и тем и другим. Как и Зеленая Долина, он в свое время был оазисом безопасности, защищающим от Тени.

Теперь Урук шагал, не глядя по сторонам, как будто наконец отыскал свой ориентир. Так мы наконец вышли на открытое пространство, обнесенное стенами из каменных блоков, ныне покосившихся и растрескавшихся. Внутри этого круга через равные промежутки стояли колонны, увенчанные изъеденными временем головами. Там были и люди, и некие существа, неведомые и грозные, но не более угрожающие, чем разумные существа, союзники народа Зеленой Долины.

Некоторые из этих колонн рухнули, и обломки рассыпались по брусчатке. Другие же накренились, но устояли. А две-три и поныне стояли ровно. В их кругу возвышалось еще одно здание, ныне изломанное и обрушившееся, но мне показалось, что некогда оно было высоким, как башня. И камни, из которых оно было построено, отличались от всех прочих, которые я видел в этих развалинах, – они были тускло-синими, в точности того цвета, какой отмечал разбросанные по Эскору островки безопасности и какой нас учили высматривать во время любой разведки и запоминать как возможное место для обороны.

И снова Урук остановился – на сей раз перед дверным проемом этой башни. Сама дверь давным-давно исчезла. Сквозь проем виднелся полутемный зал, беспорядочно заваленный камнями обрушившихся верхних этажей.

– Башня Йучара...

Урук снова заговорил вслух, и от его голоса, хоть он и говорил негромко, разнеслось странное эхо: «Йучар, Йучар». Моя другая память изо всех сил пыталась вырваться на волю. Йучар... я знал...

Мужчина. Высокий, как Урук. Однако я не видел его во плоти. Он скорее был... кем? Призраком, которого можно было вызвать, чтобы подбодрить людей? Ведь в последние дни Ха-Гарка они отчаянно нуждались в подобном символе, ибо чувствовали – война уже почти проиграна. Йучар Ха-Гаркский. Он некогда жил – и очень долго был мертв – мертв!

Я не верил ни в Йучара, ни в его башню. Урук, слегка опиравшийся на свою секиру, повернулся ко мне. Его глаза под кромкой шлема с гребнем-драконом горели мрачным гневом.

– Йучар.

Урук снова повторил это имя, и ему отозвалось эхо. Возможно, так он предупреждал меня о чем-то.

Потом он вскинул секиру, салютуя этому жалкому подобию башни. И я поймал себя на том, что тот, другой, заставил меня извлечь из ножен Ледяное Жало и отсалютовать дверному проему.

Урук двинулся вперед, я последовал за ним. Мы прошли сквозь широкий портал. И я увидел, что стены снаружи опалены, как будто башня Йучара когда-то была центром сильнейшего пожара. Но внутри...

Я остановился, едва перешагнув порог. Ледяное Жало в моих руках пылало, перекликаясь с огнем, пробегающим по секире Урука. Это место было сосредоточением энергии; здесь

текла некая Сила, от которой покалывало кожу, а разум содрогался и старался увернуться от соприкосновения с ней. Как бы Ха-Гарк ни пострадал от времени и постигшего его бедствия, здесь, в самом его сердце, сохранился Свет, неистовый и требовательный, несущий с собой страх – не порождение Тени, а скорее некое предощущение, мощно требующее мужества и силы духа и заставляющее обычного человека отшатнуться.

Но от этого требования невозможно было укрыться. Мои руки дрожали, и дрожь передавалась Ледяному Жалу. Но я не выронил меч – просто не мог. Урук же продолжал идти вперед и остановился в самом центре этого круглого зала, а потом обернулся и кивком подозвал меня.

Я был подавлен, но осознал, что не в состоянии сопротивляться тому, что столь долго пребывало здесь в ожидании. Три-четыре больших шага – и я присоединился к Уруку. Сюда не нанесло земли. Камень у нас под ногами был чист. Обломки, попадавшие сверху, валялись у стен. Казалось, властвовавшая здесь Сила была исполнена решимости сохранить сердце своих владений. Теперь я заметил, что каменный пол был исчерчен пересекающимися линиями; в них набилась пыль, и из-за нее было непросто что-либо разглядеть.

Урук взял секиру обеими руками, опустил на одно колено и предельно осторожно соскреб налет древней пыли, и стало ясно, что мы стоим внутри изображения звезды. Подчиняясь велению чужой воли, ставшей частью меня, я принялся по примеру Урука острием Ледяного Жала прочищать руны и символы, высеченные у каждого острия звезды; все они были разные. Два я узнал – их использовали в Долине для защиты. Остальные, возможно, я мог бы найти в памяти Толара, но упорно сопротивлялся этому.

Все это время вокруг нас витало, давя на разум и волю, ощущение ждущей Силы. Истоцилась ли она хоть сколько-то за века, прошедшие с момента гибели Ха-Гарка? Мне казалось, что нет. Скорее, она накапливала энергию, с нетерпением поджидая освобождения, которое мы ей несли, пусть я и делал это не по своей воле.

Закончив с расчисткой, Урук встал и снова махнул мне рукой:

– Зажги.

Я знал, что он имеет в виду, хотя логика Йонана отказывалась признавать это возможным, даже когда меч Толара уже пришел в движение, намереваясь выполнить свою задачу.

Я медленно двинулся по кругу, вытянув руку с Ледяным Жалом. Я коснулся этим льдом, который неведомым образом превратился в металл, острия каждого луча высеченной в камне звезды. При каждом касании вспыхивал огонь и, не подпитываемый никаким горючим веществом, сверхъестественным образом продолжал пылать на синем камне.

Потом Урук вскинул секиру, и его голос загудел, словно гонг в одном из тех святилищ, за которыми ухаживали колдуньи. Я не понимал ни одного произносимого им слова. Возможно, даже пришедший из глубокой древности Толар их не знал. У каждого адепта своя тайна, а я был уверен, что Толар не принадлежал к числу Великих Эскора.

Урук же, если и входил в их число – в чем я сомневался, – никак этого не выказывал. Но в том, что он может призвать сюда нечто, я не сомневался.

От огней, зажженных моим мечом, начал расходиться туман. Но синее пламя все еще поднималось колоннами к разрушенной крыше над нами. И туман сгустился.

Голос Урука становился то громче, то тише, и стена тумана делалась все плотнее. Я чувствовал, как за этой стеной собираются некие сущности, скрытые от наших глаз, и объединяются для какого-то действия, которого требовал от них Урук. Я держал Ледяное Жало обнаженным, наготове – пускай даже Толар внутри меня чувствовал себя в безопасности. Жаркое возбуждение текло по моим жилам, заставляя дыхание учащаться.

Поднявшийся туман заполнил весь зал, кроме звезды, в которой стояли мы. У меня закружилась голова. Мне пришлось напрячься, чтобы удержаться на ногах. Меня посетило странное ощущение – будто там, за этим туманом, весь мир вращается в безумном танце, который ни один человек не посмеет увидеть, а если и увидит, так не поверит.

Скандирование Урука снова сделалось тише. Он поставил секиру на пол и оперся о рукоять, словно нуждался в поддержке. Все его тело говорило о таком напряжении, таком упадке сил, что я, не задумываясь, шагнул к нему и обхватил его за плечи. И судя по тому, как Урук встретил мою помощь, он очень в ней нуждался.

Его голос, выговаривающий слова, сделался хриплым и напряженным и в конце концов затих. Я увидел, что его веки опустились. Пот ручейками тек по его лицу и капал с подбородка. Урука трясло, и я, чувствуя, что так надо, поднапрягся, чтобы удержать его на ногах.

Пламя, горящее на остриях лучей, сделалось ниже, стягивая в себя туман и поглощая его. В дымке появились прорехи, дыры, сквозь которые можно было выглянуть наружу. Но я больше не видел ни упавших каменных блоков, ни вообще того зала, в который мы вошли. Теперь пол был чистым, а за нашими огнями горел другой свет, исходящий из ламп в нишах. Между нишами с лампами висели гобелены; их цвета, может, и поблекли, но все еще были различимы – голубой, зеленый, металлический золотисто-желтый, поблескивающий, как будто нити вправду были спрядены из драгоценного металла.

Потом огни на лучах звезды погасли, все одновременно, как если бы их задул великан. Мы остались стоять в свете ламп, а за открытой дверью ярко сияло солнце. Неподалеку от двери стоял стол, а на нем кувшин и кубки.

Поддерживая до крайности изнуренного Урука, я повел его к столу. Там я положил Ледяное Жало на столешницу, наполнил один из кубков светлой жидкостью из кувшина и поднес к губам моего спутника. Глаза Урука были закрыты, лицо осунулось. Но он проглотил содержимое кубка так жадно, словно от этого зависела его жизнь.

А пока он пил, я услышал какие-то звуки – голоса и шум города. Я взглянул поверх плеча Урука. Изменился не только зал, но и сам Ха-Гарк. Я осознал, что произошло, и у меня задрожали руки. Мы... мы вернулись обратно!

Нет!

Память Толара боролась теперь не с Йонаном, а с ним самим. Я не мог, просто не мог проживать это заново! Боль из моего первого сна пронзила меня, когда я вспомнил – слишком явственно! – что было в прошлом. И теперь оно вернулось и снова встало передо мною. Нет!!!

4

В тот день солнца не было. Хмурые облака затянули часть неба, а от земли поднимался туман, словно дым от бесчисленных костров. Туман этот был плотным и недобрым, сквозь него не мог проникнуть взгляд и разум не мог послать ни одной мысли. И потому мы поняли, что он порожден чародейством, и тот, кто его создал, – враг нам.

Я стоял вместе с Уруком и другими людьми в кольчугах и шлемах, увенчанных изображениями различных легендарных существ. Тот, что некогда был мною, почти каждого из присутствующих мог бы назвать по имени, но мы не разговаривали друг с другом. Наше молчание было таким же плотным, как туман над равниной.

Урук переступил с ноги на ногу. Я мог догадаться, о чем он сейчас думает, по воспоминаниям, вернувшимся ко мне в полном объеме, – воспоминаниям Толара. Но оставалась еще и память, уходящая в будущее. Это была Проигранная Битва. Хоть я и не видел их, я мог мысленно перечислить имена – и виды – тех, кто собрался под покровом тумана.

Какая бы задача ни была возложена на нас с Уруком, я был уверен, что ни один человек и ни один адепт прежде не делал ничего подобного. Могли ли мы, зная то, что знаем теперь, изменить прошлое? Или мы окажемся его рабами и снова вынуждены будем встретиться с роком, обрушившимся на жителей Ха-Гарка в далеком прошлом?

Как я ни копался в своих слабых познаниях легенд, мне не удавалось вспомнить никаких историй о путешествии во времени или о возможности изменить прошлое. А если нам все же

повезет, что случится в итоге? Не получится ли так, что Ха-Гарк все же падет под ударами другой Силы, идущей из Тьмы, только позднее?

Время... что такое время? Измерение, которое мы навязали миру. Сперва мы вели отсчет по смене дня и ночи, потом, возможно, по строительству городов, по правлениям прославленных лордов. Теперь же, когда мы стояли в строю и смотрели на наползающий туман, время остановилось.

– Приготовься.

Я расслышал шепот Урука лишь потому, что мы стояли плечом к плечу. *Это* приближалось – по коже поползли мурашки, тело напряглось; первый наш шанс сразиться с памятью шел к нам. Я сглотнул. И еще раз сглотнул.

Если мы – не игрушки времени, то...

Туман внезапно взвихрился. Сквозь него шла темная фигура. Человекоподобная. Но не человеческая.

– Прислужник Тарги... – Секира Урука поднималась медленно, очень медленно.

Я вспомнил, что должно было произойти сейчас. В прошлом Урук вышел против этого существа, убил его – а потом его самого забрал туман. Я смотрел, ожидая, какой шаблон завладеет им. Урук покачнулся, словно какая-то сила тянула его.

– Нет! – Его голос был громким, словно боевой клич. – Во второй раз я в эту игру играть не стану!

Я услышал, как стоящие вокруг нас люди зашевелились и принялись переговариваться, и понял, что их изумленные взгляды обращены на Урука. Для них никакой петли времени не существовало. Для них все происходило здесь и сейчас, а не в далеком прошлом.

Теперь мы отчетливо видели это существо, слугу Тарги. Оно было крепко сбитым, без доспехов, покрытое лишь густыми и жесткими спутанными волосами. Голова одновременно напоминала и кошку, и обезьяну. Существо зарычало и оскалилось, обнажив клыки. Огромные лапы были когтистыми, и в одной из них оно держало короткое копье с длинным, зазубренным металлическим наконечником.

Наши люди не отрывали глаз от Урука. Все мы ощутили вызов. И исходил он не от этой твари. Она была всего лишь сосудом гнева Тарги. Ноги существа были согнуты, словно под тяжестью бочкообразного тела, и оно слегка покачивалось из стороны в сторону при движении.

Нет, вызов вонзился в наши умы жгучей яростью, жадной битвы и ненавистью, от которой краснело в глазах. Я увидел, как люди рванулись вперед, наш строй на возвышенности готов был вот-вот рассыпаться. Вызывающее поведение врага воздействовало на воинов, и они переставали себя контролировать. Так все и произошло в прошлый раз.

Но Урук не шелохнулся. Он, должно быть, использовал всю свою Силу – и все же сделал пару судорожных шагов. Этот вызов был нацелен на него. Когда-то он на него ответил, не осознавая, что это значит.

– Нет! – снова вырвалось у него сквозь сжатые зубы.

Его глаза пылали разгорающимся гневом, который он, возможно, не сможет долго контролировать, даже зная, какую судьбу это сулит ему самому. Если Урук выйдет на бой с этим существом, тварь умрет – но мы потеряем наше небольшое преимущество, купленное памятью. Это первое испытание, возложенное на нас двоих.

А если Урук не выйдет? Два человека уже бежали вниз по склону, стремясь ответить на этот сокрушительный вызов. Те же, кто стоял вокруг нас, переговаривались и смотрели на Урука так, словно не верили собственным глазам. Они могли все сорваться и помчаться навстречу этому туману. Только Урук мог удержать их от подобной глупости. Но...

Я побежал. Не думая ни о чем, я направился к твари – она прижала уши, словно рассерженная кошка. Ледяное Жало в моей руке взметнулось, и я снова услышал рычание, его боевой клич. Когда я приблизился к прислужнику Тарги, меня придавило страхом. Лохматая тварь

изрядно превосходила меня ростом. Оружие, которым она размахивала, могло разнести меч вдребезги при столкновении клинок в клинок – в этом я был уверен.

Сквозь завесу тумана прорывались все новые темные фигуры. Я услышал, как закричал какой-то человек, но не мог смотреть ни на что, кроме чудовища рядом со мной. Толар никогда этого не делал. Столь малым усилием я уже изменил течение прошлого.

Я действовал не задумываясь. Мною словно повелевало что-то извне. Тварь шагала вперевалку, на вид неуклюже, но намного быстрее, чем я думал. Я упал на одно колено. Ледяное Жало выскользнуло из моей руки, когда вся ненависть, двигавшая врагом, переключилась наконец с Урука на меня и нанесла удар незримым оружием хуже любой ковanej стали.

Закричал ли я от ужаса, когда на меня обрушился мысленный удар? Это единственное, чего я не могу вспомнить. Но я пустил в ход меч, хоть и не так, как полагалось бы в славном, благородном открытом бою. Я метнул его, как метают нож.

Меч не был сбалансирован для такого, но мощный бросок все же достиг своей цели. Я увидел, как острие пылающего клинка вонзилось в кольшущийся живот твари; возможно, рана была недостаточно глубока, но все же меч рассек кожу и плоть.

Косматое чудовище замерло и уставилось вниз, на торчащий из его тела меч. Оно ухватило за клинок левой рукой. А потом запрокинуло голову и взвыло, глаза-угли вспыхнули зловещим огнем. Я почувствовал его боль и воспрянул духом. Прикосновение меча было нестерпимо для твари. Сила, сотворившая Ледяное Жало, была целиком и полностью враждебна любому порождению Тени.

Потом чудовище взмахнуло своим оружием, метя пока что не по мне, а по мечу. Одна из зубрин подцепила рукоять, и тварь вырвала меч из тела. Ледяное Жало отлетело в сторону, влево от меня.

Я ринулся за ним и проехался всем телом по земле; жесткая трава, лоснящаяся от струек тумана, очень в этом помогла. Но едва лишь я достиг меча и протянул руку к рукояти, как на мое запястье опустилась огромная когтистая нога. Тяжесть нависшей надо мной твари и исходящее от нее зловоние едва не повергли меня в панику. Что ж, видимо, мне так или иначе, но суждено умереть в Проигранной Битве. Хоть мы и вернулись обратно, но ее исхода нам не изменить.

С трудом повернув голову, я попытался заставить себя взглянуть в глаза собственной смерти от руки прислужника Тарги. Вокруг кричали, но я не заметил, чтобы кто-то вмешался в нашу схватку. Мой мир сузился до нависшей надо мной массивной туши. Из раны в животе твари капала кровь. Существо отшвырнуло свое оружие. Одной рукой оно зажало рану, а вторая потянулась ко мне, чтобы всадить когти в мои доспехи и тело и разорвать меня. Я отчаянно пытался высвободить запястье. Но потом остаток здравого смысла принял командование на себя. Я перестал сопротивляться и обмяк, притворившись легкой добычей для этого ходячего кошмара.

Я смог дотянуться до Ледяного Жала левой рукой. У меня было время лишь для одного единственного движения. Я ухватился за клинок и порезался, но выбирать не приходилось. Я направил меч вверх, навстречу опускающейся лапе.

Должно быть, сила удара твари помогла моей отчаянной попытке защититься. Острие меча пронзило лапу, как перед этим рассекло живот.

Тварь пронзительно вскрикнула и отдернула лапу, меч подался следом и рассек мне ладонь. Я не сумел удержать его. Мне оставалось лишь беспомощно смотреть, как тварь, встряхнув лапой, снова избавилась от Ледяного Жала, отшвырнув меч куда-то за пределы моей видимости.

Теперь чудовище подняло другую ногу – ту, на которой балансировало, когда вдавливало мое запястье в землю, так, что у меня от боли закружилась голова. Я знал, что оно собира-

ется сделать. Стоит ему с силой опустить занесенную ногу, и я буду раздавлен, как мошка под сапогом.

Мне нечем было обороняться. Я даже видел плохо, потому что боль от раздавленной руки заволокла все вокруг красной дымкой, не давая рассмотреть приближающуюся смерть. Однако сокрушающего удара так и не последовало. Вместо этого тварь качнулась и отлетела от меня. И рухнула с хриплым воплем. Из огромной раны в ее горле хлестала кровь. Уродливая голова была почти отделена от тела.

– Нет!

Несмотря на боль в руке и текущую кровь, я изо всех сил сопротивлялся беспамятству. Удар этой секиры нельзя было перепутать ни с чем. Чтобы спасти мне жизнь – а может, потому, что древнее принуждение оказалось слишком сильным для него, – Урук поступил, как и в прошлом. Он убил прислужника Тарги.

Я увидел, как он стоит в низкой стойке с секирой на изготовку. Мне как-то удалось приподняться на локте раненой руки, хотя при каждом движении меня пронзала боль. Где Ледяное Жало?

Потом я увидел кое-что еще – некий вихрь в тумане. Голос вернулся ко мне – достаточно, чтобы я сумел крикнуть:

– Сзади!

Урук стремительно развернулся с ловкостью, приобретенной за долгие часы тренировок, заноса в развороте секиру. Нечто темное, похожее на веревку, врезалось в острие секиры и, рассеченное, бессильно упало на землю. Но это была лишь первая подобная атака. Урук уворачивался и бил, уворачивался и бил – раз за разом. А потом, уклоняясь от очередной здоровенной летающей веревки, он споткнулся о труп прислужника Тарги. Прежде чем он успел восстановить равновесие, одна из веревок захлестнулась на его руках и стянула запястья; Урук пытался дотянуться до них лезвием секиры, но тщетно.

Я знал эти живые веревки. Снова они! Я уже поднялся на колени, прижимая сломанное запястье к телу. Вторая рука была липкой от моей же крови, и даже шевелить пальцами было мучением. Но...

Я заметил кое-что рядом с тем местом, где боролся, пытаюсь освободиться, Урук. Там торчало воткнувшееся в землю Ледяное Жало. Его рукоять стала для меня путеводной звездой. Еле держась на ногах, я обошел еще подергивающиеся обрубки веревок и добрался до меча. Но я не мог взять его ни левой, ни правой рукой. Тогда я, пошатываясь, снова опустился на колени и придвинулся к сияющему клинку. Раскрыл рот. Наклонил голову набок и ухватил рукоять зубами.

Чтобы выдернуть меч из земли, пришлось постараться. Но я справился. Где Урук? Я обернулся. Урук уже был полностью связан; даже обрубки корней-веревок ползли, чтобы обмотаться вокруг него, как бы он ни сопротивлялся.

Мне не хватало сил снова подняться на ноги. Но я стоял на коленях. И преодолел разделявшее нас расстояние ползком.

«Твои руки», – послал я ему мысль.

Урук отыскал меня взглядом, и его глаза расширились. Он лежал неподвижно, пока я подбирался к нему. Туман не расступился, но мы слышали крики и лязг оружия. Вопреки всем нашим планам и надеждам, людей Ха-Гарка все-таки втянули в бой на условиях Тарги. Если бы Урук освободился, ситуация могла бы измениться. Его приказов послушались бы.

Я добрался до Урука. Рукоять Ледяного Жала, которую я так и сжимал в зубах, дрожала. Мною завладела крохотная надежда. Создание Тарги не способно было прикоснуться к этому мечу. Может, он точно так же подействует и на живые веревки?

Наклонив голову, я прижал острие клинка к путам на руках Урука. У меня не было сил, клинок не мог вонзиться в веревки, моя игра проиграна...

Но...

Корень, к которому прикоснулся меч, принялся извиваться в попытке увернуться от этого прикосновения, каким бы слабым оно ни было. Я мрачно старался изо всех оставшихся сил надавить посильнее. Внезапно острое погрузилось в веревку, как будто металл перепилил твердую оболочку и добрался до сердцевины, что была не прочнее грязи.

Корень освободил запястья Урука и, словно живой – а я был почти уверен, что так оно и есть, – метнулся ко мне и обвился вокруг моих плеч. Я не мог больше удерживать Ледяное Жало. Меч выпал у меня из зубов. При падении он звякнул о секиру Урука. И секира вспыхнула, как прежде вспыхивал меч.

Я рухнул на землю, а корни принялись корчиться и отползать от этого яростного света, зато они потянулись ко мне, цепляя и сжимая меня с какой-то мстительной яростью. Но я видел, что Урук снова взмахнул секирой, срубая то, что еще оставалось от его пут.

В тот самый миг, когда он вскочил и наполовину уже повернулся ко мне, из тумана возник очередной силуэт, а с ним – существа поменьше, знакомые мне издавна. Фасы! А вот тот, вокруг кого они собрались...

Я услышал крик Урука:
– Тарги!

5

Как и его мертвый слуга, Темный лорд возвышался над уступающими ему в росте фасадами. Он выглядел так, словно выбрался из гробницы; на тусклых темных доспехах сконденсировался туман. Но голова его была непокрыта, и при нем не было никакого оружия, кроме тонкого черного жезла с навершием из выбеленного черепа какого-то некрупного животного. Кожа Тарги выглядела мертвенно-белой, особенно в сочетании с темными доспехами. А его волосы, росшие щеткой, словно грива рентана, были ослепительно рыжими. Из-за этих торчащих дыбом волос казалось, будто над его вытянутым черепом поднимаются языки огня.

И лицо его было не вполне человеческим. Оно не выражало ничего – лишь глаза казались живыми. И в них бурлила такая ярость, какую просто не мог выказать ни один человек. Урук стоял на ногах, и секира его пылала, как некогда Ледяное Жало. А сам меч лежал на земле. Я увидел, как какой-то фас метнулся подобрать его и тут же отскочил с горганным криком. Я едва держался, стараясь не потерять сознание.

– Ну, здравствуй. – Урук не стал повышать голос до крика, но он все равно разнесся над шумом покрытой туманом долины. – Нам давно пора было встретиться, Тарги.

Чародей не ответил, и на его мертвенно-бледном лице не промелькнуло ничего живого. Но он приостановился, и я увидел, как он перевел взгляд с Урука на его секиру.

«Ты покойник». Эти слова вспыхнули в моем сознании, холодно, бесстрастно, с такой огромной уверенностью, что зародившаяся во мне надежда поразила меня. Ибо этим мы изменили прошлое. Урук не был пленником во власти фасов.

Тут я увидел, что Урук смеется, хоть и не услышал самого смеха. Эти двое позабыли про меня. Продолжая баюкать сломанное запястье, я кое-как поднялся на ноги. И тут что-то хлестнуло меня по корпусу – одна из корней-веревки обвилась вокруг меня. Потом меня окружили фасы, но не потащили прочь с поля боя, а остались стоять рядом, глядя на своего хозяина и на Урука.

Один из фасов вдруг захрипел и рухнул. Между лопатками у него торчал дротик. Остальные бросились врассыпную или кинулись наземь, спасаясь от выстрелов. Я увидел, как из тумана выбежал серый. Он на миг застыл, глядя на происходящее; язык то высывался из клыкастой пасти, то прятался обратно. Потом серый двинулся прочь. Похоже, Тарги оказался предоставлен сам себе.

Черный жезл выписал в воздухе узор между Темным лордом и Уруком. Но Урук вскинул секиру и ударил наискось. Он метил не в противника и даже не в его жезл, а рассек воздух в том месте, где засветились красноватые символы. И после удара секиры эти символы расплылись струйками кровавого тумана.

Я мог бы выкрикнуть то, что заполнило мое сознание – в нем грохотали отдельные слоги. Казалось, будто мои мысли рассыпались вдребезги, разбитые и изломанные, прежде чем я мог их сформулировать. Тарги... кто из людей сможет противостоять властным заклинаниям Тарги?

Был один... Толар принадлежал этому времени, его сформировало знание о таких, как Тарги. Толара – но не Йонана. И...

Я Йонан!

Я погрузился в себя, сражаясь с болью и собственным рассудком, разыскивая того, кто не знал ни Тарги, ни Ха-Гарка, ни этого мира. Йонан. У него не было никаких Талантов. Мог ли я в этот миг спрятаться за этим его изъясном, которого стыдился всю свою жизнь?

Моя голова превратилась в поле битвы. Возможно, воля чародея была прицельно направлена на Урука, но часть импульса обрушилась и на мой разум, не давая мыслить ясно. Я сосредоточился сперва на боли, боли руки, запястья, погрузился в нее, сдался ей. И за этими объятиями боли я принялся искать Йонана.

Он стоял на самом пороге смерти, за которым личность уже исчезает. Но я был Йонаном! А над Йонаном давно умершие люди не имели никакой власти, какими бы мощными ни были их Таланты. Я Йонан!

Я пестовал свою боль, используя ее в качестве барьера, а сам тем временем раздувал жизнь в этой крохотной искре из далекого будущего.

– Йонан! – позвал я свое второе «я».

Тарги поднял жезл и направил его на Урука. Несмотря на все мои усилия, каждым нервом своего израненного тела и разумом, который я так старался закрыть от его чародейства, я чувствовал, как Тарги тянет к себе Силу. Она была почти что видимой, эта Сила.

Однако Урук продолжал работать секирой, не прикасаясь ни к чему осязаемому. Возможно, эти непрерывные взмахи позволили ему возвести некий барьер против атак врага. Он медленно двинулся вперед.

Скрюченные руки фасов вцепились в меня и поволокли в сторону, подальше от этих двух поединщиков. Бушующие здесь Силы могли стать смертельными для меньших существ. Я был Йонаном – на миг я отвлекся от моей собственной задачи. Нет, я не осмеливался снова ослабить свою непрочную защиту. Волны этой Силы хлестали по мне, неся с собой черное отчаяние, столь могучее, что, будь я свободен и с Ледяным Жалом в руках, я бы обратил свой меч против себя. Кто может противостоять мыслям, насланным Тарги, повелителем Силы? Кто осмелился враждовать с ним?

Само его тело в тускло-черных доспехах словно раздалось и увеличилось. Глаза Тарги превратились в два пылающих солнца под пасмурным небом. А этот стоящий перед ним человек – да кто он такой, чтобы бросать вызов силе Тарги?! Этот гневный вопрос вспыхнул огнем в моем сознании.

– Кто я такой, Тарги? Я – тот, кого ты сам из меня сделал, – произнес вслух Урук, словно и не соприкасался разумом с чародеем. Инстинкт подсказал мне, что тут кроется какая-то опасность. – На каждое Зло, Тарги, есть свой ответ. Похоже, поэтому мы так связаны. – И он снова взмахнул секирой.

Теперь Темный перестал рисовать в воздухе кровавые руны. Он переложил жезл в левую руку, и я увидел – клянусь, я вправду это увидел! – если, конечно, какое-то чародейство не задело меня и не завладело моим сознанием, – как венчавший жезл череп разинул лишённые плоти челюсти и издал пронзительный вопль.

В этот миг боль, которую я использовал для защиты, сделалась моим проклятием. Она превратилась в агонию и запульсировала в ответ на вопль черепа. И я увидел, что фасы распротерлись на земле; их заскорузлые руки, так похожие на искривленные ветки, были крепко прижаты к ушам.

Замедлился ли взмах секиры Урука? Я не мог этого понять. Теперь Тарги держал свой жезл, как человек мог бы держать легкое метательное копьё. Даже та часть меня, что была Толаром, не знала, что произойдет, если оружие Тени дотянется до Урука. Но что оно может оказаться мощнее любой стали – это я мог предположить.

Ледяное Жало... Я посмотрел на меч – серость этого дня и тумана отступала от его блистающего клинка. Но он был так далек от меня сейчас, будто действительно пребывал в другой эпохе.

Ледяное Жало повинуетя лишь одному хозяину – не так ли однажды сказал Урук? И насколько же хорошо меч повинуетя? Посмею ли я... посмею ли я позволить Йонану отступить, отказаться от достигнутого частичного контроля? Я был уверен, что теперь внимание Тарги сосредоточено на Уруке. Мне приходилось опасаться лишь того, что меня зацепит Силой, направленной против воина с секирой. Толар – и Ледяное Жало. Странно, что я прежде не пытался выяснить, что чужаку внутри меня известно об этом могущественном оружии. Я не знал...

Нет, не так! Толар перехватил власть над моей памятью. Ледяное Жало – одно из Четырех – становилось частью того, кто завладевал им, но лишь в том случае, если оно откликалось этому человеку. О некоторых свойствах этого меча даже Толар лишь смутно слышал.

Воспользовавшись редкостным шансом, я принялся бороться со стеной боли, которую сам же так старательно возвел для собственной защиты. Я снова распахнул дверь Толару.

Хотя вокруг меня толпились фасы и я явно был их пленником, разум мой был свободен от пут. Я всецело сосредоточился на мече.

Ледяное Жало! Из силы моего желания и нужды я свил шнур, прочный и гибкий, как корни-веревки. В этот миг я даже не осознавал, что делаемое мною – далеко за пределами познаний не то что Йонана, но даже и Толара. В мире, где я сейчас пребывал, существовало лишь две вещи: Ледяное Жало и моя воля.

Я много слышал о послушаниях, которые должны были налагать на себя использующие Силу, о многолетних трудах, необходимых для того, чтобы обрести власть над иллюзией и чародейством. Но после этого они могли, направляя энергию в нужное русло, заставлять повиноваться себе саму землю, даже если при этом они могли умереть, сгорев.

Ледяное Жало...

Действительно ли меч засветился сильнее, вспыхнул, словно полоска огня в траве, прямой во время нашей схватки? Я заблокировал все догадки, вообще всё, кроме своего усилия воли, – как будто закрыл все двери в коридоре, чтобы разум сосредоточился лишь на том, что находится на противоположном конце.

Ледяное Жало...

Мне показалось, будто меч принялся расти, превращаясь из людского оружия в меч впору великану. И он начал двигаться...

Едва осязаемая нотка триумфа на мгновение нарушила мою концентрацию, мне пришлось отгородиться от нее. Все, что находилось у меня внутри, что я называл волей, желанием, решимостью – все следовало сосредоточить на том, что я должен был сделать.

Ледяное Жало! Я вложил в этот безмолвный зов все силы, какие только мог собрать, и послал беззвучный приказ, не уступавший могуществом любому Таланту, каким мог обладать Толар.

Меч скользнул вперед, как будто моя мысль и вправду была шнуром или одним из корней-веревков, обвившимся вокруг его рукояти.

Он очутился между Уруком и Тарги. Темный все еще поигрывал жезлом, как копьем, но пока не швырнул его. А нужно ли ему было бросить свое оружие или он просто целился, чтобы выпустить заряд энергии? Уруку пришлось сделать шаг назад, потом второй.

Ледяное Жало!

Я вложил в свой беззвучный приказ последние капли сил, к которым смог воззвать; я даже не знал, что обладаю подобным Талантом, пока не вложил его в это последнее испытание.

Меч дернулся. Его острие приподнялось, хотя сверкающий кристалл рукояти все еще покоился на земле. Она тоже приподнялась – и упала снова; силы слишком быстро покидали меня. Но упал меч на Тарги и вонзился ему в ступню.

Ударил не видимый никому разряд Силы – и вонзился в мой мозг, моими же стараниями раскрытый нараспашку. У меня был лишь миг на то, чтобы подумать – это смерть, а потом все исчезло.

Но если смерть – это ничто, то она меня не забрала. Первой меня отыскала боль, и я не смог отстраниться от нее, меня захлестнула мука. Потом я ощутил, как что-то коснулось моего лба над глазами. Поначалу прикосновение, каким бы оно ни было легким – но при этом и достаточно настойчивым, – добавило мне боли; боль пульсировала, превращая меня в корчащееся животное, которому некуда спрятаться.

А потом от этого прикосновения стала растекаться прохлада, ослабляя пламя терзающих меня мучений. Мало-помалу боль утихла, но оставила меня полным тревоги – я словно боялся, что терзания возобновятся. Но эта прохлада была подобна дождю для иссохшей земли, она впитывалась и придавала мне сил.

Я открыл глаза.

Небо так и оставалось тускло-серым. Но надо мной склонилось чье-то лицо, и мой омраченный, истерзанный разум не мог его вспомнить.

– Урук?

Должно быть, я проговорил это имя непослушными губами, и он понял меня, и видневшийся из-под шлема нахмуренный лоб слегка разгладился.

Память понемногу возвращалась. Я выговорил второе имя:

– Тарги? – И увидел, как Урук нахмурился снова.

– Нас одурачили. Он жив, – произнес Урук вслух, словно соприкосновения разумов использовать не следовало. Я подумал, что понимаю причину – мой мозг был словно весь избит и сотрясен. Возможно, он был изранен не меньше тела и мысленный разговор мог бы свести меня с ума.

– Где?..

– Он в конце концов сотворил иллюзию и сбежал в нее. Но пока Тарги на свободе, безопасности не существует.

– Проигранная Битва?.. – Память снова зашевелилась, и отчего-то стало больно; я скривился.

– Это мы изменили. Когда Тарги бежал, его последователи тоже обратились в бегство.

– Но раньше он умер. – Мои воспоминания путались. А если я пытался мыслить ясно, отделяя одни от других, голова начинала кружиться и мне делалось дурно.

– Не в этот раз. Мы сильно изменили время, товарищ. Но к лучшему ли? – Урук пожал плечами. – Как знать? Все, что мне известно, – с Тарги должны разобраться мы.

– Почему?.. – Я обнаружил, что мне слишком трудно произнести свой вопрос вслух. Но Урук, должно быть, прочел его в том хаосе, где одна память смешивалась с другой.

– Почему он сбежал? Это все ты, Толар. Твой меч в ноге помешал ему произнести заклинание. Он сбился, и Сила обрушилась на него самого, как всегда и бывает при незавершенном чародействе. Он избежал смерти, которую хотел обрушить на нас. Но он достаточно умелый

колдун, чтобы выиграть время и закончить свое заклинание. Нам остается теперь лишь идти по его следу, как гончим.

Я закрыл глаза. Сейчас я не мог управлять ни телом, ни измученным мозгом. Я желал лишь одного – снова погрузиться в темноту, и чье-то милосердие даровало мне ее.

6

На мое сломанное запястье был наложен лубок, а вторая рука была обмазана целебной грязью, которой лечились и люди, и животные. Ледяное Жало в ножнах висело у меня на боку. Но мы все еще находились в прошлом – за спиной у нас лежала долина Ха-Гарк, а впереди раскинулась сельская местность.

Хотя тучи ушли и в небе сияло солнце, все равно казалось, будто некая Тень висит над нами, не позволяя солнцу согреть и подбодрить нас.

У Толара больше не было воспоминаний, которые могли бы сейчас помочь мне. Мы изменили ход событий. Я не брел, еле держась на ногах и ощущая дыхание смерти, через созданный Тарги туман, чтобы уничтожить свой меч и умереть без сил и надежды среди камней. Но и в Йонане было слишком мало того, к чему я мог бы обратиться. Хотя я и пытался со всей решимостью изучать военное дело, здесь и сейчас я был все равно что зеленый юнец, еще не побывавший даже в первой битве.

Чуть в стороне от меня стоял Урук, опираясь на свою секиру. И хотя сейчас был белый день, мне казалось, что мой товарищ не видит лежащей перед нами местности; скорее, мысли его были заняты совсем другим.

Часть воинов Ха-Гарка вызвалась поддержать нас, но Урук отказался наотрез. Похоже, охотиться на Тарги нам предстояло вдвоем.

– Он пойдет к фасам, – впервые подал голос Урук, хотя, казалось, по-прежнему не видел ничего вокруг. – Он будет искать свое сердце...

– Свое сердце? – переспросил я.

Кажется, в те мгновения величайших усилий, когда я управлял Ледяным Жалом, я сжег большую часть воспоминаний Толара, в точности как колдуньи Эсткарпа сожгли свои способности, когда заставили южные горы обрушиться на захватчиков-карстенцев.

Урук моргнул, и его лицо перестало походить на маску задумчивости.

– Сердце – это часть его самого, вложенная в талисман, средоточие его Силы. Он не стал бы рисковать им в битве даже против нас, хоть и считал нас ничтожествами по сравнению с собой. Но если Тарги хочет восстановить свою Силу, ему придется воспользоваться этим талисманом, чтобы восполнить потраченное.

– Так что, нам надо к фасам? Под землю?

Урук снова моргнул.

– А куда же еще? Но если мы сделаем это, то угодим прямоком в ловушку. Он будет ждать нас, подготовит засады и расставит свои силы так, чтобы одолеть нас. Он уже соорудил лабиринт, сквозь который не может проникнуть никакая путеводная мысль. И он будет стремиться захватить нас во плоти или хотя бы ту нашу часть, которую он больше всего стремится контролировать, – наши умы. Это спор высших Сил, дружище. Результат с легкостью может оказаться и в нашу пользу, и наоборот, – возможно, второе даже более вероятно.

– Раньше, когда его тело умерло, – размышлял Урук, – его беспомощная внутренняя сущность оказалась заперта там, где он ее спрятал. Я помню. – Секира в его руках немного передвинулась. – Как ты думаешь, почему он оставил меня живым в той колонне? Ему требовалось тело, но фасы каким-то образом подвели его с этой затеей. Возможно, именно поэтому они похитили твою деву из Долины – потому что почувствовали в ней намек на Дар, который мог помочь совершить то, что было не под силу им самим.

Я живо вспомнил ту сцену, которую мы с Тсали увидели в пещере, когда Крита, пребывавшая во власти какого-то заклинания, стояла перед колонной, что служила тюрьмой Уруку. Не было ли это частью попытки переноса, о которой так откровенно говорил сейчас Урук?

Теперь я тоже подумал о корнях, повиновавшихся обитателям подземелий, о темноте в их норах, о том, что у нас не было проводника. На другой чаше весов лежала – и перетягивала – моя уверенность в том, что Урук совершенно прав: мы обязаны уничтожить Тарги – в этом времени или в ином. И похоже, сама судьба решила, что это должно произойти в прошлом.

Мое забинтованное запястье... Я мог уже держать Ледяное Жало в исцеленной левой руке, но ею я владел гораздо хуже, чем правой. И в случае любого внезапного нападения я, несомненно, окажусь помехой. Однако этот меч, как я уже убедился, был действенным оружием против фасов.

– Когда мы выступаем? И куда?

Собственный голос показался мне усталым. Это явно спрашивал Йонан, который слишком мало знал и которому очень не хватало уверенности в своих силах.

– Немедленно, – ответил Урук. – Ледяное Жало может учуять вход в любую пещеру фасов. Я помню, что они сейчас вгрызаются в эти горы, возможно, стараются ослабить саму земную твердь под ними, чтобы исполнить приказ и покончить с Ха-Гарком.

Это было похоже на правду. Я мимолетно подумал о старой легенде, в которой кто-то – или что-то – громко протрубил и стены Ха-Гарка рухнули. Если под этими стенами действительно находилось переплетение туннелей, такое вполне могло произойти.

Так что мы отправились в путь с того места, которое было скрыто туманом во время битвы в Долине. Тела наших погибших уже были собраны, возложены на почетный костер и стали чистым пеплом.

С Темными поступили так же, но им не оказывали никаких почестей, ибо все знали, что некоторые Темные лорды способны поднимать мертвых, но никакой дух не возвращался, чтобы отразиться в пустых глазах. Скорее, восставшие мертвецы были неуклюжими инструментами, которые трудно было использовать, потому что за исполнением любой порученной им задачи надо было непрерывно присматривать.

Серые, монстры – причем среди них были люди, столь похожие на тех, кого я знал всю свою жизнь, что я просто не догадался бы, что они продались Великой Тьме.

Хотя трупы уже убрали, поле боя все еще было усеяно оружием, которое следовало собрать, и группа жителей Ха-Гарка как раз занималась этим. Они посматривали на нас, но никто не спрашивал ни куда мы идем, ни что собрались делать.

Почва была испещрена множеством следов; часть из них была оставлена копытами, другая – когистыми, получеловеческими ногами серых. Еще там были канавы, покрытые внутри слизью и мерзко воняющие, как будто те, кто оставил эти следы на некогда чистой земле, ползали на животе на манер гигантских слизняков.

Урук совсем недолго шел по отчетливым следам тех, кто бежал с поля битвы. Я был уверен, что он направляется к цепочке холмов, маленьких по сравнению с горами, что окружали оставшуюся у нас за спиной Долину, но достаточно высоких, чтобы служить ориентиром.

И на одном из холмов, как я заметил в свете неяркого и капризного солнца, стояли три высоких камня; они напоминали кряжистые стволы деревьев, чьи ветви давным-давно были сорваны бурей. Это не был тот глянцеви́тый голубой камень, что отмечал «безопасные» островки. Скорее уж, этот камень, пористый и ржаво-красный, был странен для глаз.

Я поймал себя на том, что мне эти камни не нравятся, и чем ближе мы к ним подходили, тем сильнее делалось мое отвращение и беспокойство. Мне приходилось то и дело сглатывать, как человеку, борющемуся с приступом тошноты. Ледяное Жало – я достал его из ножен и неуклюже держал в левой руке – продолжало светиться, и свет его был отчетливо виден даже в лучах солнца. Теперь же я чувствовал идущее от его рукояти предупреждение.

– Куда?.. – осмелился я нарушить царящее молчание.

Но Урук не ответил и даже не взглянул в мою сторону. Он двигался размашистым, но нарочито неспешным шагом. Однако же на холм к этим зловещим колоннам он поднялся безо всяких колебаний.

Ледяное Жало в моей руке повело. Пока я поднимался вверх по склону, пытаюсь не отстать от воина с секирой, острый меч опустилось. Я видел, как Мудрые женщины ищут воду или находящиеся под землей металлы, как прутья вращаются в их руках сами собою и указывают на нужное место.

Казалось, что этот вневременной меч стал действовать подобным образом. Моих сил просто не хватило бы на то, чтобы заставить его подняться и не смотреть на землю у подножия красных колонн. Урук снова оказался прав. Меч Проигранных Битв стал нашим проводником.

Я заметил, что Урук прошел мимо первой колонны очень осторожно, как будто опасался коснуться запретной поверхности рукой, или доспехами, или краем одежды. У второго камня он остановился. Ледяное Жало в моей руке указало на землю у меня под ногами. Мне пришлось бороться с клинком, чтобы удержать его; металл словно обладал собственной волей и желал вонзиться в этот пяточок земли.

Губы Урука искривились, но улыбка больше походила на оскал.

– Ну, что я говорил? – сказал он. – Мы нашли то, что искали, – дверь в подземелье. Но я думаю, подобные двери не для осторожных. Нам лучше было бы найти собственный вход на тропы Тарги. Попробуй проследить, отходят ли они куда-то от этой точки.

Поборовшись с мечом, я наконец заставил его отвернуться от той точки, куда ему, похоже, так не терпелось воткнуться. Урук обошел первую из трех колонн и посмотрел на противоположный склон холма. Потом отступил на шаг, чтобы позволить мне взять инициативу на себя.

Меч продолжал указывать на землю, и Урук издал нечто вроде хриплого смешка.

– Значит, здесь.

Он оглянулся, оценивая расстояние от последней колонны. А потом коротко кивнул, словно отвечая на собственный непроизнесенный вопрос. Вскинув секиру, он ударил по склону холма со всей своей мощью.

Лезвие секиры глубоко ушло в землю, рассекло дерн и расшвыряло комья. И во второй, и в третий раз Урук обрушил удар на склон холма. В четвертый раз он прорубил небольшое отверстие, и земля посыпалась во вскрытую им дыру.

Вскоре секира расчистила достаточно места, чтобы я смог лечь на землю и медленно опустить Ледяное Жало в образовавшееся отверстие. Солнечный свет туда почти не проникал, но в сиянии клинка стало видно, что это, скорее, не пещера, а туннель, достаточно большой, чтобы мы могли по нему идти.

Я сделал глубокий вдох, быстро выбросил из головы все мысли о том, что я вообще не смогу идти, взял Ледяное Жало в зубы и, протиснувшись сквозь дыру, очутился в тесном пространстве. В затхлом воздухе сильно воняло фасами, но никаких признаков засады не было. Я поспешил отодвинуться, уступая Уруку место для спуска.

Местами проход крепили мощные корни, уходящие глубоко в землю, а в помощь им были вделаны грубо обработанные куски камня, как будто для обитателей подземелий было важно сохранить этот проход открытым.

– Тьфу! – сплюнул Урук. – Ну и вонь!

Как оказалось, проход не был рассчитан на гостей вроде нас. Нам пришлось согнуться в три погибели, но мы все равно то и дело задевали плечами свод, и тогда с него начинали течь зловещие струйки земли. Я старался не думать о них. Здесь Урук снова шел первым, как будто точно знал, куда нам нужно.

Когда дыра осталась позади, нашим единственным источником света стало Ледяное Жало. Я поднял его повыше, чтобы неяркий блеск мог осветить дорогу и моему спутнику. Земля у нас под ногами была плотно утоптана, как давняя звериная тропа, и везде воняло фасами.

Мы прошли не так уж много, когда коридор завершился дырой, напоминающей колодез. Урук опустился на колени и пошарил внутри осыпающегося отверстия.

– В стене есть выемки, – сообщил он шепотом. – Неглубокие, но уцепиться можно. – С этими словами он повесил секиру на плечо и осторожно принялся спускаться в темное отверстие. Я взял Ледяное Жало в зубы, зная, что не смею потерять даже тот неяркий свет, что давал нам меч. Но я дождался тихого шепота Урука и лишь после этого решился перевалить через край и начать нашаривать эти узкие опоры.

Вниз, вниз, вниз – у меня уже заболели челюсти, сжимающие меч. Потом боль растеклась по напряженному телу – плечам, рукам, пальцам рук и ног, ступням. А спуску, казалось, так и не будет конца. Я боялся, как бы не задохнуться и не выронить меч, выbleвав свою последнюю трапезу из-за здешней вони. Но я упорно держался, сведя весь свой мир к двум вещам – держать Ледяное Жало наготове и отыскивать точки опоры, одну за другой.

Спуск казался бесконечным – но, возможно, путник, не пребывающий в таком напряжении, как мы, не увидел бы в нем ничего особенного.

В здешних стенах было больше камня, но эти камни пересекали опоры-корни. И камень стен, похоже, был грубо обработан – по крайней мере, самые серьезные естественные выступы кто-то стесал. Мы больше не пробирались вниз – сам проход становился все более пологим. Было ясно, что мы быстро спустились на изрядную глубину.

– Стой!

На самом деле, я не нуждался в этой команде Урука. Толар не совсем еще умер во мне, и ощущение присутствия чего-то злого было таким сильным, что моя рука метнулась к рукояти Ледяного Жала, готовясь к нападению. Я увидел впереди нечто светящееся – клубящиеся завитки, напомнившие мне тот туман, в котором Тарги прятал свое войско. Вот только здесь свет был частью тумана, и вздымающиеся клубы отливали зеленым, наводя на мысль о далеко зашедшем разложении. Тем временем зловоние сделалось даже отвратительнее запаха фасов.

7

Смех Урука заставил меня вздрогнуть – мне эти пряди тумана казались воистину злоевцами. Однако в его смехе звучало презрение. А эти струйки тянулись к нам, словно щупальца морского чудовища, наподобие тех, с которыми сулькарцы встречались на дальнем юге. Но Урук быстро перешел от смеха к негромкому пению.

Я *видел* его слова. Не знаю, что за волшебство было тому причиной, но от его слов в здешнем полумраке возникали голубые искры; они лились с губ Урука потоком, потом растекались в стороны и собирались в светящееся пышное облако. Урук решительно двинулся вперед, и я волей-неволей последовал за ним.

Потом блестящие голубые искры встретились с одним из угрожающих щупалец тумана. Что-то ярко вспыхнуло. Туман проворно отдернулся и вернулся к основной массе; та сделалась непрозрачной и становилась все темнее, по мере того как к ней подтягивалось все больше безымянного вещества.

Теперь это был уже не туман, а колышущаяся фигура; она словно не знала, какой облик ей принять. От фигуры исходило ощущение опасности; она материализовалась стремительно, как удар. Но если эта неведомая сущность думала, что застанет нас врасплох, она быстро убедилась в своей ошибке. И хотя она бросилась на каменный пол у нас под ногами и попыталась подползти к нам, голубой туман рухнул тоже.

– Эй, Тарги! – Урук больше не пел. Теперь он говорил как человек, бросающий вызов своему врагу. – Ты никак вообразил, что я уже сделался твоей игрушкой? Сокрушительница Шлемов, – он впервые назвал свое оружие по имени, – не людьми выкована. Тебе следовало бы это знать.

Туман померк.

Урук кивнул.

– Он, должно быть, сильно потрясен, – задумчиво сказал он. – Тарги не из Великих, как и я. Но я бы сказал, он считает, что лучше владеет Темной Силой. – Голос Урука сделался резче. Он требовательно спросил: – Как он умер? В то время, которое мы знали.

Я покопался в памяти Толара. Тарги... Видел ли Толар его смерть? Или только слышал, как о ней сообщили, прежде чем собственная тяжкая рана погнала его прочь с поля битвы? А потом я заговорил, но неуверенно, запинаясь, потому что картины в моей памяти были очень смутными и далекими.

– Он умер от удара секирой. Они подняли крик, когда обнаружили его тело, – это я помню.

– От удара секирой, – повторил Урук. – Тогда...

Я знал, что его беспокоит. Если это его Сокрушительница Шлемов в тот раз покончила с Тарги, то может получиться, что, убив его снова, мы ничего не выиграем. Если только не сумеем при этом добраться до того вместилища Силы, где Тарги – или его истинная сущность – мог найти безопасное убежище.

– Он будет стремиться воспроизвести ход событий, – сказал Урук, на этот раз словно бы сам себе. – Значит...

Путь вперед скрывала темнота. Почти нематериальное извивающееся существо исчезло. Однако мы не теряли бдительности, и правильно. Из темноты снова донеслось шуршание: корни-веревки ползли по камням, чтобы опутать нам ноги. Урук заработал секирой, да и я вполне мог колотить эти змееподобные извивающиеся темные веревки левой рукой.

В полумраке разразилась настоящая бойня. Ни фасы, ни их веревки не могли всерьез противостоять нашему оружию, когда мы стояли спинами к стене коридора, и взмахи сияющего металла несли смерть. Меч рычал, словно волк, рвущийся к глотке добычи. А Сокрушительница Шлемов хоть и не рычала, но зато почти что пела, рассекая воздух. А фасы то пронзительно вопили, то хрипели.

Голос Урука перекрыл весь этот шум.

– Хватит! – скомандовал он. – Тарги использовал их, чтобы выиграть время – и нельзя допустить, чтобы он это время получил. Он думает, что будет в безопасности в том месте, которое он для себя приготовил, значит, надо настичь его, пока он не укрепил свою защиту.

И мы, покинув свое место у стены, перешли в атаку. Урук выкрикнул древний боевой клич Ха-Гарка. В этом тесном пространстве его голос оглушал, а яростный свет превращал оружие в наших руках в живое пламя.

Фасы дрогнули. Я издавна знал, что они лишь в темноте чувствуют себя уверенно и бьются хорошо. А здесь осталось лежать достаточно их мертвецов – в основном сокрушенных Уруком, – чтобы лишить их мужества. Мы не знали, снял ли Тарги заклятие, принуждавшее фасов атаковать нас. Но когда мы двинулись вперед, они обратились в бегство. Одни бросились влево по проходу, другие отступили вправо.

Урук двигался стремительно. Он не мог бежать в такой темноте, но шагал размашисто, насколько позволяла теснота и постоянное опасение споткнуться. Я шел следом, но часто оглядывался, проверяя, не преследуют ли нас вернувшиеся фасы.

В мое время фасы смазывали наконечники своих копий ядом. Но у копий, через которые мы переступали, – иногда зажатых в руках хозяев, которым уже не суждено было их поднять, – цвет наконечников был самый обыкновенный. Хотя бы в этом нам повезло.

Трижды коридор разветвлялся, и всякий раз Урук без колебаний выбирал, куда сворачивать. Я не задавал вопросов, но почему-то был уверен, что он знает, куда идти.

Так мы окольными путями добрались до одной из тех пещер, через которые я некогда проходил вместе с Тсали – ну, либо она была настолько на них похожа, что и не отличишь. Сталагмиты искрились, как хрусталь, когда на них падал свет Ледяного Жала. Я бы наверняка заблудился среди многообразия этих древних каменных наростов, но мой товарищ даже не притормаживал, чтобы отыскать дорогу. Я заметил, как Сокрушительница Шлемов в его руках чуть качнулась. Возможно, она действовала как иглока в чаше – при их помощи сулькарцы находили путь в море.

Так мы наконец добрались до очередного проема в стене. Я наверняка проглядел бы эту щель, почти перекрытую каменной глыбой, – в нее надо было осторожно протискиваться. За ней оказался очередной узкий туннель, только стены на этот раз были гладко обтесаны, и на них временами встречались незнакомые мне рунные надписи. Но от них словно исходил холод, проникающий в самую душу и наполняющий ее смятением и отчаянием. Лишь теплая рукоять меча в моей израненной ладони помогала бороться с этим наваждением, подтачивающим мое мужество.

Урук замедлил шаг. Он шел, высоко поднимая голову, – этот проход не был тесным, как любили фасы. Его прорубили люди или кто-то им подобный.

– Теперь... – еле слышно выдохнул Урук, – теперь, человек, бывший некогда Толаром, мы победим или погибнем. Тарги был уверен, что ни один человек, рожденный в Свете, не может сюда добраться. Но мы пришли. И, почувствовав, что его приперли к стене, он бросит на нас все свои Силы...

И едва он произнес последнее слово, как на нас обрушился удар из пустоты. Это было так, как если бы гигантская и всемогущая рука ударила меня в грудь, отбросив прочь. Я отчаянно взмахнул Ледяным Жалом – я не видел ничего осязаемого, но чувствовал, что должен что-то делать или меня одолеют и я окажусь совершенно беспомощен.

Урука тоже отбросило, но лишь на пару шагов. Он немного пригнулся и расставил ноги пошире, словно твердо решил не отступать более ни на шаг. Я попытался скопировать его стойку. Более того, я изо всех сил устремился вперед, чтобы встать с ним рядом.

Давление продолжалось. Мне не удалось продвинуться ни на шаг, – увы, я отступил еще на два. Меня захлестнул гнев, мрачный и непреклонный, – никогда прежде я не испытывал ничего подобного. Это был гнев истерзанного отчаянием Толара, с которым я соприкасался. Толар. Мне следовало снова обратиться к этой сокрытой части меня, которую возродило Ледяное Жало.

Урук же продвигался вперед, напоминая человека, пробирающегося через вязкую грязь. Шаги его были короткими – но он шел! Он шагал! Я уперся плечом в стену, к которой меня отшвырнуло последним ударом. Теперь я держал меч в правой руке, а левую вытянул вперед. И как я прежде нащупывал точки опоры при спуске, так теперь прижал кончики пальцев к рунным надписям. Мало что мне давали эти зацепки, но все же я снова двинулся вперед – медленно, шаг за шагом, как Урук.

Возможно, его древнему врагу было не так просто разделить свою Силу и он не мог удерживать на расстоянии нас обоих одновременно. И потому мы мало-помалу выигрывали. Кольчужная бармица моего шлема покачивалась; тяжело дыша, я сосредоточился на своей схватке, на продвижении вдоль стены.

Урук справлялся лучше – его шаги делались длиннее. Глаза под грозным гребнем-драконом пылали.

Так мы пробивались вперед по туннелю – бесконечно долго, как нам представлялось. Казалось, что давление чужой Силы не ослабнет никогда. Я задыхался, в ушах гремел стук собственного сердца. Вперед... Вперед!..

А потом давление исчезло так же быстро, как прежде развеялся туман, в промежутке между двумя вдохами. Я потерял равновесие и упал на одно колено. Урук пошатнулся, но уже на следующем шагу восстановил равновесие.

Продолжая держать секиру перед собой, он бросился вперед, и я за ним следом.

Мы очутились в зале, заполненном зеленовато-серым свечением, – я знал, что оно отмечает место сосредоточения Темных Сил. Здесь были не сталагмиты, а скорее колонны, которым придали форму пугающих фигур, монстров и людей, причем казалось, что люди охвачены невыносимой мукой, от которой не избавит и конец времен.

Между этими колоннами – я лишь раз взглянул и больше не смог, один лишь взгляд на них пробуждал во мне такой страх, что я боялся с ним не совладать, – шел широкий центральный проход, и Урук устремился по нему прямо в центр зала.

Возможно, это был храм. Не знаю, какому богу или какой Силе здесь поклонялись, но породило их не преклонение моего народа. Здесь колонны образовывали круг, и в его центре, на полуколонне ржаво-красного цвета лежал хрустальный череп.

А у подножия постамента бесформенной грудой валялся человек, которого я видел на поле боя, – Тарги. Невидящий взгляд широко распахнутых глаз был устремлен вверх, а тело обмякло, словно он только что умер.

Но в той части хрустального черепа, где должен был бы располагаться мозг...

Я не мог оторвать взгляда от водоворота ярких красок, хоть на них и больно было смотреть. Они бурлили, переплетались – и таили в себе какой-то смысл. Я чувствовал, что стоит мне посмотреть на них еще чуть-чуть, и этот смысл откроется мне. И это станет величайшим из моих деяний. Я стану избранным. Никто из людей не сравнится со мной. Я буду править. Править!..

Я увидел, как Урук переступил лежащее на полу тело и поднял секиру. Урук. Он уничтожит. Он... Это он здесь враг! Убить! Убить!

Мой удар оказался слабым лишь потому, что незажившее запястье не повиновалось мне. Ледяное Жало со скрежетом проехало по обтянутому кольчугой плечу Урука. Но этого хватило, чтобы секира отклонилась. Вместо черепа она лязгнула о колонну.

Череп на постаменте покачнулся, и цвета внутри него забурлили еще неистовее. Отдача от плохо нацеленного удара чуть не заставила меня выронить меч. Я с трудом удержал его.

Урук! Он опасен! Пока он жив... пока он жив...

Череп обратил на меня взгляд пылающих глаз.

«Впусти меня, друг! – вспышкой боли ворвался в мое сознание убедительный голос. – Мы сможем покончить с ним – вместе».

Секира Урука взметнулась снова. Я был ему не противник, даже с Ледяным Жалом...

«Бей ниже! – настаивал некто у меня в мозгу. – Видишь, там, под рукой, уязвимое место! Ударь его в сердце! А потом... Йонан!»

Я пошатнулся, схватился за голову и закричал от раздирающей ее боли. Меч повис в опущенной руке, его острие указывало на каменные плиты у нас под ногами.

«Йонан! – донесся до меня тот же зов. – Бей! Ну же!»

Веление этого давящего инога хлынуло в мой разум. Я смутно осознавал или догадывался, что происходит...

Я поднял меч – и опустил, в основном за счет его же тяжести. У меня самого почти не осталось сил. Ледяное Жало обрушилось прямиком на макушку черепа.

Моя голова взорвалась от боли. Я отбросил меч, упал на колени, схватился за голову и застонал.

Я не видел, как Урук снова занес секиру. Но я услышал лязг, с которым она врезалась в череп, пробила его, раздробила, словно это действительно была древняя кость. В моей голове творилось сушее безумие – или это я сходил с ума. Должно быть, тварь, пытавшаяся овладеть

мною, увидела, что произошло. С невнятным бормотанием я рухнул ничком, а болезненный, обжигающий глаза свет кружил, окутывая меня.

Я никогда не узнаю, как долго на меня давила воля Тарги. Но где-то еще оставалась частица Йонана, отступившая в укрытие. И теперь эта частица меня прежнего вышла из укрытия, наверное, от отчаяния. Я оцепенел и застыл, но все же был еще жив, и пути Тарги больше не сковывали меня. Я собрал остатки воли и попытался шевельнуть рукой, просто чтобы доказать, что мне это по силам. А потом кое-как встал, невзирая на боль во всем теле.

Меня окружал очень серый свет, и он внушал страх, хотя в нем осталась лишь тень той угрозы, что витала здесь раньше. Неподалеку лежал Урук, а за ним, там, где прежде валялось покинутое тело Тарги...

Неужели эти обломки крошащихся костей, этот прах действительно когда-то был человеком или хотя бы его подобием? От хрустального черепа, господствовавшего в этом зале и пытавшегося завладеть нами, не осталось даже осколка. Но я увидел еще кое-что – рукоять меча без клинка, такую же тускло-серую, как и свет вокруг.

Я подполз к Уруку. С его секирой ничего не случилось. Она осталась целехонька, и Урук так и сжимал ее в руке. Я нащупал у него на шее пульс. Он был жив. Я нашарил на поясе фляжку с водой, отстегнул, устроил Урука так, чтобы его голова опиралась на мое плечо, и тонкой струйкой принялся лить воду ему в рот. Наконец он сглотнул, закашлялся и открыл глаза.

На миг он уставился на меня так, словно впервые видел. Потом нерешительно спросил:
– Толар?

Я покачал головой. Отложив фляжку, я дотянулся до рукояти меча и показал ему.

– Я Йонан – ты сам меня призвал.

Губы Урука дрогнули в едва заметной улыбке.

– И ты вернулся и спас нас. Каким бы великим чародеем ни был Тарги, а контролировать еще не рожденного не смог. Так, значит, Ледяное Жало покинуло тебя, к добру или к худу?

Внутри у меня забурило смех.

– Я думаю, к добру. Хватит с меня зловещего оружия и древних битв, хоть проигранных, хоть выигранных. Я намерен творить будущее.

Тут я вспомнил – мы всё еще в прошлом? Лишь прах Тарги позволил мне надеяться, что смена времен завершилась.

Урук, должно быть, заметил, как я взглянул на почти исчезнувшие останки, и понял мою мысль.

– Я думаю, мы в твоём времени, Йонан, ставший чем-то большим. По крайней мере, Тарги мертв. А сокрушение его Силы вполне могло выбросить нас обратно. Если это так, мы все еще можем пригодиться Эскору. Ну что, попробуем выяснить?

Рукоять Ледяного Жала была мертва. Я чувствовал, что он никогда больше не сыграет никакой роли в людских замыслах и интригах. Я положил ее на широкое основание постамента, на котором прежде возлежал череп. Тарги попытался меня использовать. И не сумел. Пускай никто, кроме меня, этого и не видел, но я этого не забуду. Я – не Толар, но некая его часть навсегда останется со мной, оттачивая мою сущность и делая ее лучше, как заботливый воин точит свое оружие. Я не могу этого отрицать, да и не хочу. Но я был Йонаном – и этого я тоже не хочу ни отрицать, ни забывать.

Возможно, время действительно вынесло нас обратно – так многое выносит на берег прилив. Если это правда, будут другие мечи и другие битвы, и будет новая жизнь, и я должен отыскать свое место в ней и познать себя глубже, чем способна понять большая часть людей.

– Время было, время есть, время будет, – сказал Урук. Нет, не сказал – слова возникли у меня в сознании. И меня захлестнула пьянящая радость. Моя давняя мечта исполнилась, и за

это мне следовало поблагодарить Толара. Я встал и протянул руку Уруку, чтобы помочь ему подняться.

Время будет – эти слова пели в моей душе, пробуждая нетерпение. Ледяное Жало больше не держало меня, и меня ждал весь Эскор!

Часть III Меч Тени

1

Ночь была тиха – ни шороха, ни звука, но мне казалось, что на грани слышимости и видимости что-то движется. Я крепко сжала ладони и стала дышать глубоко и медленно, призывая на помощь не только мужество, но и ту странную часть моего разума, которую я никогда не понимала, хотя всегда, даже в раннем детстве, осознавала ее присутствие. Мне казалось, что она могла бы изменить для меня весь мир, если я сумею использовать ее должным образом. Но научить меня было некому, и приходилось полагаться лишь на свое чутье, весьма несовершенное.

Я посмотрела на свои сжатые руки. Я видела их липкими от глины и... нет, я не собиралась об этом думать. Если слишком глубоко погрузиться в воспоминания, можно открыть дверь – наподобие самых страшных Ворот Древних – тому, что рыщет снаружи.

Но там таились те, кто сейчас подбирался ко мне. Они были готовы убрать защиту, которой страшилась Тень, чтобы окружить меня своей собственной защитой. Во мне таился изъян. И этот изъян, неведомо насколько сильный и опасный во время моего бодрствования, был частью моих снов и иногда делался настолько силен, что я резко просыпалась и лежала, вся дрожа и думая, что я могла натворить, пока мой разум спал.

В моем народе на многих женщинах лежит это проклятие. Большинство сказала бы, что это благословение – но только не я. В Эсткарпе тех, у кого есть Дар, выявляли в малолетстве и забирали для обучения, причем учили и всем мерам предосторожности, необходимым тому, кто имеет дело с Силой, пусть даже в самой малости.

Но я родилась во времена хаоса, мой народ бежал из Карстена через горы, ведь мы были последними потомками Древней расы и правитель Карстена объявил нас вне закона. И даже если бы нас оставили в покое, я могла так никогда и не освоить свой необъяснимый Дар, потому что в Карстене не было колдуний, способных отыскать и обучить себе подобных. Живущие среди нас Мудрые женщины не связывались с более мощными Силами – лишь с меньшими, ибо несли в себе лишь долю Дара.

Меня вырастила леди Крисвита после того, как моя мать и ее сестра умерли от болезни – как я теперь думаю, по своей воле, потому что мать не могла жить в мире, где ее супруг мертв. Говорили, что после родов она отвернулась лицом к стене и даже не взглянула на меня. Одно можно сказать точно: мой отец погиб, защищая ее во время бегства от банды орудующих на границе карстенских налетчиков.

Но леди Крисвита была великодушна и нашла для меня уголок в своем сердце. И в эти беспокойные времена она заботилась не только обо мне. Еще был Йонан, сын ее близкой подруги, наполовину сулькарец, наполовину потомок Древней расы. А ведь еще был ее собственный сын, Имхар, наследник Дома, леди Далхис и леди Миган – они обе были старше и еще в юности вышли замуж за вассалов лорда Хорвана. Но я была другой...

Сперва они думали, что я наделена лишь целительским Даром. Я могла посмотреть на человека или зверя и каким-то образом увидеть поразившую их болезнь. А с животными у меня было некое родство, и потому со временем я не смогла есть мясо и хорошо относиться к охотникам. Но этой своей тайной я ни с кем не делилась.

Когда колдуньи Эсткарпа совершили свой последний и величайший подвиг, передвинув силой своей объединенной воли сами горы и отгородившись от Карстена, казалось, что нас

ждет новая, более мирная жизнь. Война шла, сколько я себя помню, и очень странной казалась наконец-то простиравшаяся перед нами мирная жизнь.

И я задумалась: а как теперь будут жить люди вроде Имхара? Ведь он был рожден для войны и не знал ничего другого – да и знать не хотел, я уверена. Я очень мало знала о нем, хотя он должен был стать моим супругом и тем самым надежнее объединить наш род. Но мне казалось, что это мало для него значит, и я беспокоилась.

Наши отношения с Йонаном были куда более дружескими, чем с Имхаром. Он был потомком двух рас, словно бы созданных для того, чтобы держать в руках оружие и мериться силой с врагами, однако же сам ни на один из них в этом не походил. Он не покладая рук учился владеть мечом, стрелял по мишеням из дротикометов и старался делать все, чего ожидают от мужчины его лет. Однако же со мной он говорил о другом – о древних легендах и странных историях. Возможно, он и сам мог бы стать песнетворцем, да вот только его неуклюжие пальцы справлялись с арфой куда хуже, чем с мечом. Впрямь можно было подумать, что смешение рас в нем каким-то образом исказило, умалило того человека, каким он должен был бы стать.

Что бы случилось с нами, останься мы в Эскарпе? Время от времени я думала об этом. Может, я вышла бы замуж за Имхара и никогда не узнала о своих сокрытых способностях? Сделало бы это неведение меня счастливее? Иногда мое сердце говорило: «Да». Но что-то в глубине души противилось такому исходу.

Однако же, когда мы строили поместье рода, с востока к нам пришел некий юноша. И его рассказ о том, как в нас нуждаются, столь сильно зацепил наши умы, что мы, почти не подумав, пустились не просто навстречу неизвестности – навстречу войне, более мрачной и темной по сути своей, чем все известные нам прежде схватки.

Так мы пришли в эту Долину среди гор. И я почувствовала себя растением, внезапно обретшим солнце, воду и питательную почву. Ибо я встретила Владычицу Зеленой Долины, ту, которая звалась в наших древних сказаниях множеством имен, но в нынешнее время отзывалась на имя Дагоны. Она и ее народ не принадлежали к нашей расе, а может, и к нашему виду, но они были человекоподобны. И они поддерживали родственные и дружеские отношения с теми потомками Древней расы, которые не осквернили себя сделками с Тенью.

Мы с Дагоной при первой же нашей встрече мгновенно осознали, что идем одним путем. Она приняла меня в свою свиту, и я впервые узнала, как много мне нужно постичь и как мало я могла дать другим из-за отсутствия этих знаний. Я была словно томимый жаждой путник в пустыне, которому предложили фляжку с холодной водой. Но я знала, что мне, как и страдающему от жажды, нужно пить медленно, по глоточку. Потому что Дар, от которого требуют слишком много, мог обратиться против своего носителя.

Долина была осажденной крепостью – крепостью Силы в окружении Тени. В этом краю, Эскоре, во множестве бытовало древнее Зло, творение адептов, решивших, что для них законы Дара не писаны. Их прогневившие души наслаждались, извращая природу. И оно, это Зло – хотя, возможно, и изрядно ослабевшее со временем, – теперь пробуждалось и собиралось с силами, чтобы восстать снова.

Внутри Долины, как нам говорили, было безопасно. Ее охраняли столь сильные руны Света, что сюда не могло проникнуть ничто, несущее на себе нечистую метку Тени. И все же наши люди – вместе с теми, кто не был человеком, но оставался верен Свету, – патрулировали вершины гор и отгоняли нападавших, старавшихся взобраться на утесы и напасть на нас.

А потом однажды утром я проснулась, а руки мои были в глине, точно такой, какую я видела на берегу ручья. И мне было не по себе. Я чувствовала себя виноватой, как человек, открывший двери врагу. А еще я не могла сказать об этом ни леди Дагоне, ни моей приемной матери. Но мне было чем заняться. Йонан получил травму в горах – и мог бы умереть, если бы человек-Ящер Тсали не нашел его в той расщелине, куда он провалился и застрял.

Я радовалась, что должна лечить его лодыжку, и старалась найти себе побольше дел. Потому что хоть я и смыла ту глину со своих рук, мне казалось, что моя плоть по-прежнему запятнана, и это беспокойство продолжало жить в том уголке разума, куда я его заперла. Трижды я пыталась рассказать об этом и всякий раз обнаруживала, что не могу произнести ни слова. Тревога моя росла, и я воспользовалась умениями, которым меня обучила Дагона, но все еще не догадывалась, что Сила Тени преодолела нашу защиту.

Но той ночью мне не хотелось ложиться спать. Я даже хотела, чтобы за мной кто-нибудь присмотрел, но обнаружила, что не в силах попросить об этом.

Этот сон пришел ко мне так внезапно, будто я прошла сквозь какую-то дверь. И он был настолько ярким и достоверным, таким реальным, что в тот момент все, оставшееся позади, больше походило на сон или видение, чем место, куда я попала.

Это был зал, не похожий ни на какой другой зал в Эсткарпе – разве что в древнем Эсе могло найтись нечто подобное. Стены уходили так далеко, что терялись в полумраке. По обеим сторонам стояли высокие колонны, высеченные в форме чудовищ. Здешний зеленовато-желтый свет исходил не от солнца и не от какого-либо светильника, но сами колонны сочлились им, и в этом свете все было прекрасно видно.

Там кто-то ждал... кто-то, с кем я должна была встретиться.

Я перепорхнула к отчетливо различимому проходу – я не шла, как обычно, скорее, меня словно несло по воздуху, невесомую, не имеющую сил сопротивляться. Проход завершился круглым пространством. И там в центре, на постаменте лежал череп, размером с настоящий. Казалось, что он вырезан из чистейшего хрусталя. Но ту часть, где должен был бы находиться мозг, заполнял бурлящий и пляшущий радужный свет, и каждый оттенок то тускнел, то разгорался ярче, то перетекал в другой.

И у этой колонны, положив руку на основание постамент, стояла женщина. Она чем-то походила на народ Дагоны, но она меняла цвет. Ее волосы то вспыхивали почти что алым, то темнели, делаясь каштановыми, а кожа в одно мгновение была цвета слоновой кости, а в следующее – уже золотистой от загара. Однако же я знала, что она не из Долины.

Эта женщина излучала Силу, и казалось, будто она направляет эту Силу прямоком на меня. И хотя ее цвета непрерывно изменялись, лицо оставалось застывшим. Полные губы были изогнуты в легкой загадочной улыбке, словно она размышляла о каком-то знании, которым ни с кем не собиралась делиться.

Ее тело было облачено лишь в клубы тумана, который тоже пребывал в непрерывном движении, открывая то грудь с темно-красными сосками, то гладкое бедро, то мягкий изгиб живота. В этом блуждании одежды было что-то чрезвычайно похотливое – и вызывало смутное беспокойство, возможно, у той части меня, что не отзывалась на ее чародейство.

– Крита! – Женщина подняла руку в пародии на дружеское приветствие. И я услышала ее голос не ушами – он прозвучал в моем сознании. – Добро пожаловать, сестричка.

Что-то во мне отпрянуло с отвращением, когда она так небрежно заявила о нашем родстве. Я ей не родня! Нет! И возможно, эта моя вспышка отвращения поколебала то заклинание, что она наложила на меня, потому что женщина перестала улыбаться, и глаза ее вспыхнули гневом.

– Ты будешь той и тем, чем я велю! – Она словно натянула поводок. – И сделаешь, что я скажу! Ко мне!

Сопrotивляться этому принуждению было не проще, чем человеку, скованному по рукам и ногам, разорвать цепи. Я подошла к ней.

– Смотри!

Взмахом руки она указала на череп, пылающий изнутри. Его пламя сделалось еще более ярким, резким, живым!

Хоть я и не хотела того, мои руки поднялись и прикоснулись к вискам черепа. В меня хлынула иная воля, властная и могущественная. Она подавила последние остатки моей личности. Мне дали приказ. Я знала, что́ надлежит сделать.

– Ну что, Тарги! – расхохоталась женщина. – Мы сделали неплохой выбор, верно? – Она разговаривала с черепом, словно с живым существом. – А теперь, – она презрительно взглянула на меня, – иди и выполни приказ.

Из-за колонн показались юркие фигурки. Фасы. Подземные жители, такие же, какие однажды уже пытались пробраться к нам. Их вожак схватил меня за руку, и я не смогла вырваться. Он потащил меня вправо.

Мы пробирались через подземелья; я не могла сказать, ни сколько вокруг фасов, ни куда они бегут. Во мне пылало стремление исполнить повеление, почти такое же яркое, как огонь, исходивший от черепа. Но мне пришло в голову, что у этой женщины и у черепа есть свои пределы, значившие для них так много, что они не могли справиться сами, потому что эти пути были запретны для них. Возможно, этот туннель проходит под горами, окружающими Долину, и даже на такой глубине руны безопасности еще обладают определенной Силой. Если так, мне это особо не помогло. Я достаточно легко могла пройти здесь, но не могла освободиться от возложенной на меня задачи.

Дальше все стало бессвязно, как обрывки сна, когда действие перескакивает из одного в другое безо всякой логической последовательности. Я помнила, как торжественно изрекала слова, которые кто-то – то ли та женщина, то ли череп – вложил в мой разум. А потом...

Что-то пошло не так. Я чувствовала, что хватка чародейства сжимает меня еще крепче. Но под этими оковами вскипал гнев. Я не выполнила свою задачу – помешало какое-то незримое воздействие. Фасы, окружив меня, тащили и подталкивали вперед по своим непроглядным подземельям. Что произошло дальше... Этого я никогда не смогла восстановить полностью.

Но настал момент, когда я поняла, что иду под землей, увидела лица, которые должна была бы помнить, но вот только мой разум мне этого еще не позволял. Потом...

Потом я снова полностью очнулась – или ожила. Я стояла под открытым небом, и дул свежий ветер, и пусть он был холодным, зато он нес свежесть того мира, который я знала. И здесь был Йонан, а с ним еще один человек, в странных доспехах и с огромной двусторонней секирой. Еще тут был Тсали, а потом снизу – должно быть, из Долины – пришла Дагона, и с ней лорд Килан, державший ее за руку, и за ними другие.

Я разрыдалась. Должно быть, это было реальностью, не очередным сном. Но окончательно я в это поверила лишь после того, как Дагона обняла меня.

2

Барьер, не дававший мне говорить, рухнул, и я смогла рассказать Дагоне о своем сне. Хотя, конечно же, это не было сном. Меня каким-то образом вывели из защищенной Долины – из-за предательства некой части моего же непослушного разума. Мне показали фигурку, слепленную из глины. К ее круглой голове были прилеплены мои собственные волосы, а тело завернуто в лоскут моей одежды. Я не нуждалась в объяснениях, чтобы понять: здесь поработало древнее Зло. Так до меня дотянулась и заставила работать на себя более мощная Сила, стремящаяся, как мы подозревали, прорвать наши границы.

Когда я описала женщину, стоявшую у черепа, Дагона помрачнела. Но при этом она явно была чем-то озадачена. Она отвела меня в свои покои и прежде, чем оставить меня, воспользовалась палочкой – белой, недавно очищенной от коры, – нарисовала вокруг подушек, на которых я устроилась, некие знаки, соединенные в круг. Мои веки отяжелели, глаза закрывались, и я чувствовала, что могу заснуть прежде, чем она уйдет. Но я боролась со сном, потому что отчаянно боялась, что лишусь воли и разума и меня снова затянут в видения.

Сон все-таки сморил меня снова, и это не принесло мне радости. В этот раз я не присутствовала физически в том зале с колоннами и черепом, как в первый раз. Но я видела – и слышала.

Женщина, соткавшая то предыдущее заклинание, изменилась, но я готова была поклясться, что это она, та самая, которая притянула меня к себе, провела путями фасов. Я настолько тогда подпала под ее заклинание, что не знала, куда иду.

Она больше не выказывала гордости и заносчивости, облакавших ее, словно туман, во время нашей прежней встречи. И красота ее поблекла, словно пострадав от времени. Но ее по-прежнему стоило бояться, и я не забывала об этом, хотя на этот раз она не смотрела в мою сторону и никак не показывала, что знает о моем присутствии.

Она стояла у постамента, на котором возлежал череп, и ее пальцы нежно скользили по хрустальной поверхности. Пыхавший прежде свет погас или потускнел до почти бесцветной дымки, сохранившейся внутри.

Я увидела, как шевелятся ее губы; думаю, она читала заклинание или разговаривала с тем, что трогает пальцами. На лице ее отражалось некое чувство сильнее гнева, произрастающее из него. Я ощущала Силы, которые она старалась взять под контроль, подчинить себе, – и ее бессильное отчаяние от того, что ей это не удастся.

Потом она наклонилась и прижалась губами ко рту бездушного кристалла. Так – мне казалось – женщины целуют возлюбленного, того, кто стал для них средоточием всей жизни. А руками она обвила колонну так, что «лицо» ухмыляющегося черепа оказалось крепко прижато к ее груди с рубиновыми сосками. В этом жесте было что-то до того бесстыдное, что меня захлестнуло отвращение. Но я не могла убежать, потому что Сила, притянувшая меня сюда, все еще действовала, хоть это и был сон.

Женщина внезапно повернулась, и ее взгляд отыскал меня. Кажется, она поняла, что какая-то часть меня снова попала в ее сети. Я увидела, как ее глаза торжествующе вспыхнули.

– Так, значит, заклинание все еще держит тебя, сестрица? Я преуспела даже больше, чем надеялась.

Она вскинула руки и начертила в воздухе неизвестные мне знаки. И моя сущность мгновенно оказалась скована. Женщина отошла от черепа; она была настолько переполнена Темной Силой, что ее волосы зашевелились сами собою и окружили ее голову огромным пламенеющим облаком, более поразительным, чем любая корона. Рот ее был чуть-чуть приоткрыт, и губы горели красным, словно кровь, на фоне призрачно-бледной кожи.

Женщина сделала шаг, за ним второй и протянула ко мне руки; упоение своим триумфом окутало ее наподобие церемониального одеяния.

– У нас еще есть время! И подходящий инструмент! – Кажется, это были, скорее, ее собственные мысли, чем направленные мне. – О Тарги! – На миг она оглянулась на череп. – Мы еще не проиграли!

Но если у нее и был какой-то план, он сорвался. Потому что в этот миг заклинание разрушилось и женщина вместе с черепом, который она столь страстно ласкала, исчезли. Я очнулась в покоях Дагоны и увидела стоящую у изножья моей постели Владычицу Зеленой Долины. Она взмахнула надо мной пучком почти засохших трав; от резкого движения листочки оборвались и осыпали меня. Я почувствовала запах «изгнания Зла», старинного лекарства для душевных недугов; в его состав входил ланглон – трилистник, помогающий очистить чувства и призвать обратно блуждающий разум.

Но я поняла, что произошло, и съежилась на своей постели из шкур и упругих высушенных трав. И заплакала от страха и ощущения собственной беспомощности.

Лицо Дагоны было мрачным, но она взяла меня за руку, хоть я и пыталась отодвинуться. Ведь я знала, что некая часть меня оказалась созвучна Тени, и мною завладело самое злое, что было в этой стране.

– Ты видела сон, – сказала леди.

Она не стала прибегать к соприкосновению разумов, а вместо этого заговорила вслух, словно обращалась к маленькому ребенку, разбуженному ночным кошмаром.

– Она... меня утщила снова, – пробормотала я. – Она может призывать меня, когда захочет.

– Опять та женщина?

– Да, она самая, и череп, и зал с колоннами. Все, как и прежде.

Дагона подалась вперед, пристально глядя мне в глаза, и я не могла отвести взгляд, как ни переполняло меня чувство вины и тревога.

– Подумай, Крита, действительно ли это была та же самая женщина?

Она явно неспроста спрашивала об этом. Я убрала защиту и погрузилась в воспоминания, чтобы леди могла увидеть в моем разуме все, чему я стала свидетельницей, – хоть мне и было страшно за нее. Как бы эти загрязненные скверной сны не заразили и ее!

– Думай! Вспоминай! – уверенно приказала Дагона.

И я восстановила в памяти, насколько смогла, все увиденное во сне.

Леди сжала руки и произнесла одно лишь имя:

– Лайдан... И... Тарги.

– Кто такая Лайдан? – осмелилась наконец спросить я.

– Одна из тех, кто соединил в себе худшие черты двух рас. Или соединяет, – похоже, она до сих пор где-то прячется. По матери она принадлежит к Народу. А ее отец... – Дагона пожала плечами. – В свое время ходило много историй, в которых ее притязания на власть основывались на том, кто же он такой. Но он точно не был одним из нас. Большинство считало, что она – дочь одного из лордов Холмов, добровольно признавших власть Тени. Лайдан... и Тарги... – задумчиво повторила она.

– Что ж, возможно, тут и таится разгадка. Те, кто ушел прошлой ночью, возможно, добьются того, чтобы Тарги можно было сбросить со счетов, – если действительно справятся, как верит Урук. Но Лайдан они в прошлом не встретят – в момент битвы она находилась в другом месте и была очень занята.

– Битвы?

Для меня ее слова были полны загадок. Леди смерила меня долгим оценивающим взглядом и не ответила на вопрос. Вместо этого она заговорила о том, что казалось мне сейчас самым неотложным.

– Похоже, Лайдан и то, что она так долго охраняла, каким-то образом заклеямили тебя. Я не понимаю, как такое могло случиться. Но, возможно, корни этого лежат в далеком прошлом. Однако, если она может принудить тебя прийти к ней, пусть даже только во сне...

Я уже знала, что на это ответить, хоть тело мое от страха и сковал такой холод, что я задрожала, не в силах сдержать эту дрожь.

– Значит... значит, я теперь опасна для вас. Как открывающая Ворота, – тихо проговорила я, не сумев сдержать дрожи в голосе.

Я знала, что должна добавить, но губы отказались выговаривать эти слова. Мне почти удалось обуздать охвативший меня страх. Однако же, если из-за меня в защите Долины может возникнуть брешь... ясно, что отныне мне здесь не место. Я молча смотрела на леди, не в силах исполнить веление долга.

Дагона медленно покачала головой.

– Мы не полностью беззащитны перед Силой. Но, возможно, тебе придется смириться с положением пленницы, сестричка.

Я вздрогнула.

– Так... так называла меня она! – Это слово из уст Дагоны лишь усилило мой груз ужаса и вины.

– Даже так? – Дагона поджала губы. – Значит, она пошла этим путем? Ты должна кое-что понять, Крита. Из-за того что ты не обучена самоконтролю – которым надлежало бы овладеть после первого же проявления Дара, – ты действительно оказалась уязвима для таких, как Лайдан. Я не знаю, чему она могла научиться за смутные века между Проигранной битвой и нынешним днем. Но у нее есть свои пределы, и ты должна в это верить. Она никогда не повелевала Зеленой Долиной. – В голосе Дагоны зазвучала горделивая уверенность в своих силах. – Слишком долго этому нужно учиться, а она всегда была нетерпеливой и алчной. В прошлый раз она захватила твое тело и заставила выполнить ее приказ. На этот раз, когда оно находилось под надежной охраной, – леди указала на руны на полу, – она сумела лишь призвать твое спящее сознание, а от этого ей нет никакой пользы. Это другой план бытия, на нем невозможно действовать физически. Если Йонан и Урук добьются успеха... – Она не договорила.

– Йонан? Что с Йонаном? – На мгновение я позабыла о себе. – Он... он отправился охотиться на эту Лайдан?

Дагона покачала головой.

– Нет, поскольку ее не будет там, где ему предстоит странствовать. – Больше она ничего не добавила, и я поняла почему. И меня замутило. Эти сведения могут вытянуть у меня во сне, стоит Лайдан снова меня вызвать. Дагона уловила мою мысль: – Она не сделает ни того ни другого. Мы примем иные меры предосторожности. Не сомневайся, Крита. Не вини себя за то, что попала в эту западню. В прошлом случалось, что даже адепты бывали околдованы врагами. Но раз мы знаем, кто наш враг, мы можем принять меры предосторожности.

Так я на время стала пленницей собственного народа, людей, которым я ни за что не стала бы вредить, но которые не могли сейчас доверять мне, потому что меня могли принудить. Я жила отдельно, в маленьком домике; со мной поселилась одна из женщин народа Ящеров: они могли, благодаря собственным врожденным способностям, неподвластным воздействию, засечь любые изменения во мне. Мне также было запрещено использовать свой Дар даже для целительства, потому что это могло создать мысленную связь между мною и той женщиной, Лайдан, как назвала ее Дагона.

Йонан и Урук. Я целыми днями думала, куда же они отправились и зачем. Никто не смел рассказать мне об этом, да я и не спрашивала. Но леди Крисвита пришла ко мне с предложением, которое, возможно, могло бы избавить меня от страхов за будущее.

Среди потомков Древней расы считалось, что женщина, которая вышла замуж или просто переспала с мужчиной – так в давние времена иногда нарочно поступали с колдуньей, когда та попадала в плен, – теряла свою Силу и Дар. Известно было лишь одно исключение из этого правила – и это была леди Джелита. Но ее супругом был иноземец, человек из другого народа. И при этом он сам отчасти обладал Талантом, вопреки всем нашим представлениям. Однако даже после того, как она доказала, что Сила не покинула ее в замужестве, колдуньи Эсткарпа все равно не приняли ее обратно и относились к ней с недоверием.

Это могло стать выходом и для меня. Стоило мне выйти за Имхара и возлечь с ним, и я бы перестала представлять из себя угрозу для обитателей Долины, поскольку лишилась бы своего Дара. И от отчаяния я чуть не ухватилась за эту возможность.

Я не любила Имхара, но в моем народе браки всегда устраивались исходя из интересов рода. Впрочем, во времена изгнания и войны некоторые стали подходить к этому иначе. Я знала, что леди Крисвита сама вступила в брак по сердечной склонности, поскольку в ее Доме не осталось старейшин, которые могли бы подыскать ей пару. Лорд Хорван к этому времени уже потерял семью во время резни в Карстене и впервые встретился с леди Крисвитой, когда принес вести о родственниках, сопровождая к ней мою мать.

Таким образом, они сами приняли решение о женитьбе. Но ее дочери последовали традициям, их мужья превратились теперь в лордов без владений. Они вместе с лордом Хорваном присоединились к Стражам Границ и согласились войти в его Дом вместо того, чтобы основать

своей. Я была помолвлена с Имхаром почти с рождения, и лишь из-за постоянной войны брак Чашей и Пламенем откладывался.

Теперь же, когда над нами нависла еще более грозная опасность, от меня требовалось лишь подтвердить свое согласие на брак и стать супругой Имхара, отринув всякую надежду когда-либо снова овладеть Силой.

Сам по себе Имхар был неплох. Симпатичный, прирожденный воин, наследник Хорвана. И все же... все же, несмотря на свой страх и боль я не могла дать согласие. Меня терзало стремление сохранить – или хотя бы попытаться сохранить – то, что было моим по праву рождения. Я не могла произнести слова, которых от меня ждали приемная мать и тетя. Я думала, что моя дорогая леди разгневается на меня, и приготовилась к тому, что ее гнев ляжет на меня дополнительным бременем. Но она не стала настаивать, лишь помолчав – я не решилась нарушить ее молчание, – добавила:

– Все мы рождаемся с разными Дарами и Талантами, дитя мое. Имхар – весь в отца, он полон сил, и они с самого его детства сосредоточены на войне. Далхис и Миган довольны своей жизнью. Дом и дети – вот все, чего они желают. Но если человеку что-то дано... – Она замолчала и несколько мгновений смотрела на лежащие на коленях руки. – Мы живем в удивительном месте и удивительном времени, дитя. И мы, другое поколение, не имеем права выбирать за вас, как это делалось всегда. Имхар... – Она снова помолчала, потом покачала головой, отвечая на собственные мысли. – У него свой Талант, и он счастлив, что имеет возможность применять его. Если ты желаешь сохранить верность себе, никто не станет принуждать тебя к браку.

– Но я же обручена...

Я была изумлена. Мне трудно было поверить в то, что леди действительно имела в виду ровно то, что сказала.

– Подожди, Крита. – Она ответила быстро и с нажимом, словно желала, чтобы до меня лучше дошло. – Подожди, пока не будешь уверена!

– Но я... я же могу быть опасна для вас, всех вас, и даже для Долины.

– Доверься леди Дагоне – и жди. – Она встала с некоторым трудом; взгляд мой стал немного пронизательнее, и я увидела, что хотя возраст и не отражался на ее лице – люди Древней расы оставались моложавы почти до самого конца жизни, – оно было усталым, словно сон хотя и приходил к ней по ночам, но не нес с собой настоящего отдыха.

Я схватила ее руку и крепко сжала.

– Спасибо!..

Леди мягко отняла ее.

– Мне не хотелось бы потерь, – сказала она. – Ты была бы в моем доме любимой дочерью, но я не хочу такой потери.

И после этих слов она ушла, оставив мне лишь тяжесть времени и терпение.

3

Хотя я каждую ночь боялась засыпать и охотно пила присланное Дагоной зелье, которое, возможно, могло предотвратить чужое проникновение, но все же однажды настала ночь, когда нашу защиту снова взломали. Возможно, Лайдан потребовалось так много времени, чтобы напитать свое заклинание Силой, что она лишь теперь сумела снова дотянуться до меня.

Мое зрение и слух внезапно обострились, настолько, словно всю свою жизнь до этого мгновения я была слепой и глухой. Моим чувствам стали доступны такие тонкости, которых я не ведала прежде. Я не была уверена, пребываю ли я в этом месте телом или разумом.

Но я дрожала от холодного ветра и вдыхала одуряющий запах деревьев, ветер зачерпывал его в Долине и щедро расшвыривал по сторонам. Над головой у меня висела луна – убывающая, почти умершая, готовая исчезнуть с неба, чтобы в свой черед возродиться в новом цикле.

Я подняла руки и оглядела себя. На мне было платье для верховой езды, руки мои были исцарапаны, а ногти поломаны, как будто я взобралась сюда по скалам. Мне захотелось обернуться, посмотреть на Долину внизу, попытаться понять, как я поднялась на такую высоту, – если, конечно, я нахожусь здесь во плоти.

Потом я осознала, что поймана в ловушку заклятия, не позволяющего мне даже взглянуть назад – только вперед. И я, пошатываясь, побрела по этой изрезанной местности, где неосторожных поджидали во множестве опасные утесы и вероломные осыпи. Двигалась я крайне целеустремленно, но гнала меня вперед чужая воля ради чужой цели.

И я, конечно же, догадывалась, чья воля выдернула меня из безопасного места и отправила в путь. Дважды я пыталась вырваться из хватки, сковывающей разум и тело, но она была столь сильна, что с тем же успехом я могла колотить голыми окровавленными руками по стальной двери.

Потом, осознав, что здесь у меня пока что нет никакой возможности сбежать, я подчинилась Лайдан. Я пересекла трещиноватую скалу, ноги безошибочно привели меня к углублению в склоне горы. Мне пришлось наклониться, чтобы протиснуться в очень узкий вход, наполовину перекрытый осыпавшимися камнями.

Фасадами здесь не пахло. Если Лайдан и правила этими обитателями подземелий, сейчас она не использовала их, – возможно, верила, что так плотно сковала мою волю своей, что я сделаю все, как велено, и не стану пытаться сбежать.

Хоть я и не получила подготовки, подобающей колдунье, я всегда помнила о примере колдуний Эсткарпа. Чтобы контролировать кого-то и принуждать его к повиновению, требовалась сильнейшая сосредоточенность, непрерывная и неустанная. Я не знала, насколько Лайдан близка к уровню адептов, но ведь леди Дагона сказала, что даже адептов, случалось, заколдовывали. Каждый мой шаг тянул энергию из этой женщины, принуждающей меня исполнить для нее какое-то дело. Я старалась идти как можно медленнее и пыталась, внезапно отправляя ментальные стрелы, найти слабое место в своих оковах.

Пока что мне не удалось его отыскать, но это был еще не повод отчаиваться. Я была уверена, что Лайдан сковала весь мой, должно быть, немалый Дар. Рано или поздно, но она неизбежно должна была устать от этого контроля. А значит, я должна продолжать свои попытки через произвольные промежутки времени и постоянно быть наготове, чтобы не упустить шанса отвоевать свободу.

На подземных путях было темно. Тьма поглотила меня, словно утроба какого-то огромного животного. Но я упорно боролась со страхом. Я нужна Лайдан. Она не станет впустую переводить нужный ресурс. А значит, мне даже в темноте нечего бояться – кроме воли, держащей меня в плену.

А потом я ощутила подобие мысленного прикосновения. Я была уверена, что оно исходит не от Лайдан. У нее сейчас должно было уходить слишком много сил на контроль надо мной, чтобы она могла позволить себе такие вольности. Нет, это какое-то смутное воспоминание пыталось отворить дверь и вырваться.

У всех случаются подобные необъяснимые воспоминания, когда видишь какую-то местность или здание, и внутренний голос тут же заявляет, что ты видел это прежде, хоть сам ты знаешь, что это невозможно.

Должно быть, это подобное ложное воспоминание так настойчиво пыталось прорваться ко мне. Или мы и вправду живем не раз и в каждой следующей жизни пытаемся исправить намеренно причиненный нами вред? Я слышала, люди Древней расы когда-то обсуждали подобную теорию. Но для меня пока что достаточно было и этой жизни со всеми ее чудесами и обещаниями.

Но когда-то, где-то я уже шла этими путями. Я была настолько в этом уверена, что могла бы, несмотря на непроглядность туннелей, сказать, какие стены меня окружают. И это не был

обычный голый камень. Нет, на них были высечены знаки. И чтобы понять, права я или ошибаюсь, я вытянула правую руку в уверенности, что сейчас мои пальцы скользнут по такому камню. И так и случилось. Стены были испещрены глубокой резьбой. И хоть я не стала пытаться проследить какую-нибудь надпись, я знала, что они здесь есть.

Однако эти письмены были чужды моему Дару. Над ними витал привкус Зла, хоть, может, и ослабевший немного за долгие годы, прошедшие с тех пор, как эти знаки были высечены. Моя рука отдернулась от них, словно от огня или жгучей кислоты.

Земля у меня под ногами была ровной – ни обломков камней, ни трещин, мешающих идти. А потом меня заставили остановиться.

Я ощутила некий вздох или дуновение воздуха. Сила, завладевшая моим телом, развернула меня влево, и мои вытянутые руки скользнули по камню, покрытому резьбой. Я принялась нащупывать путь ногой, твердо зная, словно видела это, что в полу зияет отверстие и обойти его можно лишь по узкому краю. Вот его и требовалось отыскать на ощупь.

Так что я прижалась спиной к стене, слегка придерживаясь за нее руками, а лицо мое было обращено к отверстию. Шаг за шагом я протискивалась мимо невидимой ловушки. Мне казалось, будто путь занял целый час, хотя наверняка я уже через несколько минут снова оказалась на широком и прочном полу туннеля.

Теперь я стала вполне осознанно беречь силы и оставила попытки сбросить оковы. Этот эпизод сильно меня потряс, и я была уверена, что причина кроется в глубинах этой ложной памяти.

Еще я почувствовала, что туннель понемногу пошел вверх, так плавно, что я даже не сразу это осознала. Потом подъем сделался более крутым. Наконец мои ноги безошибочно отыскали лестницу, и я стала подниматься по ней. Здесь левая стена была ровной, и я провела по ней рукой ради ощущения опоры в темноте.

Все выше и выше. Я что, внутри какой-то горы? Я что-то не могла вспомнить никакого необычно высокого пика среди гор, окружающих Долину. Нет, настоящие горные цепи располагались на севере и на западе – те, которые нам пришлось преодолеть на пути в Эскор.

Мои руки поднялись скорее по приказу Лайдан, чем по моему желанию. Ладони ударили по каменной поверхности чуть выше уровня головы. Насколько я могла предположить, я добралась до какой-то двери, перекрывающей путь. Я напрягла силы и не только по велению захватившей меня колдуньи – мне самой хотелось выбраться из этой ловушки.

Сперва мне подумалось, что выход запечатан заклятием или заперт. Потом дверь все же немного подалась, очень медленно и неохотно. Серый свет, тонкий, как последние зимние сумерки, очертил с трех сторон квадрат. Я поднялась еще на две ступеньки, так, чтобы можно было упереться в дверь спиной, и последним мощным усилием заставила ее с грохотом открыться. Поднявшиеся облака древней пыли заставили меня закашляться.

На мгновение я заколебалась; я понятия не имела, что может таиться за этой дверью и поджидать меня. Но потом я прошла в проем – потому что была должна. За дверью обнаружили груды рухнувших камней и даже остатки стены, как будто этот потайной ход когда-то приводил в зал, размерами и видом сопоставимый с отдельным зданием. Но если это и вправду так, сей путь был...

Я моргнула. И снова моргнула. Пару мгновений я отчетливо видела все еще сохранившиеся развалины – рухнувшие каменные блоки, подобные теням. А потом они словно мигнули. Из земли поднялись стены, обрели плотность, стали материальными. Небо над моей головой заслонила крыша. Это что, тот зал с черепом?

Но нет, тут нет колонн, и стены здесь круглые. Я словно очутилась на первом этаже какой-то башни. Здесь были узкие окна-бойницы, но они почти не пропускали света. В основном он исходил от факелов, закрепленных на стенах через равные промежутки. Они пульсировали ровным, сдержанным светом.

Дверь, через которую я вошла, отворяясь, отодвинула в сторону коричневый меховой ковер, сделанный из шкуры снежного кота, и явно не из одной. Вокруг стояли резные стулья и скамьи; на столе у стены красовалась чаша из красноватого хрусталя, заполненная гроздьями мелкого красного винограда, самого редкого и самого сладкого из всех, известных моему народу. Рядом стоял металлический кувшин искусной работы – в его сиянии серебро переплеталось с золотом. Он был сделан в форме дракона – шея изгибалась вперед, а распахнутая пасть готова была извергнуть содержимое сосуда.

Мой разум отреагировал быстро и, я надеюсь, верно. Все это было иллюзией. Однако же, когда я наклонилась, чтоб прикоснуться к складкам на ковре, мои пальцы погрузились в мягкий мех. Значит, эта иллюзия могла контролировать сразу несколько органов чувств.

Я повернулась к столу, решив продолжить испытания, но тут воздух сгустился. Это выглядело так странно, что я лишь смотрела в изумлении, как он словно затвердел и образовал тело. А потом передо мной возникла Лайдан.

Она рассмеялась и подняла руку, убирая с глаз прядь огненно-ярких волос.

– Что, сестричка, удивлена? Что ж, подчинить можно не только пространство, но и время – и другие границы, которые люди беспечно считают вечно неизменными и недвижимыми. Это Зефар...

Произнеся это слово, Лайдан на миг впиалась взглядом в мои глаза, словно ожидала, что я его узнаю. Потом пожала плечами.

– На самом деле, не важно, помнишь ты или нет. Но все это... – Она повела рукой. Подобие тумана, облекавшее ее прежде, здесь сделалось менее прозрачным и больше похожим на обычную одежду. – Все это охотно откликнулось на мой зов, потому что когда-то я его упорядочила. Там, где воспоминания сильнее всего, мы можем победить само время. Впрочем, это не имеет значения. Ты...

Лайдан неторопливо уселась на единственное в этом зале настоящее кресло; оно стояло у стола, посередине. На фоне темной высокой спинки ее волосы стали выглядеть еще ярче.

– Да, сестричка, мы в Зефаре. А в Зефаре ты можешь кое-что сделать даже в этом закольцованном времени. – Она поставила локоть на стол и подперла подбородок кулаком. Хоть губы ее непринужденно улыбались, но глаза были подобны осколкам льда, извлеченным из зубов Ледяного Дракона; от них исходил леденящий холод, и в зале становилось все холоднее.

– Ты связана жизнью с человеком, которого ты называешь Йонаном – хотя некогда он носил иное имя и играл роль дурака, но недостаточно хорошо. Он умер так, как пожелал сам, но не вовремя...

«Время» – это слово эхом разнеслось по залу, словно удар гонга, донесшийся откуда-то издалека; звук, которому невозможно было воспрепятствовать.

– Теперь он снова будет играть дурака, – продолжала Лайдан. – Но прошлое не следует обращать вспять. Скорее, его надлежит улучшить. Тебя, а с твоей помощью и этого Йонана следует использовать. Сам он – пустое место, но, к сожалению, он способен уничтожить то, что не удастся потом возродить заново за целую жизнь – двадцать жизней! А потому, сестричка, ты в этом поучаствуешь, и все будет, как мы хотим...

Ко мне наконец-то вернулся дар речи. Возможно, именно мысль о том, что она сделает из меня орудие гибели Йонана, помогла мне исторгнуть из себя это сипение, такое хриплое, словно я не пользовалась языком лет двадцать:

– Как пожелаешь.

Неужели когда-то мы уже стояли и торговались так? Дразнящий призрак памяти снова пробудился во мне. Наверное, это было не совсем так, но когда-то в прошлом мы были противницами. Значит, я должна знать больше. Намного больше.

Лайдан снова рассмеялась.

– Если ты и отыщешь тот давно забытый след, то мало что найдешь в его конце. Разве что выяснишь, что потерпела неудачу тогда – как потерпишь ее сейчас. Уж поверь мне. – Ее глаза пылали, а может, сверкали бриллиантовым блеском, как лед под ярким солнцем. – Ты потерпишь неудачу. На этот раз ты даже незначительнее, чем была прежде, когда мы сошлись лицом к лицу. Да, ты отдашь мне Йонана, и все будет хорошо. Я об этом позабочусь. Идем!

Она встала и кивком подозвала меня. И я снова оказалась подвластна ее воле, как и все время с того момента, когда я пришла в себя под открытым небом, среди гор.

Лайдан даже не оглянулась проверить, следую ли я за ней. Вместо этого она направилась напрямик к лестнице, спиралью огибающей круглую внутреннюю стену, и принялась быстро подниматься. Я вынуждена была идти следом.

Так мы поднялись на второй, верхний этаж башни, где потолки были не столь высокими. Здесь были полки и столы со всевозможными чашами, бокалами и коробочками. С потолка свисали пучки пожухшей растительности, в которой я, как мне показалось, узнала сушеные травы, и они же были развешаны по стенам. Но центр помещения был полностью свободен от мебели. И там красовалась мозаичная колдовская пентаграмма из разноцветных камней – кто-то желал, чтобы она всегда была наготове. На остриях лучей стояли толстые черные свечи; их зажгли некоторое время назад, и теперь свечи были в зловещих потеках.

За пентаграммой располагался круг поменьше, прорисованный красными и черными рунами. И в его центре, крепко связанный, с кляпом между широкими челюстями лежал... Тсали! Я даже представить себе не могла, как человек-Ящер попал сюда.

4

Я инстинктивно попыталась соприкоснуться с ним разумом. Но моя мысль отразилась от невидимого барьера, сотканного так тщательно, что его невозможно было преодолеть, – очередное колдовство Лайдан. Она повернулась ко мне спиной – из презрения. Должно быть, теперь она считала меня ничтожеством, которое можно контролировать не напрягаясь. Вместо этого Лайдан принялась сосредоточенно разыскивать что-то на этих забитых вещами полках; она взяла оттуда сперва грубо слепленный горшок с крышкой, потом флягу. Во фляге бурлила, словно живая, какая-то жидкость.

Я посмотрела Тсали в глаза, напряглась, но так и не смогла дотянуться к его разуму и установить контакт. А еще я увидела, что он узнал меня, но во взгляде его отразилось потрясение и... неужели отрицание?

Изначально я узнала о своем Даре именно потому, что могла общаться с другими существами – с теми, кто стоит не ниже нас (хотя люди невежественные могут именно так и считать только потому, что эти существа ходят, говорят или думают не так, как мы). Народ Ящеров, рентаны, верлонги Долины – все они произошли от других предков, но они не хуже нас – просто другие.

Точно так же рыбу, нежащуюся в прогретом солнцем пруду, антилопу, пасущуюся на лугу, снежного кота, важно шествующего по высокогорью, объединяют любовь к жизни и образ мышления, не уступающий нашему, пусть мы и не в силах его понять.

Еще я умела призывать рептилий. И теперь я вдруг вспомнила на миг, как сильно взволновался Йонан, когда впервые застал меня во время общения со змеей, настолько тесного, насколько это позволяла разница наших сущностей.

Но все это были чистые животные, не затронутые гнилью Тени. А здесь, в Эскоре, рыскали такие существа, которым нельзя было открывать свое сознание, иначе тебя могли поработить, воспользовавшись лазейкой. Сколько же этих порождений Лайдан использовала, воздействуя в давние времена на часть людей и настолько растливая их, что они искажали природу просто забавы ради – или чтобы создать слуг для новых злых дел?

Человек-Ящер явно был ее врагом. И мне не надо было объяснять, что Лайдан запланировала для него что-то очень скверное. Но поскольку она сняла с меня большую часть принуждения, оставив ровно столько, чтобы удержать меня здесь, я принялась осторожно оглядываться в поисках хоть какого-нибудь оружия или союзника.

В этом чародейском логове не было окон, а толстых каменных стен было почти не видно из-за полок. И потолок у меня над головой был гораздо выше, чем на первом этаже. Теперь я рассмотрела, что в углах во множестве висела толстая многолетняя паутина, такая тяжелая от осевшей на нее пыли, что она напоминала обрывки портьеры. И я послала в эту паутину легчайшую мысль.

Сознание, к которому я прикоснулась, было совершенно чуждым – искра разума, пугающая своим холодным ненасытным голодом. Но я никогда прежде не пыталась установить контакт с насекомым. И то, что мне удалось до него дотянуться, уже было небольшой победой. И очевидно, Лайдан, занятая своими делами, не заметила, что я настолько сильно – или настолько слабо – выскользнула из-под наложенного ею заклинания.

Я засекала еще одно сознание насекомого, потом третье. Их было очень трудно удерживать, ведь их уровень сознания настолько отличался от моего, что мысленный контакт напоминал попытки удержать шнур, который постоянно выдергивают у меня из пальцев, а я ловлю его снова за миг до того, как он ускользнет окончательно.

В этой пыльной паутине таились охотницы, хладнокровные и смертоносные. Они ничего не знали о наших делах и знать не желали. Но они были здесь. И я напряглась, сосредоточившись на самой большой и, возможно, самой старой паутине, с дырой в центре. В этой дыре что-то шевельнулось. Я все-таки выманила ее обитательницу на открытое место! У меня не было никакого плана – лишь надежда, в тот момент совершенно смутная. Но я решила испытать свой Дар и вызвала тех, кто обитал под потолком. Кажется, они тут неплохо питались, судя по тому, какие жирные у них тушки – обитательницы самой крупной паутины были с мою ладонь размером.

Это не были обычные пауки. В их челюстях таился яд. Они могли обездвигить свою добычу и еще живую замотать в паутину, на потом. А в крошечных глазках поблескивали злые огоньки.

Лайдан закончила собирать снаряжение – уж не знаю, какое гнусное колдовство она задумала. Но теперь она целеустремленно пошла вокруг звезды, ставя рядом с каждой свечой по второй и посыпая соединяющие их линии истертыми в порошок травами. Пахло от них неприятно.

Я догадывалась, что она задумала. Мы будем находиться за барьерами, которые она сейчас укрепляла, а Тсали останется лежать внутри, там, где возникнет какое-либо персонифицированное Зло, которое Лайдан сейчас стремилась призвать из-за Пределов. А Тсали предстояло стать кровавой жертвой для этого...

Однако же хоть Лайдан и сосредоточилась на своем деле, дальше она больше не ослабляла контроль надо мной. Она принялась бормотать неизвестные мне слова, пронзительно выкрикивать заклинания, которыми ни одна истинная колдунья не стала бы пачкать свой язык. В них нельзя было допустить ни одной ошибки – ведь стоит проявить небрежность хоть в одном щите из тех, что плела сейчас Лайдан, и она сама лишится жизни.

Самая большая из обитательниц паутины проворно переползла на край своего мерзкого жилища и принялась покачиваться; глазки-искорки выискивали добычу – я послала пауцихе мысль о том, что та неподалеку. Пауциха метнулась вперед; вращаясь, она пряла нить, связывающую ее с обиталищем. Потом она стала раскачиваться из стороны в сторону; ее жирное тело казалось то оранжевой, то черной точкой в воздухе.

Я чувствовала, что паучихе не нравятся запахи, исходящие от перетертых трав внизу. Ей захотелось отступить, но насланная мною картина обильной еды заставила ее задержаться. Вторая сидевшая в засаде паучиха вывалилась из своего пыльного логова, следом за ней третья.

– Ага. – Лайдан встала и потеряла руки, избавляясь от остатков сушеной травы. – Мы готовы, сестричка. Нужно только произнести формулу вызова. Жертва будет принята, и ты станешь одной из нас...

– А если я не желаю? – Я не смотрела на пауков. Вдруг Лайдан поднимет голову и тоже их увидит.

– А у тебя нет выбора, – сказала она. – У тебя нет защиты от того, что я вызову, и оно завладеет тобой на какое-то время. А когда оно уйдет, ты будешь принадлежать ему, и тогда, – она обвела зал рукой, – ты станешь учиться добровольно. В тебе есть то, что всегда откроет нам двери. Иначе как, по-твоему, мы могли бы призывать тебя? И... – Она как-то странно взглянула на меня. – Я думаю, что ты даже стремишься к тому, что таится в глубине твоей души. Ты – одна из нас, сестричка, из тех, кто предпочитает быть скульптором, а не скульптурой. И это правда, которую ты не сможешь отрицать.

– Я не принадлежу Тени, – упрямо возразила я.

Лайдан пожала плечами:

– Что есть Тьма и что есть Свет? Ты слышала лишь одну историю, ту, которую рассказывают наши враги. Много тебе еще предстоит узнать. Надо ли запирает двери и отказываться от знаний лишь потому, что кто-то страшится того, что находится за дверью? Есть лишь одна вещь, к которой стоит стремиться, и это – Сила! Все остальное поглотит время. Все рассыплется и будет позабыто. Ничто не сможет существовать дольше, чем стремление к Силе. Ты поймешь, да, и ты возрадуешься этому – что ты одна из тех, кто может принять Силу, как ждущая фляжка принимает зимнее вино.

И было в ее словах нечто такое, что часть моей души действительно отозвалась на них. Точно так же, как я усомнилась в себе во время разговора с леди Крисвитой, так и теперь во мне пробудилось сомнение. Я хотела – хотела! – узнать, что можно сделать, чтобы использовать свой Дар в полной мере. Я желала Силы!

И все же... другая часть меня ринулась в битву. Силу можно исказить и извратить, она может уничтожить того, кто ее использует. Она...

Самая крупная из паучих висела теперь над Тсали. Я увидела, как человек-Ящер перевел взгляд ярких глаз с меня на болтающуюся наверху тварь, а еще отметила, что ее сестры тоже разматывают нити и спускаются.

Лайдан подошла и встала передо мной внутри звезды. Она извлекла из-под укрывающих ее полотнищ тумана небольшой черный жезл. Подняв его, она принялась поочередно указывать им на свечи, и те одна за другой вспыхивали маслянистым багровым пламенем. Одновременно с этими движениями она начала читать заклинание.

К горлу подкатила тошнота, и я немного согнулась, прижав руки к животу. Что бы там ни отзывалось во мне на ее чародейство, порождаемое им отвращение просто разрывало мое тело. Но решимость моя окрепла.

В тот самый момент, когда Лайдан призвала существо, которое намеревалась принудить повиноваться ей, я сосредоточила волю на свисающих сверху пауках. Я все еще не знала, как бы использовать их в качестве оружия, но ничего другого у меня не было. А я достаточно многому научилась у леди Дагоны, чтобы знать, что в подобном колдовстве баланс очень хрупок и нарушить его крайне легко. Лайдан окружила и круг, и звезду, в которой мы стояли, защитными знаками, но ей и в голову не пришло ждать угрозы сверху.

От свечей исходил запах, казавшийся мне отвратительным. Однако же я видела, что Лайдан делает глубокие вдохи в промежутках между словами, как будто черпает в этом запахе некую необходимую пищу или энергию. А потом...

Воздух в круге пришел в движение. Но в этот водоворот сверху рухнула первая паучиха. Воздух забурлил. Лайдан вздрогнула, и ее заклинание оборвалось. Вот вторая паучиха исчезла в этой туманной колонне, третья... Лайдан отпрянула, зажала рот ладонью. Впервые при мне она была потрясена тем, что увидела – или почувствовала...

Может, я и не столь восприимчива, как колдуньи, но я ощутила серьезное беспокойство. Вызванное нечто – оно отпрянуло. Оно пришло в ярость. И оно исчезло!

Лайдан закричала и зажала уши, словно защищаясь от какого-то нестерпимого звука. А я ничего не понимала, кроме того, что вызванное существо ушло. А потом исчезла и Лайдан – просто растаяла в одно мгновение.

Пламя свечей погасло, и в комнате стало почти темно. Я была... свободна.

Я влетела в пентаграмму, схватила со стола нож с массивным лезвием, кинулась к Тсали и разрешила веревки. Ментальный барьер между нами исчез. Но в этой комнате, в месте, которое Лайдан назвала Зефаром, что-то еще отягощало дух.

Тсали встал. Его когтистая рука обхватила мое запястье.

«Идем!» – Он помчался к лестнице, увлекая меня за собой.

Стены – как и всё в зале – сделались расплывчатыми, как будто их камень таял и утекал в ничто. Мне показалось, что ступеньки дрожат и осыпаются под моим весом. Видимо, какую бы иллюзию Лайдан ни наложила на это место, сейчас та рассеивалась, и мы могли либо очутиться в ловушке между временами, либо оказаться погребенными под каменными блоками, которые века спустя вывалятся из кладки.

Наконец мы, задыхаясь, вылетели на открытое место и остановились. Вокруг были лишь поросшие мхом битые камни и угол, оставшийся, возможно, от внешней стены. Тсали все так же крепко держал меня за запястье. Он крутил головой по сторонам со скоростью, о которой мои соплеменники и помыслить не могли, и был так напряжен, что я поняла: до безопасности нам еще далеко.

«Лайдан?» – послала я ему одно-единственное слово.

«Не ушла. Пока что, – подтвердил он мои опасения. – Она бежала в свой уголок небытия, чтобы вызванная ею сущность не обратилась против нее. Но там она станет лелеять свою ненависть – и та лишь возрастет, когда колдунья узнает, что случилось в ином месте. А поскольку она связана с тобой, ты можешь снова обеспечить ее проходом между временами».

«А что случилось в ином месте?» – Я ухватилась за эту часть его предостережения.

«Тот, кого она стремилась возродить, наконец-то воистину мертв. Юноша, которого ты зовешь Йонаном, и Урук Секиры сотворили собственную магию. Но ненависть Лайдан теперь делается сильнее. Впрочем, я думаю, пока что она не посмеет ничего предпринять. Слишком уж далеко ее забросило отдачей от заклинания. Но с ней еще не покончено».

Он выбрался из древних руин, так и не выпуская моей руки. Пожухшая осенняя трава была здесь мне по бедро, а Тсали по пояс.

«Что... почему пауки...» – начала я.

Хотя эти прядильщицы исполнили мою волю и, видимо, разрушили колдовство Лайдан, я не понимала, как это могло произойти.

«Баланс заклинаний – очень хрупкая вещь, – ответил Тсали. Его внимание по-прежнему было сосредоточено в основном на окружающей местности, несмотря на то что последнее нагромождение каменных блоков уже осталось позади. – Существо, вызванное Лайдан, требовало крови в уплату, и к этому колдунья подготовилась, – очень буднично подумал Тсали, словно не ему предстояло стать платой. – Но когда в эту сущность вошла другая жизнь, оно сперва растерялось, потом разозлилось и решило, что Лайдан осознанно искала его помощи за

такое жалкое подношение. Те, кто всецело принадлежит Тени, не доверяют никому. Некоторые заклинания вынуждают их повиноваться, но сделка должна исполняться скрупулезно, иначе они освобождаются от необходимости выполнять приказы. Три паука не равны одному Тсали».

Этот своеобразный юмор заставил меня улыбнуться, несмотря на сгущающееся ощущение, будто я стою нагой и беззащитной посреди грозящего опасностями мира.

«Где мы? – спросила я. – В своем ли мы времени? И сможем ли вернуться в Долину?»

Мой спутник быстро уловил эти мысли.

«На каждый из этих вопросов я не могу ответить полностью. Но мы должны быть очень осторожны. У Лайдан будет возможность восстановить силы. Когда она обнаружит, что Тарги больше нет... – Чешуйчатая голова качнулась. – Тогда ее удовлетворит лишь масштабное кровопролитие. Поскольку она вряд ли сможет добраться до тех, кто уничтожил вместилище Тарги, она еще больше вывернется на нас».

«Йонан? Урук?» – послала я новые вопросы.

Тсали ответил так, словно его ум занимали какие-то более важные вопросы. «Их путь – это их путь. Они хорошо выполнили свою работу. А наше дело теперь – хранить верность Долине. Мы не сможем вернуться, пока Лайдан...»

Его мысль словно затрепетала, как будто он хотел скрыть ее от меня. Но как ни горько мне было, я понимала, что он должен сказать, и сделала это сама: «Пока Лайдан может заколдовать меня».

Это не было вопросом. Я знала, что это правда и что я должна принять ее, собрав все свои силы, телесные и духовные.

5

Мы продолжили путь. Когда мы отошли достаточно далеко от развалин, Тсали сбавил шаг. Земля вокруг была бурой. Поздняя осень наложила на нее свой отпечаток и лишила этот край всякой растительности. Холод вытянул жизнь из трав; увядшие и сухие, они тихо шуршали на ветру.

Здесь сохранились остатки дороги. То тут, то там виднелись плиты, занесенные землей или вздыбленные корнями безлистных деревьев. Я огляделась, пытаюсь найти какую-нибудь приметную деталь, по которой можно было бы ориентироваться, хоть и понимала, что не могу вернуться обратно в Долину, – во всяком случае, до тех пор, пока не освобожусь полностью от воздействия Лайдан.

Меня начали терзать голод и жажда, и мне хотелось знать, куда Тсали меня ведет. Но я не спрашивала. Я шла, словно во сне, повинаясь его указаниям. Вместо этого я искала внутри себя то, что могло быть частью моего Дара. Я была беззащитна перед Лайдан, – по крайней мере, так я думала. Сколько времени пройдет, прежде чем она осмелится выйти из своего укрытия и постарается снова сделать меня своим инструментом?

Инструментом?

Почему-то мое полное тревог сознание зацепилось за это слово. Человек созидает двумя способами: усилиями разума (которые сами по себе не магия) и руками – или продолжениями рук, созданными в незапамятные времена какими-то изобретателями, стремившимися решить какую-то проблему.

Есть инструменты земледельца: плуг, чтобы вспахать землю для сева, мотыга и грабли, молоток и пила, и другие, названий которых я не знаю. Есть и иные известные мне инструменты: горшки, чтобы подвешивать их над огнем и готовить в них пищу, веретено, чтобы пряхать нить, игла, ткацкий станок. Ложка, если уж на то пошло, и короткий нож, и...

Но есть и другие инструменты – для войны. Дротикомет – мои пальцы машинально шевельнулись, словно потянулись к оружию в поисках спусковой кнопки. Мечи и копья – мужчины обратились к ним в те дни, когда мы не могли больше делать дротики. Еще щиты для защиты. А в Долине каждый из Зеленого народа носил на поясе силовой хлыст – это были дети молний, прирученные и поставленные на службу.

Все это инструменты – даже разум. Но я терпела поражение из-за того, что не была как следует обучена обращаться с инструментом, доставшимся мне при рождении.

Тсали свернул в сторону от остатков древней дороги и повлек меня на восток. Я брела за ним, потому что другого плана у меня все равно не было.

День был пепельно-серым, как высохшая трава, через которую мы пробирались. Но никаких облаков я не видела. Потом я услышала журчание воды, и мой язык шевельнулся во рту, словно бы забитом пылью. Тсали потащил меня вниз по склону – тот постепенно становился все круче. Но теперь я следовала за ним с нетерпением, потому что увидела ручеек, бегущий по каменистому руслу.

Я опустила на колени у ручья, вымыла руки – вода оказалась ледяной, – потом зачерпнула полную пригоршню и поднесла к губам. Тсали отошел чуть в сторону, присел и принялся лакать прямо из ручья. Напившись досыта, я огляделась по сторонам уже более осмысленно. Напиться-то я напилась, но хотелось еще и поесть.

Тсали вдруг выбросил руки вперед и встал; с чешуйчатой кожи стекала вода, а в когтях извивалась рыба. Он подождал, пока та затихнет, и бросил на землю позади себя, потом снова присел и стал уже пристальнее всматриваться в воду.

Хотя я давно выбрала путь и решила, что не буду убивать живых существ ради пропитания, сейчас я понимала, что должна думать о выживании и действовать логично и что если добыча Тсали означает жизнь и силу, я должна принять ее.

Но я никак не могла заставить себя прикоснуться к мертвой рыбе. Я лишь смотрела, как Тсали выдернул вторую рыбу из ее среды обитания. Потом он прошелся вдоль берега и вернулся с заостренной палкой, при помощи которой выпотрошил рыбу, и камнем, которым он ее почистил.

Огня у нас не было, да и Тсали все равно предпочел бы свою долю съесть сырой, я это знала. Я посмотрела на врученную мне долю с отвращением. Но я должна была жить, а это была единственная имеющаяся у нас еда. Я заставила себя понемногу откусывать плотное мясо и проталкивать его внутрь. Что ж, это не хуже, чем многие испытания, встающие перед воином. Раз я противостою Лайдан и ее миру, придется воевать, выбора нет.

Тут сверху раздался крик. Он настолько меня испугал, что я чуть не выплюнула очередной кусок, который заставила себя откусить. Подняв голову, я увидела птицу. Она уже разинула клюв для очередного вопля и нагло спикировала, явно целясь выхватить еду у кого-нибудь из нас.

Ее оперение было почти таким же тускло-серым, как небо. Но вокруг глаз красовались ярко-красные круги, и на миг мне померещилось, будто птица смотрит на нас сквозь пятнышки огня. Кажется, такие птицы мне еще не встречались. И хотя я мгновенно напрягла мое избитое и измученное внутреннее чувство, я не отыскала в разуме, с которым соприкоснулась, ничего, противоречащего увиденному. Ну да, это была хищная птица – но она следовала всего лишь собственной свирепой сущности, а не приказам из Тени.

Крики птицы привлекли ее соплеменников. Однако же, пока они поглощали потроха, которые Тсали выбросил подальше, где-то глубоко во мне снова шевельнулось нечто, что не могло быть моим воспоминанием. Я могла поклясться, что никогда прежде не видела таких птиц, но...

Взмахи желтовато-серых крыльев и жгуче-красная маска вокруг глаз казались мне все более важными. Я вдруг обнаружила, что вскочила, прижимая к груди крепко сжатые кулаки.

– Нинутра! – воскликнула я, и мой голос на миг перекрыл даже непрерывные крики птиц. Нинутра? Что это? Человек? Место? Понукаемая стремлением понять, я неохотно открыла разум и принялась искать – глубже, еще глубже. Это было сумасбродством. Раньше я уходила так глубоко только под присмотром леди Дагоны. А в том месте и времени, где я пребывала сейчас, это было особенно опасно. Но я отмахнулась от этих мыслей. Мне нужно знать!

Нинутра – в голове сформировался смутный образ. Я зажмурилась, чтоб не видеть ни неба, ни птиц, ни знакомого мне мира, и устремила взор вовнутрь. Нинутра, ну же! Я отдала приказ этому фрагменту мысли – или воспоминания. Что такое Нинутра?

У меня закружилась голова. Мысленный образ сделался отчетливее, у меня перехватило дыхание, меня переполнило ожидание, и возбуждение перевесило и страх, и осторожность.

Фигура с аурой цвета пламени, такого же, что вокруг глаз у этих птиц. Если бы только смахнуть завесу ослепительного сияния и рассмотреть все почетче!

Нинутра. Не место – Сила. Из Тени? Что же я тогда пробудила?

Нет, внутренний предостерегающий голос, окрепший благодаря урокам леди Дагоны, молчал. Но я не чувствовала и той уверенности, которая текла бы сквозь меня, если бы вызванное принадлежало Свету. Неужто в этом истерзанном войной краю существует некая третья сила, обособленная и от Тьмы, и от Света, идущая по пути, непостижимому для них обоих?

Я изо всех сил старалась получше разглядеть эту фигуру – или Силу. Но свет слишком хорошо укрывал ее. Однако же оттуда проступило, словно круги на воде от брошенного камня, ощущение энергии. Оно было теплым и делалось все горячее и горячее.

Наверное, я закричала. Знаю лишь, что внутри себя я отпрянула, стараясь теперь изо всех сил убраться подальше от этой фигуры, но у меня ничего не получалось. Жар лизнул меня, но в нем не чувствовалось гнева. Я ощутила, что Нинутре, возможно, любопытно, что мой слабый призыв побеспокоил его, и он оторвался от своих глубоких размышлений. Может быть, это кто-то из адептов?

Если так, все, что в нем было человеческого, давно исчезло. Это была чистая Сила непонятной мне разновидности, такая чуждая...

Потом эта фигура немного отделилась от моего разума, а с ней и часть жара. Теперь это по ощущениям, скорее, походило на то, как будто я смотрела на длинный проход и видела в его конце чей-то силуэт. Красное сияние втянулось в его тело. (Я говорю «он», но в этой Силе не ощущалось никакого пола. В ней не осталось ничего, кроме Силы как таковой.)

Но, глядя на него, я была уверена, что некогда «я», или внутренняя часть меня, ныне ущербная и давно погребенная – возможно, другими жизнями и прошедшими эпохами, – была связана с этой Силой, и она иногда отвечала мне. Но это было давно, очень давно, и связующая нас нить рассыпалась прахом...

Я открыла глаза и очутилась в сумрачном мире у ручья. Птицы исчезли. Тсали устроился на камнях, устремив на меня взгляд глаз-самоцветов. Я поймала себя на том, что по-прежнему шепчу это имя:

– Нинутра... – А потом я мысленно обратилась к моему спутнику: «Тсали... Что это за Сила? Кто это – или что?»

Тсали качнул головой, но не мне, а словно бы той фигуре, которую я непонятным образом пробудила.

«Один из Великих – но не из твоего народа, и не из моего, и никакого из ныне живущих. Один из тех, кто задержался среди нас на некоторое время – до тех пор, пока те, кто искал худшего во Тьме, не восстали и не попытались призвать...»

«Но почему я сейчас увидела это существо?»

«Я не знаю, дева-колдунья. Могу только сказать, что эти птицы, – он указал на небо, и я увидела вдалеке несколько крылатых силуэтов, – некогда, давным-давно, были созданы в Месте Наособицу, где пожелал обитать Нинутра и с тех пор мало поддерживал контакты с этим

миром. Там также жили те, кто открыл свой разум и сердце, и время от времени они говорили о том, что грядет в будущем, и даже адепты прислушивались к ним, когда они выступали как Уста Нинутры».

«Тсали... А что, я когда-то была Устами?»

Он покачал головой: «Не расспрашивай меня о тайнах, дева-колдунья. У каждой расы и каждого народа свои легенды. Правда ли, что мы будем жить снова, пройдя через очищающий огонь? А если будем, сохраним ли мы память? Я не знаю».

– Я видела Нинутру... – медленно произнесла я. – И... – Я обхватила себя руками. – Эта Сила согрела меня. Я...

Я подняла голову. Во мне что-то шевельнулось, на этот раз не память, а скорее часть знания, возникшая в уме так отчетливо, как будто в воздухе передо мной повис свиток, только что записанный хранителем Тайного знания, которое я давно искала. Из-за этих поисков я была открыта, потому Лайдан и сумела проникнуть в эту часть моего сознания, незаполненную и уязвимую для ее коварных предложений. Не знаю, как сработало мое видение в те моменты, когда я предстала перед Нинутрой, но теперь некоторые из этих пустых участков сознания оказались заполнены.

Тсали выпрямился, вскинул увенчанную гребнем голову. Его кожа сменила цвет, а ее складки слегка трепетали, как будто все его тело выражало некое чувство.

«Дева-колдунья, что ты теперь станешь делать?»

«То, что должна», – оборвала я его полувопрос-полупротест.

Оглядев берег реки у нас под ногами, я нашла то, что искала: принесенную водой палку, выцветшую и непрочную, но достаточно прямую. Я подобрала ее и крепко сжала в руке. А потом, словно кистью, нарисовала в воздухе знаки, вложенные мне в разум. Так надо, надо, надо...

Мой рисунок сделался видимым. Сперва проявились лишь тонкие линии. Потом внутри обведенных участков проступил цвет, сделался непрозрачным, обрел плотность. Рисунок засветился, словно угли в наполовину угасшем костре в ночи. Я выронила палку и застыла, глядя на предмет, повисший в воздухе, а губы мои произнесли звуки, не похожие ни на какие слова. Они скорее напоминали хриплые крики тех птиц, что некогда гнездились в обители Силы Нинутры, а теперь явились потрошить остатки добычи Тсали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.